802-18
20

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го января 1888 года.

Редакторъ-издатель **А. А. Гейротъ**.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 78—5.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Въ Закаспійскую степь на работу.

(Посвящается бывшимъ товарищамъ-солдатамъ).

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

I.

Толки о войнѣ. — Формированіе 2-го Закаспійскаго желѣзно-дорожнаго баталіона.—Отправленіе въ Москву.—Москва.—По Волгѣ, Каспійскому морю. — Баку. — Черный городокъ. — Бакинскіе жители.

Какъ подумаешь, братцы мои, какъ мы часто Бога гнѣвимъ, да на судьбу жалуемся: то — земля плоха, то—засуха была, да урожай малъ, хлѣба нѣтъ,—одно слово—Богъ покаралъ!

Со стороны, оно точно, что Богъ покаралъ. А какъ посмотришь, какъ у насъ живутъ и работаютъ, да походишь потомъ по чужимъ землямъ, посмотришь на другихъ людей: какъ они живутъ, да чѣмъ занимаются, какъ хлѣбъ себѣ добываютъ, да какъ имъ все это дается, то и увидишь, что не Богъ насъ, а мы сами себя покарали, матушка-лѣнь наша, что прежде насъ ро-

дилась. Не даромъ же говорится: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Вотъ, кабы сами-то не плошали, лѣнь свою поборали, да не бражничали и рукъ своихъ бы не балозали, то и Богъ не каралъ бы и мы жили бы себѣ припѣваючи и Его не гнѣвили бы. Трудящагося человѣка Богъ никогда не покараетъ.

Посмотрѣли бы, какъ другіе народы, въ другихъ земляхъ живутъ, да хлѣбъ себѣ добываютъ,—не то сказали бы.

Такъ-то, сидя на одномъ мѣстѣ, конечно, ничего не увидишь, да будешь судьбу клясть; да только солдату не приходится долго засиживаться: сегодня онъ здѣсь, а завтра—въ другомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь за тысячу верстъ.

Вотъ, хоть бы и мнѣ: прежде и самъ, грѣшный человѣкъ, Бога гнѣвилъ, а потомъ, какъ пошелъ въ солдаты, да посмотрѣлъ на свѣтъ Божій, то и возблагодарилъ Господа Бога за Его щедроты, за то, что теперь у насъ есть, потому что у другихъ и на половину того нѣтъ. А гдѣ я бывалъ, что видѣлъ и какъ туда попалъ, я вамъ сейчасъ, братцы мои, разскажу.

***

Служилъ я рядовымъ въ Лейбъ-Бородинскомъ пѣхотномъ полку. Полкъ стоялъ въ Бѣлостокѣ. Ну, и несъ тамъ службу солдатскую: сегодня—въ караулъ, завтра—на ученье, а тамъ—на дневальство, и такъ изодня-въ-день. Того и не зналъ, что походъ за плечами стоитъ, дожидается...

На службу поступилъ я въ 1884 году; прошелъ годъ, я уже старымъ солдатомъ считался, когда, въ мартѣ мѣсяцѣ 1885 года, стали поговаривать о войнѣ не то—съ англичанами, не то—съ афганцами. Толкомъ-то и сами не знали: подслушали, какъ то, разговоръ ротнаго съ субалтерномъ, что, дескать, и сраженіе уже было на рѣчкѣ такой, что Кушкой прозывается. И много, говоритъ, наши ихняго народу перебили, все поле было завалено убитыми, а вода въ рѣчкѣ отъ крови красною сдѣлалась.

А кто такіе афганцы, гдѣ живутъ, чѣмъ занимаются, да гдѣ эта самая рѣка Кушка,—того и не знали. Сколько кого ни спрашивали—и тѣ не знали, какъ только кого ни спросишь, глаза только вылупятъ. На что, Моторнюкъ (нашъ ротный писарь), человѣкъ грамотный, бывалый, да и тотъ ничего не зналъ. Далеко, видно, живутъ эти афганцы.

Да, спасибо, фельдшеръ разсказалъ: афганцы—магометане, все равно, что турки; живутъ далеко-далеко отсюда—за Кавказомъ, тамъ, въ Азіи, около нашей туркестанской границы, верстъ тысячъ пять отсюда будетъ. Сами по себѣ, они народъ и ничего-себѣ, да англичане ужъ больно мутятъ ихъ, да подучаютъ насупротивъ Русскихъ идти. Англичане все побаиваются, чтобы мы къ нимъ въ Индію не забрались. А Индія — богатая-пребогатая земля, принадлежитъ она англичанамъ и отъ нашей-то афганской границы недалече, всего какихъ-нибудь верстъ 800, не больше.

Сами-то англичане ничего не могутъ подѣлать. Хотя кораблей у нихъ и много,—да войска мало, все равно что ничего. Ну, а гдѣ тамъ съ кораблями сунуться,

когда не то, что моря, да и рѣченки путящей нѣтъ, а все пески, да пески; такъ вотъ, они теперь и подуськиваютъ афганцевъ, благо народъ глупый, да податливый. Англичане и денегъ имъ даютъ, и оружіе, и офицеровъ своихъ посылаютъ. Вотъ, они и хорохорились, пока имъ спѣси не сшибли. 18-го марта 1885 года на Кушкѣ ихъ такъ пощипали, что они удирали, лишь пятки мелькали.

Поговорили, это, мы о войнѣ день, два, три, недѣлю, да и думать перестали. Начальство ничего не говоритъ, къ походу приготовляться не приказываютъ, ну, значитъ, ничего и не будетъ. Прошелъ такъ мѣсяцъ. Мы выступили уже въ лагери.

Сижу, себѣ, на линейкѣ и книжку читаю,—интересная была такая,—какъ, глядь, фельдфебель идетъ...

— Ты, кажется, Ивановъ, кузнецъ?—спрашиваетъ онъ меня.

— Такъ точно, Сидоръ Макарычъ; до службы былъ кузнецомъ.

— Ну, такъ въ походъ приготовляйся; хотѣлъ посмотрѣть афганцевъ, можетъ быть и увидишь. Въ Москвѣ формируется желѣзно-дорожный баталіонъ, который долженъ въ Азію идти, въ Закаспійскую область, желѣзную дорогу строить отъ Каспійскаго моря до самой Афганской границы. Такъ вотъ, теперь и требуютъ въ этотъ самый баталіонъ отъ всѣхъ частей мастеровъ разныхъ. Ну, да ты не тужи. Свѣту увидишь, а можетъ и Георгія получишь.

Я-то и не тужилъ. Чего тужить?—въ походъ, такъ въ походъ. Не все же на печи лежать. На то и служба, чтобы служить и вѣрою, и правдою, не щадя живота.

Нынче и бабы, и тѣ верстъ за триста, за четыреста, пѣшкомъ на заработки ходятъ. А солдату какіе-нибудь три тысячи верстъ что?—пустяки. Да и то, правду сказать, свѣтъ увидишь, домой придешь—разсказать что будетъ, да Ѳедькѣ-то этому, пакостному, носъ утру, что такъ больно его задираетъ, важничаетъ, да передъ дѣвками форситъ: «я, молъ, въ Кіевѣ бывалъ, въ Варшавѣ, въ Москвѣ, да Одессѣ; турокъ видалъ, грековъ, да болгаръ...»—А я, вотъ, въ Азіи былъ, да афганцевъ видалъ... что—видалъ, даже и бивалъ ихъ... На, вотъ, тебѣ!

Позвали, это, насъ, на другой день, въ полковую канцелярію (изъ полка насъ 8 человѣкъ отправляли), объявилъ намъ полковой командиръ о походѣ, да и приказалъ насъ обмундировать, а черезъ недѣлю мы уже и въ Москву отправлялись.

Взгрустнулось малость, когда съ товарищами прощались; вѣдь ѣхали Богъ вѣдаетъ куда, за тридевять земель, въ тридесятое царство; Богъ вѣсть, увидимся-ли когда? А можетъ быть, и вовсе воротиться не придется...

Только это спервоначалу такъ было; а какъ сѣли въ вагонъ, да запѣли пѣсни, то и грусть-тоску какъ рукой сняло, такъ съ пѣснями и въ Москву пріѣхали. Явились на сборный пунктъ, а тамъ народу видимо-невидимо: и пѣхотные всѣхъ полковъ, и саперы, понтонеры, телеграфисты, даже два-три драгуна затесались, все это въ тотъ самый баталіонъ, что въ Закаспійскую область идти долженъ.

Встрѣтили насъ радушно, по товарищески, даромъ что не знакомы, а какъ будто свои люди изъ коман-

дировки воротились, угостили водочкой, закусочкой, чайкомъ напоили, совсѣмъ какъ слѣдуетъ, какъ солдату солдата встрѣчать подобаетъ. Потому, все равно, какой бы части солдатъ ни былъ, а все же мундиръ одинъ, службу Царскую несетъ одинаково, ну, значитъ, и товарищъ, что тутъ разговаривать. Часа черезъ два, мы были ужъ своими людьми въ казармѣ, какъ будто и всю службу служили вмѣстѣ; разспрашивали насъ про нашъ полкъ, разсказывали про свои; въ другомъ мѣстѣ пѣсни пѣли, въ бубны играли, знакомыхъ принимали, да чайкомъ угощали. Даромъ, что сами въ Москвѣ безъ году недѣля, а ужъ знакомыхъ завели, да хорошихъ какихъ: такія здоровыя, краснощекія, да красивыя, москвички эти! Сказано, куда солдатъ пришелъ, тамъ и знакомыхъ нашелъ!

Весь вечеръ въ толкахъ прошелъ о походѣ, афганцахъ, да англичанахъ. Не одинъ, небойсь, храбрецъ зубы на нихъ точилъ. Да и намъ какъ-то на душѣ сдѣлалось отъ встрѣчи такой хорошей радостно, да весело, и самимъ-то въ походъ поскорѣе захотѣлось. И ночью-то сны какіе все славные снились...

Только тутъ, братцы мои, со мною оказія случилась.

Сплю я, это, и кажется мнѣ, что мы уже тамъ, на мѣстѣ; и снится мнѣ, что уже и въ бой идемъ, афганцевъ видимъ—смѣлые такіе, въ длинныхъ халатахъ, да чалмахъ на головѣ замѣсто шапокъ; и будто перестрѣлка завязалась, да жаркая такая, все поле дымомъ заволокло, а раненые такъ и сыплются, стонъ, крики... афганцы кричатъ «Алла!»... Вдругъ, барабанъ ударилъ атаку, а музыка подхватила и начала играть:

«Колонна храбрая впередъ,
Равненіе направо,
Кто первый на стѣну взойдетъ,
Тому и честь, и слава...»

Тутъ я ужъ себя не вспомнилъ, какъ сжалъ ружье въ рукахъ что было мочи, да и бросился впередъ и заоралъ во все горло «ура, ура!» Да тутъ только, какъ будто въ яму попалъ какую, да больно такъ, не то—раненъ, не то—ушибся... и афганцы пропали, точно сквозь землю провалились и выстрѣловъ не слышно, а только смѣхъ какой-то сильный, точно цѣлая рота смѣется.

Приподнялся я и смотрю: лежу я, это, не въ ямѣ, а въ казармѣ, на полу, возлѣ своей койки, а солдатики со смѣху покатываются, животы себѣ надрываютъ.

— Храбро воюешь, землякъ!—говоритъ кто-то изъ нихъ.—Посмотри, не поранили-ли?

— Раненъ, раненъ!—закричалъ какой-то весельчакъ, молодой солдатикъ, что вчера весь вечеръ на рукахъ ходилъ. — За фельдшеромъ скорѣе! Доктора сюда!...

А смѣхъ еще пуще прежняго; вся казарма со смѣху такъ и покатывается. Совѣстно мнѣ сдѣлалось, что зарю съ просонокъ за атаку принялъ. Да, спасибо фельдфебелю—поддержалъ.

— Молодецъ, молодецъ братъ, — сказалъ онъ, — что службу и во снѣ помнишь; ну, значитъ, бравый солдатъ.

А все же еще конфузно было, хотя и смѣяться перестали. Ну, да впрочемъ, скоро на завтракъ пошли, а тамъ и баталіонный командиръ пріѣхалъ.

Выстроились мы, полковникъ поздоровался съ нами, да и объявилъ, что Царь-батюшка приказалъ дорогу къ Мерву строить и велѣлъ намъ черезъ недѣлю къ походу быть готовыми. Полковникъ молодой такой, да красивый; съ виду онъ хотя и серьезнымъ показывается, да только глаза у него ужъ больно добрые, да ласковые.

«Желѣзная дорога, братцы мои,—говорилъ онъ,—дѣло великое; вотъ вы теперь, небойсь, за двѣ тысячи верстъ въ три дня до Москвы доѣхали, а не будь дороги, то мѣсяца два пѣшкомъ прошли-бы, да поумаялись бы какъ! Въ мирное время еще туда-сюда: умаялись, ну, и отдохнули, а въ военное время-то какъ? — Солдатъ промаршировалъ тысячи двѣ-три верстъ пѣшкомъ, да и въ бой иди, высунувши языкъ, ну, а непріятель-то у себя дома, свѣжій, да бодрый, и сражаться-то свѣжему человѣку, куда какъ лучше, чѣмъ усталому. А вотъ вы, какъ выстроите дорогу, то и Царское спасибо заслужите, да и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя тысячи за васъ Бога молить будутъ, да благословлять васъ. Такъ-то, братцы мои!»

Поговорилъ еще немного съ нами полковникъ, да и уѣхалъ. А мы въ путь-дорогу снаряжаться начали. Кто бѣлье свое въ порядокъ приводитъ, а кто—сумку себѣ мастеритъ, а другой—письмо къ родителямъ пишетъ...

Обмундировали, это, насъ какъ слѣдуетъ: выдали шапки съ козырьками въ бѣлыхъ чахлахъ, съ назатыльниками (отъ солнца), по двѣ пары синихъ нанковыхъ шароваръ (это степнымъ довольствіемъ называется), да ружья облегченныя, «берданки».

Всѣ уже были готовы къ походу, ждали только обоза, а обозъ черезъ недѣлю долженъ былъ быть готовъ. А тѣмъ временемъ, мы по городу ходили, смотрѣли все, да разсматривали: на колокольнѣ Ивана Великаго были, Царь-пушку и Царь-колоколъ видѣли. Ну, ужъ и доподлинно что Царь-пушка! Такая большая, что вмѣсто бомбы, хоть мортирой заряжай!

Такъ всю недѣлю и прошлялись по Москвѣ, знакомыхъ завели, и мы въ гости ходили, и къ намъ приходили. Незамѣтно и весело время прошло, а къ тому времени и обозъ былъ готовъ,—выступать было надо. Утромъ, наканунѣ выступленія, смотръ намъ сдѣлали.

Вечеромъ пришли насъ провожать знакомые, что за время стоянки въ Москвѣ перезнакомились, а пуще всего бабъ набралось прощаться. Это ужъ вездѣ такъ: солдатъ въ походъ—кто кругомъ толчется? Непремѣнно бабы. Извѣстно, на проводахъ не безъ того, чтобы не выпить. Грѣшнымъ дѣломъ, подгуляли, сердце заговорило и пошли разговоры, запѣлись пѣсни...

Хорошо вспомнить этотъ денекъ. Все же мы, солдаты, не спроста уходили, и насъ пришли провожать, доброе слово сказать на дорогу и насъ пожалѣли, гостинца принесли: кто—водочки, кто—наливочки, а кто—и сластей. И весело шли проводы.

На другой день уже проводы по боку, потому что нужно было къ выходу готовиться, укладываться, да снаряжаться.

Все уже готово. Построили насъ на плацу передъ казармою съ трехъ сторонъ, а въ срединѣ поставили

столъ съ образами для молебна, накрытый бѣлой скатертью, и воду для водосвятія.

Пріѣхалъ командующій войсками. Отдали мы ему честь, поздоровался онъ съ нами, поздравилъ съ походомъ и наказалъ, чтобы мы Царскія надежды оправдали. Потомъ молебенъ начали служить. Тепло молились солдатскія головушки, да и было о чемъ. За собою мы оставляли Русь Православную, родину и родныхъ, и шли сами не зная куда.

Покропили насъ святой водицей, построили повзводно, прошли мы церемоніальнымъ маршемъ мимо командующаго войсками, да такъ прямо и двинулись на вокзалъ. Перекрестились мы, поклонились въ послѣдній разъ «бѣлокаменной»—и пошли неоглядываясь. Чего солдату горевать? Солдатъ нигдѣ не пропадетъ. Въ степь—такъ въ степь. Не мы первые шли туда: впередъ насъ сколько народу ушло, да вѣдь не плакали же. Такъ-то и мы: горько было разставаться, пока на мѣстѣ стояли, а какъ двинулись, какъ гора съ плечъ, про тоску и думать забыли!

Да и что тотъ за солдатъ, который къ мѣсту привыкъ, да слюни распускаетъ, когда съ бабой прощается. Солдатъ, что птица перелетная: ходи изъ стороны въ сторону, вездѣ побывай, всего посмотри, всякаго дѣла отвѣдай, тогда и сказывай, что службу видѣлъ солдатскую. А то, на одномъ мѣстѣ сидя, что увидишь? И разсказать нечего будетъ, какъ домой воротишься!

Сѣли мы, это, въ вагоны, и такъ до самаго Нижняго Новгорода двинулись, а тамъ на пароходы пересѣли, да и поѣхали дальше, внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Шесть дней ѣхали мы по Волгѣ до Астрахани, города, что у Каспійскаго моря стоитъ, тамъ, гдѣ Волга впадаетъ. Погода была теплая, лѣтняя, да тихая, не жарко было, потому что свѣжій вѣтерокъ былъ. Ѣдешь, а самъ того и не замѣчаешь,—какъ будто на одномъ мѣстѣ стоишь; а посмотришь на берегъ, тогда и увидишь, что не на мѣстѣ стоишь, а движешься: деревья и дома такъ и мелькаютъ передъ тобою. А берега какіе славные, да красивые: направо все сады, да лѣса, а деревни такъ и тонутъ въ зелени, только золоченыя маковки церквей блестятъ на солнцѣ; а налѣво степь широкая, да ровная хоть шаромъ покати, и вся она покрыта густою, зеленою, да сочною травой; вотъ, тамъ-то лошадямъ и скоту разному раздолье. А подъ Сызранью (Сызрань—это городъ на Волгѣ), горы мѣловыя видѣли. Чудныя такія эти горы: бѣлыя, пребѣлыя, снѣга бѣлѣе. И сколько тамъ народу-то копошится, и народъ весь бѣлый, точно мукою обсыпанъ,—все это они мѣлъ въ этихъ горахъ рѣжутъ, да къ намъ отправляютъ и по Волгѣ и по машинѣ.

А на самой-то Волгѣ сколько судовъ разныхъ! И пароходы, и барки такъ и снуютъ. Какая — съ хлѣбомъ, а какая — съ дровами, другая — съ каменнымъ углемъ, а третья — съ мѣломъ. Что ни часъ, то что-нибудь новое встрѣтишь, весело такъ, да и на душѣ отрадно, отъ прежней тоски и слѣдовъ не осталось. Куда пароходъ ни пристанетъ, вездѣ такъ весело, хорошо, да вольготно, лица у всѣхъ веселыя,

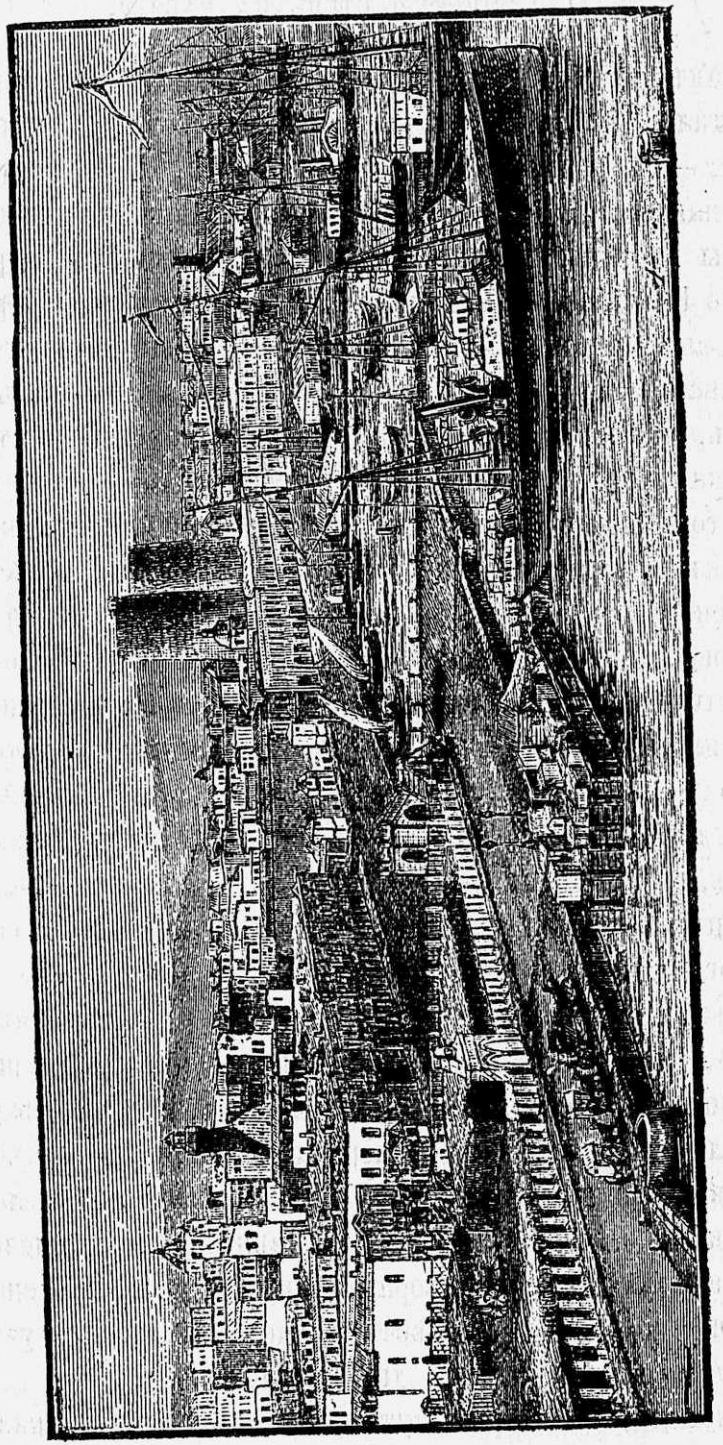
ну да и самъ тосковать не будешь. Да и богатые какіе эти города приволжскіе, а все отъ того, что торговля идетъ большая. Пріѣхали мы такъ въ Астрахань. Здѣсь надо было пересаживаться на другіе пароходы, на морскіе, поэтому намъ дали отдыхъ; ну, и побаловали же мы себя за эти три дня! Фруктовъ всякихъ, да овощей—въ волю: ѣшь—не хочу! Да и дешево какъ: цѣлый возъ арбузовъ, да хорошихъ такихъ, вкусныхъ, стоитъ всего одинъ рубль. Сдѣлали мы, это, складчину человѣкъ пять, да и купили цѣлый возъ арбузовъ,—по двугривенному на человѣка пришлось. Ѣли же мы за то ихъ всѣ три дня, да и на дорогу еще осталось.

Жители астраханскіе все больше татары, все купцы разные: и кожею торгуютъ, и рыбой. Рыба тамъ тоже очень дешева, потому что на Каспійскомъ морѣ много рыбныхъ промысловъ; и ловится же ея видимо—не видимо; да все разная: и бѣлуга, и осетрина, и селедки, и стерляди, одно слово—ни почемъ. Да и кожа, нельзя сказать, чтобы была очень дорога, особливо баранья. Татарскіе сапоги можно купить за 2 рубля 75 коп. или 3 руб., а если получше, то за 4 и 5 руб., такъ тѣ уже съ калошами. Чудные такіе эти татарскіе сапоги: безъ каблуковъ, безъ подметокъ, на одной тонкой подошвѣ, а задникъ весь распитъ зеленой шерстью, а то, и шелкомъ. Наши господа офицеры покупали себѣ по нѣсколько паръ, а на нихъ глядючи, и мы начали. Ну, да потомъ не раскаивались. Какъ пошли въ степь, на работы, — какъ пригодились! Такъ легко въ нихъ, да свободно и не жарко, и ноги не натрешь ужъ никогда.

Какъ прошли три дня, что намъ для отдыху дали, мы стали грузиться на морской пароходъ, большой такой, — что твой домъ двухъэтажный. Погрузились и поплыли по Каспійскому морю. Вотъ, тутъ-то, братцы мои, мнѣ впервые пришлось увидѣть море. На что Волга, всѣмъ рѣкамъ—рѣка, а далеко ей до моря. Какъ вышли мы въ открытое море,—ничего не видать, —только вода да небо, небо да вода; а волны такъ и ходятъ, такъ и ходятъ, и пароходъ со стороны на сторону качаютъ: то—впередъ, то—назадъ, то—на одинъ бокъ, то—на другой, словно, потопить хотятъ. И страшно же какъ: сердце такъ и замретъ, а голова кружится. Отъ непривычки, люди сперва болѣютъ отъ этой качки морскою болѣзнью. Препротивная эта болѣзнь: голова кружится, тошнитъ, да рветъ, и ѣсть-то не можешь. На меня, благодареніе Богу, она не напала, тошнотой только и отдѣлался, а другихъ, страсть, какъ извела: кожа, да кости остались. Куда не посмотришь, вездѣ лежатъ, у всѣхъ лица желтыя. А вотъ, матросы, такъ тѣ—ничего, какъ будто и не чувствуютъ качки, а все отъ того, что уже привыкли.

Такъ плыли мы полторы сутки, страсть какъ скучно: ничего не видать, всѣ больные, ну, и на душѣ сдѣлалось не весело. Черныя думы, что прежде было поулеглись, да заглохли, теперь снова начали приходить въ голову, и на душѣ такъ тяжело, тяжело, точно камень какой лежитъ, да давитъ, даже слезы у другаго на глазахъ наворачиваются. Вотъ, думаешь себѣ, чего добраго, и до мѣста не доѣдешь, какъ тутъ съ пароходомъ вмѣстѣ на дно пойдешь...

Наконецъ, на вторыя сутки, мы начали къ кавказ-

Видъ города Баку.

1857

скому берегу подъѣзжать и поѣхали уже все вдоль берега.

Тутъ какъ-то веселѣе сдѣлалось, все же землю твердую видишь, зелень, сады, да кой-гдѣ и дома; ну, да и качка перестала, море поуспокоилось; и солдатики пріободрились, по палубѣ заходили. И солнце, какъ будто-бы, веселѣе, да ласковѣе свѣтить начало и на душѣ полегчало, черныя думы ушли опять куда-то далеко.

Кой-гдѣ собрались кучки солдатиковъ, что не такъ отъ болѣзни поослабѣли, пѣсни завели, а нашлись и такіе, что и въ плясъ пустились:

«Эхъ ма! Пропадай моя тѣлега,
Всѣ четыре колеса».

Чего тужить?—Въ Закаспійскую область на работу ѣдемъ! И пошло веселье. Смотрѣть было любо-дорого. Смотришь, за цѣлыя тысячи верстъ отъ матушки Россіи, гдѣ-то въ глуши, русская родная залихватская пѣсня оглашаетъ дикіе берега...

Проѣхали мы еще сутки, заходили въ Дербентъ и Петровскъ (города на Кавказѣ), да только долго тамъ не стояли, набрали нефти для топлива (на Каспійскомъ морѣ пароходы топятъ не дровами, а нефтью), да воды и поплыли дальше. Вотъ, братцы мои, плывешь по морю, воды—хоть залейся, а все же для питья нужно запасаться водою на берегу, потому что морская—горько-соленая и вредная, да такая противная, что не только пить, а и въ ротъ взять ее нельзя,—сейчасъ же стошнитъ.

Вотъ, стали подъѣзжать мы къ Баку, — большому городу на берегу Каспійскаго моря. Смотримъ,

чудной онъ такой, точно послѣ пожара: дома стоятъ безъ крышъ, а надъ ними такъ и носятся густыя облака чорнаго-пречорнаго дыма. Потомъ только, когда мы сошли на берегъ, такъ разсмотрѣли, что крыши-то есть, да только не такія, какъ у насъ, а совсѣмъ плоскія, какъ полъ, такъ что по нимъ и ходить можно. Это отъ того, что тамъ часто съ моря дуетъ такой сильный вѣтеръ, «нордомъ» прозывается, что деревья съ корнемъ выворачиваетъ, фабричныя трубы на землю валитъ, ну, значитъ, будь у нихъ крыши высокія, какъ у насъ, то и срывалъ бы ихъ вѣтеръ.

Въ Баку мы простояли два дня, такъ что я успѣлъ городъ разсмотрѣть и въ Черномъ городкѣ побывалъ.

Черный городокъ — это такой поселокъ, въ 10-ти верстахъ отъ Баку, къ нему и желѣзная дорога проведена, такъ что сѣлъ въ вагонъ въ Баку, а черезъ четверть часа уже и тамъ. А «Чернымъ» онъ названъ потому, что тамъ нефть добываютъ и перегоняютъ на заводахъ въ керосинъ; а заводовъ тамъ много—что ни шагъ, то заводъ; ну, и дымятъ они; да дымъ такой черный, и дома отъ дыму всѣ черные, да закоптѣлые, вотъ онъ, съ того «Чернымъ» и прозывается.

А интересно, братцы мои, какъ они эту самую нефть добываютъ. Насмотрѣлся я порядкомъ. Берутъ такой большой буравъ, сажени въ двѣ, въ три длиною, и начинаютъ имъ буравить землю; когда онъ весь войдетъ въ землю, тогда привинчиваютъ къ нему другой такой же, а потомъ третій, четвертый, такъ пока до самой нефти не доберутся. Иной разъ, сажень восемдесятъ пробуравятъ. А какъ дойдутъ до нефти, то она и хватитъ вверхъ фонтаномъ, и высоко же бьетъ этотъ

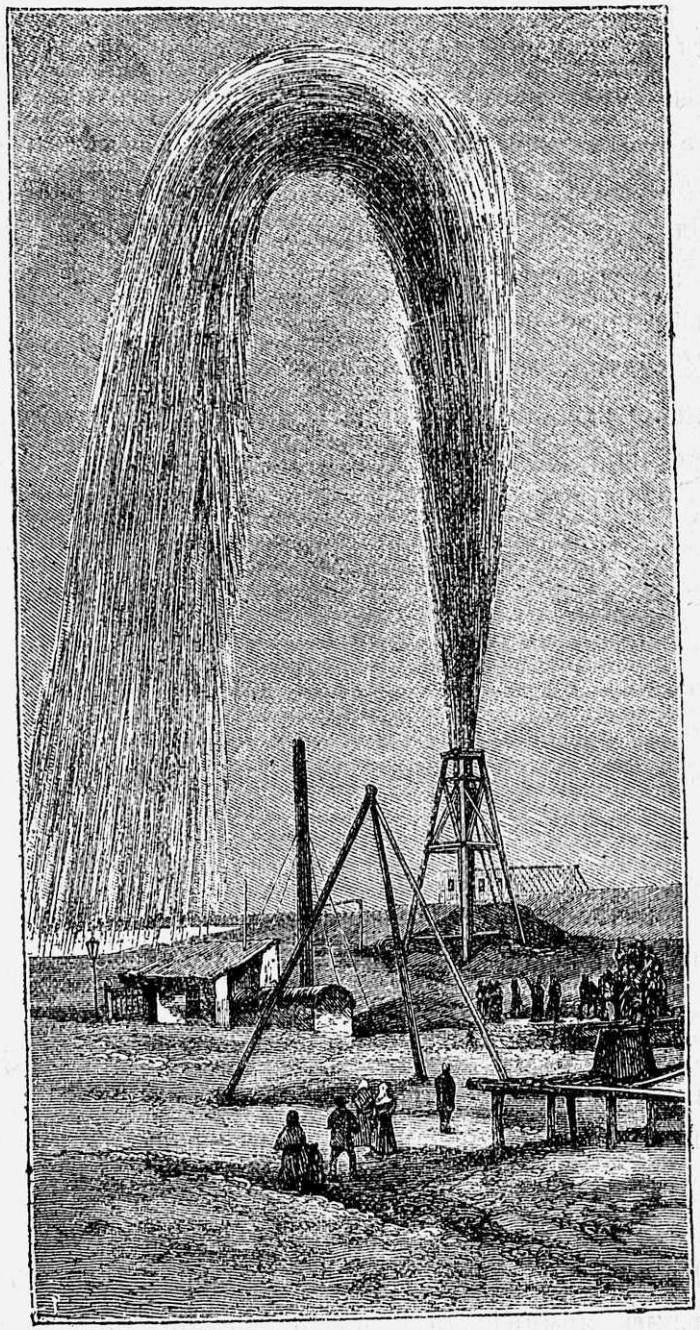
фонтанъ, сажень на 70 вверхъ, а то еще и больше. Сперва онъ бьетъ толстою такой струею желтаго цвѣта—это еще вода съ пескомъ, а какъ перейдетъ въ темно-бурый, ну, значитъ, сама нефть показалась. И долго бьетъ такой фонтанъ, по нѣсколько недѣль, успѣвай только нефть собирать. А брызги отъ него на нѣсколько верстъ летятъ.

И жутко, и весело смотрѣть на такой фонтанъ. Кажись, все смотрѣлъ-бы и смотрѣлъ, и оторваться не можешь. Вотъ, эту нефть и собираютъ въ большія ямы, а потомъ на заводахъ и перегоняютъ въ керосинъ и отправляютъ по всему свѣту. Ну, и дешевъ же тамъ керосинъ, не то что у насъ: за 20 копѣекъ цѣлый пудъ купишь самаго лучшаго; а нефть, такъ та совсѣмъ ни по чемъ, ту и даромъ даютъ, потому что перерабатывать не успѣваютъ.

Когда нефть переработаютъ въ керосинъ, то еще остается остатокъ густой такой, темнаго цвѣта,—онъ «мазутомъ» называется. И тотъ даромъ не пропадаетъ: имъ топятъ тамъ паровозы на желѣзной дорогѣ, пароходы и покрываютъ тротуары. Лѣсу-то тамъ мало, вотъ, и берутъ мазутъ вмѣсто дровъ.

Такъ-то этимъ керосиномъ, да нефтью и торгуетъ почти весь городъ; и богатые же есть купцы, даромъ, что такъ дешево продаютъ. Другой фонтанъ выброситъ въ сутки пятьсотъ тысячъ пудовъ нефти, ну, и посчитайте-ка, сколько хозяинъ тутъ заработаетъ.

Жители въ Баку все разные, только русскихъ мало, а грузинъ, армянъ, татаръ, да персовъ—вволю, только все персовъ побольше. Потому что Баку когда-то, лѣтъ 80 тому назадъ, былъ городомъ персидскимъ,

1858

Нефтяной фонтанъ.

вотъ, съ того времени, и осталось тамъ много персовъ. Бакинцы народъ ничего-себѣ — хорошій, да радушный такой, кромѣ только армянъ. Ихъ тамъ никто не любитъ, препротивный такой народъ: грубый, да плутоватый, такъ и норовитъ, чтобы кого-нибудь надуть, да облапошить; на что жиды,—а тѣ во сто разъ армянъ лучше. Да за то и достается же имъ, какъ отъ грузинъ да татаръ! Такъ просто и называютъ ихъ «жидами», а то еще «солеными». Потому что, какъ у нихъ родится ребенокъ, то бабка сейчасъ же посыпаетъ солью. И не любятъ же какъ эти армяшки такого прозвища,—страсть! А татары, даромъ что магометане, а совсѣмъ народъ другой: честный такой, да правдивый. Татаринъ ни за что никого не обманетъ и не уворуетъ — упаси Богъ. Персы немного поплутоватѣе, а все же народъ хорошій и добрый, только глупый.

Одѣваются персы и татары одинаково: на головѣ большая баранья шапка, въ родѣ сахарной головы, на плечахъ синій или черный кафтанъ, на подобіе нашей русской поддевки, а на ногахъ шерстяные чулки и туфли съ острыми носками, безъ задниковъ, на высокихъ каблукахъ.

Народъ-то они красивый: глаза черные, зубы бѣлые, да сами себя ужь больно безобразятъ. Возьметъ и обрѣетъ голову, только по срединѣ головы волоса и оставитъ, а они и торчатъ, словно гребень у пѣтуха. А то, еще возьмутъ и середину пробрѣютъ, а по бокамъ оставятъ,—даже противно. А бороду и ногти красятъ красной краской. Идетъ татаринъ, или персъ, точно пугало какое-то воронье: борода у него по бокамъ черная, какъ смола, а по срединѣ совсѣмъ крас-

ная; усовъ только и не красятъ. А ногти на рукахъ и ногахъ и ладони ужь непремѣнно повыкрасятъ. Ужъ больно имъ полюбилась эта красная краска. Они даже своимъ любимымъ лошадямъ хвосты, гривы и спины ею красятъ. Такъ и видно по лошади, кто у нея хозяинъ.

Вотъ, насчетъ татарокъ, да персіянокъ, братцы мои, много разсказать и не могу, потому что порядкомъ и самъ ихъ не разсмотрѣлъ. Потому что они, какъ увидятъ мужчину, такъ и наровятъ поскорѣе пробѣжать, только туфельками своими постукиваютъ, да лицо прикрываютъ, одни глаза и свѣтятся; видѣлъ только, что и у нихъ ногти въ красную краску выкрашены. А какъ одѣты —того и не разсмотришь. Потому что поверхъ нея наброшена длинная, полосатая, тиковая накидка. Полой этой накидки она и закрываетъ себѣ лицо, а изъ-подъ накидки видны широкія шаровары, которыя у щиколодки застегиваются на пуговки. Шаровары эти по тамошнему называются «шальварами». Если дѣвушка, или молодая женщина, то шальвары красныя кумачевыя, а кто побогаче, то шелковыя, а если вдова — то черныя.

Персы и татары—народъ добрый, честный, трудящійся, не пьющій и набожный. У нихъ, въ Персіи, есть такой священный городъ, Мешхедъ, все-равно, что у насъ Іерусалимъ. Вотъ, и ходятъ они туда на богомолье. Только онъ далеко находится, за полторы тысячи верстъ; если кто-нибудь не можетъ почему бы то ни было пойти на богомолье: либо денегъ нѣтъ, либо нездоровъ, или какая другая къ тому есть причина, то они, вмѣсто богомолья, даютъ обѣтъ сдѣлать какое-

нибудь доброе дѣло. И дѣлаютъ. Пошелъ, напримѣръ, и сталъ подъ горою на проѣзжей дорогѣ, гдѣ тяжесть возятъ, и стоитъ. Смотритъ, телѣга ѣдетъ тяжело нагруженная, — бѣдной лошадкѣ и не подъ силу; бьется она, бьется, ничего подѣлать не можетъ; вотъ, тутъ-то онъ и является на подмогу; впрягается самъ и помогаетъ тащить. Солнце печетъ страшно, онъ весь почернѣлъ, потомъ обливается, въ пыли, а все тащитъ— это онъ доброе дѣло дѣлаетъ. А то, еще соберутся человѣкъ пять, шесть такихъ, что обѣтъ дали, берутъ лопаты, выходятъ на проѣзжую дорогу, гдѣ нѣтъ ни воды, ни колодцевъ, и начинаютъ колодецъ копать. Иной разъ сажень пятьдесятъ прокопаютъ и воды не отыщутъ, они тогда въ другомъ мѣстѣ начинаютъ рыть. И такъ до тѣхъ поръ, пока воды не добьются — это тоже доброе дѣло. И тутъ ему все равно, кто бы ни ѣхалъ: персъ—такъ персъ, русскій—такъ русскій, всякому поможетъ. А кто побогаче, такъ тотъ, кромѣ такого добраго дѣла, деньгами бѣднымъ помогаетъ. Однимъ словомъ, народъ хорошій. Такъ-то, братцы мои, вотъ они и магометане, а подчасъ и нашему брату, христіанину, съ нихъ примѣръ взять не мѣшаетъ.

Живутъ татары и персы вмѣстѣ, отдѣльно отъ русскихъ, — больше въ крѣпости. Крѣпостью называется та часть города, гдѣ была прежде крѣпость, когда городъ еще персидскимъ былъ; теперь только однѣ толстыя каменныя стѣны остались и больше ничего.

Татарская слобода совсѣмъ не похожа на остальной городъ. Сами-то они народъ чистый, да живутъ ужь больно грязно: улицы узенькія, кривыя и вездѣ кучи грязи и мусора. И сколько же тамъ мечетей! Что ни

шагъ, то мечеть (такъ ихъ церковь называется). Заходилъ я въ эти мечети, — ничего, пускаютъ, даже довольны, что къ нимъ заходишь. У нихъ въ мечети никакихъ иконъ нѣтъ, а только по стѣнамъ написаны молитвы изъ Корана (ихняя библія); около правой стѣнки такой высокій амвонъ, откуда мулла (ихъ священникъ) проповѣди говоритъ, а полъ застланъ тростниковыми матами, а если мечеть побогаче, то и ковромъ. Народъ входитъ въ мечеть въ чулкахъ только, а туфли оставляетъ въ передней и все время молятся на колѣняхъ. Колоколовъ у нихъ нѣтъ, а вмѣсто колокольни—высокая, круглая, узенькая башня: «минаретомъ» называется. Вотъ, въ четвергъ вечеромъ и въ пятницу утромъ (у татаръ пятница все равно, что у насъ воскресенье), выйдетъ на этотъ минаретъ мулла и начинаетъ кричать во всю глотку: «ла-иллага-Магометъ-иль-Аллахъ». По ихнему это значитъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ его пророкъ». Да заунывно такъ кричитъ, что просто скучно становится, а татары и собираются тогда на молитву.

И красивыя же есть тамъ мечети, да старыя, иная лѣтъ двѣсти стоитъ и — ничего: крѣпкія, еще лѣтъ сто простоятъ.

Тутъ же, около крѣпости, рукой подать, и море Каспійское, а на берегу моря «дѣвичья башня» стоитъ. Высокая такая, какъ влѣзешь на нее, такъ море на нѣсколько десятковъ верстъ видать. Теперь на ней маякъ устроенъ, ночью фонари на крышѣ зажигаютъ, чтобы кораблямъ видно было, куда путь держать, коли въ гавань войти хотятъ. А построена-то эта башня давнымъ давно, почитай лѣтъ триста или четыреста

тому назадъ, а «дѣвичьей» называется вотъ почему: Давнымъ давно, когда городъ Баку не только русскимъ не былъ, да и русскимъ-то духомъ въ немъ не пахло, жилъ тамъ персидскій ханъ (князь) Эюбъ-ханъ. Большой былъ грѣховодникъ, да развратникъ этотъ ханъ. Была у него красавица дочка. Вотъ, на старости-то лѣтъ, и попуталъ чортъ этого хана: захотѣлось ему на красавицѣ дочкѣ жениться. Долго объ этомъ и слышать даже не хотѣла красавица-княжна, да куда же ей было бороться съ упрямымъ отцомъ. «Не хочешь,—говоритъ,—добровольно быть моею женою, такъ возьму тебя силою». Ну, что тутъ ей было дѣлать? Думала, думала, да и придумала такую штуку. «Хорошо,—говоритъ,—я согласна быть твоею женою, только ты прежде выстрой на самомъ берегу моря мнѣ башню высокую, превысокую». Обрадованный отецъ согласился, согналъ рабочихъ со всѣхъ концовъ города и приказалъ имъ строить башню. Закипѣла работа; башня, точно тѣсто на дрожжахъ, росла, а несчастная княжна въ это время думала горькую думушку. «Ладно,—думаетъ себѣ,—меня-то ты возьмешь, да будетъ-ли прокъ въ томъ?»

Наконецъ, и башня была готова. Старый ханъ опять къ дочери: «Ну,—говоритъ,—теперь и башня готова, пора и свадьбу отпраздновать».—«Подожди еще,—отвѣчала дочь,—я теперь пойду на самый верхъ башни и три дня и три ночи буду тамъ Богу молиться, свой страшный грѣхъ замаливать, а потомъ пусть и свадьба будетъ, только въ эти три дня пусть ко мнѣ никто не приходитъ». Ханъ и на это согласился, лишь бы поскорѣе дочь его женою сдѣлалась. Княжна пошла на башню и молилась тамъ три дня и три ночи, жарко

она молилась, бѣдняжечка, а ханъ-отецъ къ свадьбѣ готовился; только не удалось ему отпраздновать этой безбожной свадьбы, потому что дочь трое сутокъ молилась, а на четвертыя и бросилась съ башни въ море. «Если и доставаться ему въ руки,—думала она,—то достанусь уже лучше мертвою». Вотъ, поэтому-то она и молилась, чтобы Богъ простилъ ее за самоубійство; а башня-то эта и называется съ тѣхъ поръ «дѣвичьею»...

Много еще разныхъ диковинокъ видѣли въ Баку; городокъ и ничего себѣ, большой, да хорошій, однимъ словомъ, губернскій городъ, да только то плохо, что зелени совсѣмъ мало, да и воды тоже. Тамъ на весь городъ, всего на всего, два крошечныхъ садика, въ которыхъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, музыка играетъ —это городской, да молоканскій, и садики-то эти жиденькіе, а дорожки всѣ асфальтомъ выложенные. Ну, насчетъ воды и еще того хуже: прѣсной совсѣмъ нѣтъ, а только соленая, да и то изъ-за города, съ колодцевъ привозятъ, да и возятъ какъ-то смѣшно, не такъ какъ у насъ, не въ бочкахъ, а въ большихъ кожанныхъ мѣшкахъ. Взвалитъ такой мѣшокъ, наполненный водою, на спину лошади, да и тащитъ; а не то, въ большихъ такихъ кувшинахъ глиняныхъ, либо на ослахъ, либо на мулахъ. Да и то сказать, къ водѣ этой попривыкнуть можно; вотъ, напримѣръ, бакинскіе жители такъ попривыкли, что подай имъ чай съ прѣсной воды, такъ они и пить его не станутъ, а напередъ солью посолятъ. Поди-жъ, какой у нихъ вкусъ! Ну, хоть вода тамъ и плоха, за то вина всякаго вдоволь и матросинское и кахетинское... разное такое, да хорошее и дешевое,

за 20 коп. купишь бутылку такого, какого у насъ и за восемь гривенъ не достанешь. Ну, ужь и попили мы вволю этого вина, да еще и на дорогу съ собою поприхватили...

Петръ Степановъ.

2327.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Бесѣда съ нижними чинами о магазинныхъ ружьяхъ.

(По статьѣ генерала Драгомирова).

Въ настоящее время, нѣкоторыя государства ввели въ своихъ арміяхъ, такъ называемое, «магазинное» ружье, и выставляютъ его, какъ пугало, толкуютъ, что противъ этого ружья никто не устоитъ; но, какъ разберешь, поразсмотришь, оказывается, что все это не такъ страшно, какъ росписываютъ.

Магазинное ружье — это такое ружье, въ которомъ есть особое приспособленіе, «магазинъ», куда заранѣе, до боя, вкладывается извѣстное число патроновъ; патроны эти остаются въ магазинѣ до того случая въ бою, когда нужно открыть самый частый огонь, а до этого случая стрѣляютъ изъ ружья, какъ изъ обыкновеннаго, однозарядnаго. Дѣйствительно, кажется, чего бы лучше: вздумалъ участить огонь—стрѣляй изъ магазина, нужно стрѣлять рѣже—стрѣляй, какъ изъ однозарядnаго; но никогда *кажущееся* не слѣдуетъ принимать за *дѣйствительное*. Опыты показали, что стрѣльба изъ магази-

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Кн. 2. Вып. IV. 1888 г.

только общее качество не изгладилось въ нихъ,—качество, во всѣ времена отличавшее Русскій флотъ, это—неизмѣнная отвага и готовность жертвовать собою во славу Царя и Отечества!...

Въ Закаспійскую степь на работу.

(Посвящается бывшимъ товарищамъ-солдатамъ).

(Продолженіе *).

II.

Переѣздъ Каспійскимъ моремъ до Красноводска.—Красноводскъ.—Михайловскій заливъ.—Кизилъ-Арватъ.—Текинскій аулъ; текинцы; ихъ обычаи; происхожденіе.

Отдохнули мы, это, немного въ Баку, да опять въ путь — въ дорогу двинулись; теперь для того, чтобы добраться до Закаспійской области, намъ нужно было Каспійское море поперекъ переѣхать. Сѣли мы, это, на большой пароходъ, а кому мѣста не хватило, то на баржи; баржи привязали къ пароходу и поплыли такъ. Опять только воду, да небо видно; только на этотъ разъ все благополучно обошлось; день былъ солнечный, море тихое, да покойное и качки никакой не было. Выѣхали мы, это, изъ Баку въ 5 часовъ послѣ обѣда, а въ 12 часовъ на другой день и въ Красноводскѣ

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ «Чт. для Солд.» сего года.

были. Красноводскъ—это городъ такой на азіатскомъ берегу. Съ виду-то онъ и не большой, только дома въ немъ красивые. А только даромъ, что онъ возлѣ моря стоитъ, а жить въ немъ, чай, не весело: городокъ небольшой, русскихъ мало, все персы, да туркмены больше; куда ни глянешь: если на море, то горы, не горы, а такъ, пески сыпучія; и далеко, такъ далеко, куда только глазъ хватаетъ, ни кустика, ни былинки нигдѣ не увидишь, да и въ самомъ-то городѣ садовъ и помину нѣтъ, одинъ только песокъ голый; да что деревьевъ нѣтъ, такъ это не бѣда, а вотъ воды-то прѣсной, такъ той на сто верстъ кругомъ совсѣмъ нѣтъ. Такъ что дѣлаютъ: морскую пьютъ, только ее сперва опрѣсняютъ, для того и опрѣснитель тамъ устроенъ. Стоятъ два такихъ большихъ желѣзныхъ котла. Одинъ—совсѣмъ ужъ большой, а другой — поменьше будетъ; вотъ тотъ, что поменьше, стоитъ въ большомъ такомъ деревянномъ чанѣ, а вокругъ него вода. Котлы-то эти закрыты желѣзными крышками, а изъ большаго къ маленькому труба проведена. Въ большой котелъ воду наливаютъ и разводятъ подъ нимъ огонь. Какъ начнетъ вода кипѣть, то паръ и идетъ по трубѣ въ другой котелъ, поменьше, что въ водѣ стоитъ, ну, а тамъ паръ этотъ остываетъ, потому что котелъ, отъ воды-то, холодный, и тамъ обращается въ воду. Вся соль остается въ большомъ котлѣ, а чистая вода испаряется и переходитъ въ другой котелъ. Вотъ, эту-то воду и пьютъ. Она ничего себѣ — не солена, пить можно, только не вкусна. Все же, какая ни на есть вода, а есть, отъ жажды не умрешь; а вотъ на счетъ чего другаго—поди купи, такъ испугаешься,—такую

цѣну заломятъ. Вотъ, хоть бы, къ примѣру сказать, на счетъ водочки; та бутылка, что у насъ 35 копѣекъ стоитъ, тамъ рубль съ четвертакомъ заплотишь, а за бутылку пива — девять гривенъ, а не то, и цѣлый рубль. Помню, Филипчукъ (нашъ взводный ефрейторъ), какъ запросилъ съ него армяшка 90 копѣекъ, такъ только глаза выпучилъ и вѣрить не хотѣлъ.

— Да что ты смѣешься, собачій сынъ, что-ли?

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ ему духанщикъ (по ихнему, трактирщикъ).

— Да знаешь-ли, что въ Москвѣ бутылка девять копѣекъ стоитъ?

— Мало-ли, что она тамъ стоитъ, а здѣсь девяносто копѣекъ. За моремъ телушка—полушка, да рубль за провозъ. Вотъ, у васъ, въ Москвѣ, фунтъ мяса пятнадцать, а не то, и двадцать копѣекъ стоитъ, а здѣсь самаго лучшаго за семь копѣекъ купишь.

— Да знаешь-ли ты, что солдатъ всего-то и жалованья получаетъ, что девяносто копѣекъ въ треть; что же, по твоему, все его на пиво такъ и отдать?

— Какъ хочешь; коли дорого, такъ и не пей!

Такъ-то, братцы мои, дороговизна страшная; а все потому, что ни водки, ни пива тамъ не дѣлаютъ, а изъ Россіи привозятъ, ну, съ того и дорого, и армяшка правъ, что «за моремъ телушка — полушка, да рубль за провозъ». А вотъ, на счетъ мяса и рыбы, такъ хорошо, потому что всего этого тамъ вдоволь; барановъ и овецъ видимо—невидимо... Такъ-таки пива и не пришлось купить, а вотъ водочки-то купили въ складчину, отправились въ духанъ, тамъ роспили и шашлыкомъ закусили. Шашлыкъ—это кушанье такое татарское: вкусное, превкусное. Это баранина, жареная на вертѣлѣ, и не такъ дорого: возьмешь на 20 копѣекъ, такъ на троихъ хватитъ...

Пароходъ, на которомъ мы пріѣхали, пришелъ въ 12 часовъ дня, а уѣхали изъ Красноводска въ 12 часовъ ночи, потому что другихъ пароходовъ ждали. Отъ Красноводска до Михайловскаго укрѣпленія нужно было Михайловскимъ заливомъ брать; ну, тамъ большіе пароходы ходить не могутъ, такъ мы меньшихъ поджидали, да въ это время по городу шлялись, разсматривали все.

Въ городѣ жители разные, а за городомъ туркмены живутъ, только не въ домахъ, а въ шалашахъ такихъ, что кибитками прозываются; въ тотъ разъ въ деревнѣ у нихъ мы не были и ничего не видали, а уже позднѣе побывали; сами они верхомъ на лошадяхъ ѣздятъ, а тяжести разныя на верблюдахъ, на спину имъ навьючиваютъ. Тутъ-то намъ и пришлось впервые увидать верблюда. Самая онъ несуразая скотина: худой, да высокій, шея длинная, голова—будто овечья, ноги—словно палки здоровыя, только пятки у него больно большія. На спинѣ два горба—одинъ позади другаго; есть у кого и одинъ горбъ, такъ тѣ другой породы. И, кажись, звѣрь большой, а какой смирный. Вожаки эти, туркмены, что хотятъ, то съ ними и дѣлаютъ. Потянетъ онъ за веревочку, что въ носъ верблюду продѣта, да скажетъ: «чокъ, чокъ», верблюдъ припадетъ сейчасъ на колѣни, ляжетъ на землю,—тутъ, что хочешь, то съ нимъ и дѣлай. Сѣдло на немъ изъ кошмы (кошмой въ степи войлокъ зовутъ) сдѣлано, на горбы надѣто. На это сѣдло вьюки и привязываютъ по обѣ

стороны, чтобы ровно было. И здоровъ этотъ верблюдъ таскать: пудовъ по шестнадцати претъ — и горюшка мало; а одногорбый, такъ тотъ двадцать и двадцать-два пуда тащитъ.

Завьючатъ такъ-то туркмены верблюдовъ, да и привяжутъ одного къ другому; они и вытянутся другъ за дружкой версты на двѣ, на три, гуськомъ, и тихо, тихо двигаются; но только что у него шагъ великъ; даромъ, что онъ, будто, еле ноги передвигаетъ, — а идетъ скоро.

Какъ стали Русскіе по степи ѣздить, такъ выучили верблюда въ телѣгѣ ходить. Только не ладно впрягаютъ. Привяжутъ ему на холку, либо хомутъ, либо сѣделку одну, да потомъ отъ оглобель веревки и привяжутъ верблюду на загривокъ, черезъ сѣделку и проведутъ. А если съ хомутомъ, такъ къ гужамъ привяжутъ. Онъ и тянетъ за веревки-то. Только ужъ если подъ гору спускаться, такъ ему скверно: сзади-то телѣгу напираетъ, а сдержать ему не чѣмъ, онъ и идетъ, пока передкомъ его по ногамъ не ударитъ. Какъ тронуло — тутъ ужъ только держись, — пошелъ верблюдъ попрыгивать.

Ѣзжалъ я на нихъ верхомъ. Сколько смѣху было, когда я на него въ первый разъ забрался. Сидишь высоко-высоко, словно на каланчѣ какой, качаешься. А онъ, какъ идетъ, такъ все на переднія ноги припадаетъ. Словно, будто, тыкается. Ну, тебя и раскачиваетъ, то — взадъ, то — впередъ. Спервоначалу-то неловко казалось, а потомъ попривыкли, такъ на верблюдѣ покататься за удовольствіе считали.

Чего тебѣ? Сидишь на немъ, какъ на стулѣ, ножки

свѣся, знай себѣ трубочку покуривай. Одно только,— долго сидѣть на немъ не ладно: очень качаетъ, проклятый, такъ тебя ко сну и клонитъ. Бѣгать онъ очень здоровъ; бѣжитъ иноходью, да такъ-таки улепетываетъ, что лошади съ нимъ не сбѣжать. Ужъ тутъ только на немъ держись, какъ почнетъ помахивать, куда подбрасываетъ!

Верблюдъ въ степи самая сподручная скотина. Кормомъ не брезгаетъ — все ѣстъ. Нѣтъ сѣна, или травы,—онъ камышъ жуетъ, а то, съ кустиковъ вѣточки обгрызаетъ, а пуще всего колючку любитъ. Пришелъ туркменъ на мѣсто, сейчасъ развьючилъ верблюдовъ, замоталъ имъ поводья на шею и погналъ въ степь кормиться до завтраго, чѣмъ Богъ послалъ. Выйдетъ дорога по такимъ мѣстамъ, что воды нѣтъ, по безводнымъ степямъ, по пескамъ. День идутъ—нѣтъ воды, два дня идутъ — нѣтъ, только на третій день другой разъ до колодцевъ дойдутъ,—верблюдъ все идетъ не пивши; колючки поѣстъ — и ладно; не какъ лошадь, та одинъ день не попьетъ, такъ языкъ высунетъ. Съ того туркменъ его и держитъ, что самая степная скотина. Ему безъ верблюда никакъ нельзя. Когда туркмены караванами ходятъ съ товарами, такъ въ день они верстъ по шестьдесятъ дѣлаютъ. Идутъ себѣ потихоньку, да идутъ.

И тянется караванъ вдоль по степи мѣрнымъ шагомъ. Верблюдъ ногу ставитъ мягко, неслышно; на шеѣ у нѣкоторыхъ колокольцы висятъ—тихонько побрякиваютъ. Туркменъ, въ мохнатой шапкѣ, сидитъ на горбу на переднемъ верблюдѣ, правитъ, да раскачивается, пѣсню заведетъ свою туркменскую. Далеко растянется

караванъ; которые верблюды по дорогѣ идутъ, которые по сторонѣ—мѣста вволю, ровно, да гладко... Потомъ, какъ пошли мы на работу, то и сами на нихъ возили и транспортъ и матеріалы разные.

Ночью пришли маленькіе пароходы, ну, мы на нихъ нагрузились и поѣхали.

Часа четыре моремъ плыли, а потомъ и въ заливъ входить начали; тутъ ужъ и берега видны, все равно, что по рѣчкѣ какой ѣдешь, и качки никакой нѣтъ. Только не веселые берега эти: куда ни глянь—все песокъ, да песокъ сыпучій, нигдѣ и травинки не увидишь, никакой звѣрь не покажется. Только, когда-когда голодный шакалъ пробѣжитъ (такъ степные волки прозываются), либо лошадь дикая. Плыли мы этакъ до 3-хъ часовъ дня, а тамъ и къ Михайловскому укрѣпленію пріѣхали.

На что Красноводскъ неказистъ, а ужъ куда какъ лучше. Тамъ хотя дома красивые есть, да базаръ и лавки, а тутъ—десять, пятнадцать землянокъ и больше ничего. Ни базара нѣтъ, ни лавокъ, одинъ только духанчикъ поганенькій.

Самый лучшій домъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи — это желѣзнодорожная станція, да и та въ три комнатки. Какъ посмотрѣли мы на все это, да вспомнили Россію, такъ даже на душѣ тяжело сдѣлалось,—тоска нашла такая, что слезы сами на глаза напрашиваются,—а тутъ еще жара страшная, почитай, градусовъ 45 будетъ; солнце такъ и печетъ, такъ и печетъ, словно спечь хочетъ. Право, коли не былъ бы солдатъ, такъ разнюнился бы навѣрно, а только солдату слюни распускать не приходится, да и то сказать, посмотрѣли мы на господъ офицеровъ: вѣдь, такіе же люди, какъ и мы, тоже, небойсь, впервой имъ пришлось сюда попасть, однако, головъ не вѣшаютъ; ну, это, какъ посмотришь, да подумаешь, и самому полегчаетъ: не мнѣ одному, молъ, скучно, не я одинъ здѣсь, а цѣлыя тысячи. А вечеркомъ, когда жара сошла, да забрались мы въ духанчикъ чайкомъ побаловаться, затянули пѣсни, да ударили въ бубны плясовую, такъ и грусть-тоска прошла, точно рукою ее сняло, — пошло веселье чуть не до полуночи, а тамъ уже и дремота ко сну клонить начала,—за дорогу-то поизмаялись порядкомъ, а тутъ по утру рано выступать надо было.

На другой день встали мы рано, солнышко чуть-чуть показываться стало, и перво-на-перво выкупались въ морѣ. Славно этакъ, освѣжаетъ и бодрѣе себя чувствуешь. Только, видно, ужъ больно солона вода въ морѣ, потому что коли вылѣзъ изъ воды, такъ сейчасъ же вытирайся сухо на сухо, а не то, такъ солью и облипнешь; а какъ пришли съ купанья, тутъ намъ завтракъ былъ приготовленъ; позавтракали, да и въ вагоны.

Здѣсь, въ Михайловскомъ укрѣпленіи, начиналась военная желѣзная дорога и шла такъ на 217 верстъ до укрѣпленія «Кизилъ-Арватъ»; тамъ она кончалась, и вотъ, туда-то мы и ѣхали, чтобы строить ее дальше.

Эта желѣзная дорога такая же, какъ и всѣ дороги, только все начальство на ней и прислуга военные: начальникъ станціи — офицеръ, а гдѣ поменьше станція, тамъ и унтеръ-офицеръ; оберъ-кондукторъ—

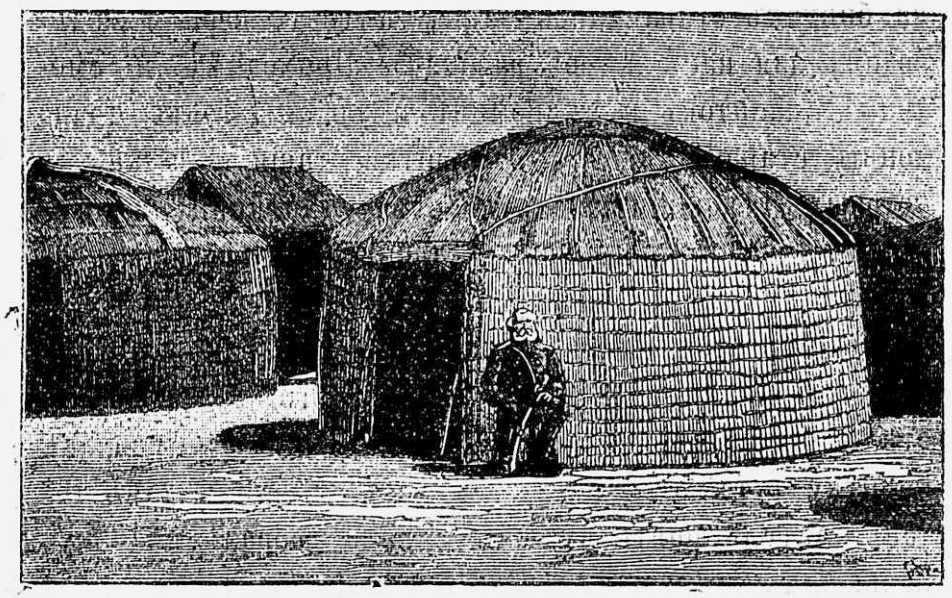
унтеръ-офицеръ, кондукторъ—рядовой, либо ефрейторъ; машинистъ и кочегаръ тоже рядовые.

Выѣхали мы изъ Михайловскаго укрѣпленія въ 6 часовъ утра, а въ 3 часа пополудни были уже въ Кизилъ-Арватѣ. Больно не веселая ужь дорога до Кизилъ-Арвата! Сначала, верстъ тридцать, пески сыпучіе тянутся до станціи Молла-Кары, а потомъ, хотя и твердая земля, а все же бѣдная. Посмотришь направо—голыя скалистыя горы, взглянешь налѣво—степь безъ конца: нигдѣ деревца ни одного не увидишь, а лишь только кусты дикаго ковыля, да молочая. Ни рѣкъ, ни колодцевъ, никакой воды верстъ на сто нѣтъ. Такъ до самой станціи Казанджикъ, только около этой станціи маленькій садикъ есть,—молодая верба ростетъ, да и вода здѣсь есть; отъ Казанджика же дальше попадается вода. Черезъ 9 или 10 верстъ есть небольшія канавки, которые «арыками» называются. Только арыки эти маленькіе и бѣдные водою, а во время жаровъ и совсѣмъ высыхаютъ. Да и самъ-то арыкъ не Богъ вѣсть какой: шириною 2 аршина, много $2^1/_2$, а глубиною всего полъ-аршина. Вода-то въ немъ теплая, да мутная, а подчасъ и горячая, точно ее вскипятилъ кто. А для того, чтобы она была холодная, дѣлаютъ такъ. Обшиваютъ бутылку кошмою (войлокомъ), наливаютъ въ нее воду, и кошму тоже водою поливаютъ и ставятъ на солнце. Какъ начнетъ кошма подсыхать, такъ вода въ бутылкѣ и дѣлается холодною. Вотъ, такими же бутылками съ водою и мы запаслись на дорогу.

Не будь такихъ бутылокъ, не знали бы, что и дѣлать: на дворѣ жарко, въ вагонѣ духота страшная,

мѣста нигдѣ не найдешь... Вотъ, наконецъ, пріѣхали мы и въ Кизилъ-Арватъ. На станціи насъ встрѣтилъ самъ строитель, генералъ Анненковъ, поздоровался съ нами; а тутъ ужъ, около станціи, и обѣдъ для насъ былъ готовъ, а послѣ обѣда и чаемъ угостили. Ну, и поѣли же мы за то на славу! Цѣлый мѣсяцъ, что въ походѣ были, такъ не ѣли, какъ теперь; а послѣ обѣда на бивуакъ отправились—такъ четверть версты за городомъ для насъ лагерь разбили. Приходимъ и смотримъ: палатокъ и въ поминѣ нѣтъ, а стоятъ точно копны стараго сѣна. Это кибитки, такія палатки, въ которыхъ тамошній народъ живетъ, что «текинцами» прозывается; потому и кибитки «текинскими» называются. Кибитки у нихъ у всѣхъ на одинъ манеръ сдѣланы. Она разбирается, словно палатка какая. Текинецъ такъ съ собою и возитъ ее на верблюдѣ. Пріѣдетъ на мѣсто, гдѣ ему со скотиной остановиться нужно, онъ сейчасъ кибитку тутъ и ставитъ. Въ часъ у него и домъ готовъ. А если опять куда идти надо, собралъ кибитку, навьючилъ и былъ таковъ. Поэтому она у него такъ и сдѣлана, чтобы способно было возить ее. Ставитъ онъ сперва рѣшетку изъ тонкихъ палочекъ, какъ лукошко. Палочки наискось приходятся и ремешками скрѣплены, оттого рѣшетка сдвижная и выходитъ: коли нужно ставить кибитку, онъ палочки раздвинетъ, а собрать ежели, то сдвинетъ вплоть. Рѣшетку ставятъ кольцомъ, только что для двери мѣсто оставляютъ. Потомъ, поверхъ ея, крышу круглую, какъ каравай, надѣнутъ. Вверху крыша изъ обруча сдѣлана, а въ него тонкія гнутыя палки воткнуты. Коли кибитка ни чѣмъ не покрыта, какъ точно клѣтка какая;

теперь, какъ рѣшетку поставили совсѣмъ, ее кошмами съ боковъ и сверху накроютъ, потомъ стянутъ ее тесьмами длинными, да поплотнѣе, и свяжутъ. Только въ самомъ верху, въ крышѣ, дыра остается—это у нихъ окно и труба для дыма. Дверь завѣсятъ кошмой—вотъ и домъ состроенъ.

Кибитку ставятъ всегда бабы. И ловко они это дѣлаютъ: въ часъ онѣ такъ устроютъ все—любо, дорого.

Въ кибиткѣ текинцу жить хорошо: ее ни вѣтромъ не продуваетъ, ни дождемъ не прошибаетъ. Если очень вѣтеръ подымется, буря, такъ они ее къ землѣ привязываютъ; для того у нихъ отъ самаго верху крыши веревка виситъ, а посреди кибитки колъ вбитъ здоровый въ землю. Они какъ притянутъ веревку хорошенько, такъ никакой вѣтеръ ничего не подѣлаетъ.

Въ холодъ, посреди кибитки огонь разложатъ, сидятъ и грѣются. Прогорятъ дрова—они сверху кибитку закроютъ, тепло въ ней и держится.

У богатыхъ текинцевъ кибитка отличная; кошмы изъ бѣлой шерсти сваляны, сама-то кибитка коврами увѣшана, тесемка узорчатая, палочки красками повыкрашены.

Вотъ, въ такихъ-то кибиткахъ и мы помѣстились; на пятнадцать человѣкъ дали одну кибитку. Сладко спалось въ эту ночь; давно уже не спали мы по людски; на утро совсѣмъ бодрыми встали и намъ сказали, что четыре дня отдыху даютъ, а тамъ и на работу пойдемъ. Какъ переночевали мы ночь, какъ слѣдуетъ, да отдохнули цѣлый день, такъ и усталость всякая пропала, а отдыхать еще три дня осталось; ну, что тутъ дѣлать въ это время, такъ и начали мы шляться по городу, да по горамъ и текинскому аулу («ауломъ» у нихъ деревня называется).

Кизилъ-Арватъ — городокъ небольшой. Разъ, два шагнулъ и весь городъ прошелъ. Главная улица въ городѣ «базаромъ» называется, потому что по обѣимъ сторонамъ все лавки разныя стоятъ со всякимъ товаромъ; только купцы все армяне, грузины, да персы, русскихъ совсѣмъ нѣтъ. А остальныя улички все узенькія, дома маленькіе; большихъ каменныхъ дома всего четыре на весь городъ, да и тѣ казенные; а крыши на всѣхъ домахъ не такія, какъ у насъ, а гладкія, да ровныя, какъ полъ. Гладкія дѣлаются потому, что тамъ вѣтры сильные бываютъ. Ну, если бы были такія, какъ у насъ, такъ вѣтры и срывали бы ихъ. А дома строятся всѣ изъ кирпичу, только, опять-таки, не та-

кого, какъ у насъ, а изъ сырца. Сырецъ такъ дѣлается: возьмутъ глины, намѣсятъ, намѣсятъ ее круто, да и накладываютъ въ формы, а потомъ изъ формъ какъ повынутъ, то и ставятъ на солнце сушиться. Какъ постоитъ такой кирпичъ недѣлю на солнцѣ, такъ такимъ крѣпкимъ станетъ,—что твой камень; ну, тогда и строятъ изъ него и дома, и печи, не обжигая; только цвѣтомъ онъ на нашъ кирпичъ не похожъ, цвѣтъ у него земляной. И ничего—крѣпко стоятъ такіе дома... Только, съ непривычки, чудно какъ-то: у насъ, въ Россіи, посмотришь, такъ вся деревня въ садахъ, а здѣсь хоть и городъ, а только кое-гдѣ деревцо маленькое увидишь, да и то, аршина два ростомъ, не больше; одинъ только маленькій садикъ и есть на весь городъ; а посреди города, на площади, и церковь стоитъ, да такая маленькая, что если двадцать человѣкъ въ ней помѣстятся, то и хорошо, а остальнымъ на дворѣ стоять приходится.

Колодцевъ въ Кизилъ-Арватѣ совсѣмъ нѣтъ, а есть только арыкъ маленькій, 2 аршина шириною, да $^1/_2$ аршина глубиною («арыками» тамъ ручейки называются). Вотъ, изъ этого-то арыка, воду и для питья берутъ, и для варки пищи, и для мытья бѣлья; тамъ же и свиньи купаются. А за городомъ яма большая выкопана, отъ арыка канавки къ ней проведены; вода и идетъ въ эту яму по канавкамъ, такъ что и прудъ маленькій сдѣланъ; здѣсь-то и купальня есть,—купаются. Если бы взять, да перенести этотъ городъ къ намъ, хоть бы въ Кіевскую губернію, то хуже всякаго хутора поганенькаго былъ-бы. Однако, тамъ люди живутъ и не скучаютъ; ну, да и намъ-то скучать не пришлось.

А отчего? Да потому, что работа была,—не до скуки было. А пока работа-то началась, то мы и въ аулѣ-то побывали, съ текинцами знакомство свели и поохотились малость.

За городомъ, тутъ же, развалины старой текинской крѣпости стоятъ; а за крѣпостью, въ полуверстѣ, этотъ самый аулъ текинскій стоялъ... Пошли мы туда. Приходимъ и смотримъ, а онъ выглядитъ, точно лугъ послѣ сѣнокоса: все поле такъ и усѣяно копнами,—это ихъ кибитки, похожіе на копны, стоятъ такъ одна возлѣ другой въ безпорядкѣ. На улицѣ нѣтъ заборовъ, а кто побогаче, такъ у того глиняной небольшой стѣнкой дворъ отгороженъ и стоитъ тамъ кибитка, либо двѣ. Здѣсь-же у него и маленькіе ягнята, и лошаки, верблюды и лошадь.

Ни деревьевъ, ни огородовъ, ничего такого, какъ у насъ, тамъ не увидишь. Какъ посмотришь, такъ и подумаешь, что бѣднѣе народа и не сыскать. А поди—какіе между ними богачи водятся: онъ тебя продастъ и купитъ, только тряхни его мошну хорошенько. Собакъ-то въ аулѣ видимо—невидимо, и все большія такія, да злющія, на насъ такъ и набросились; да старикъ изъ кибитки вышелъ, низко кланяется намъ и «саля-малей-кемъ», — говоритъ (это, по ихнему, «здравствуй»), да въ кибитку къ себѣ приглашаетъ. Ну, мы и вошли туда. Смотримъ, а убранства почти никакого. Стѣны только коврами увѣшаны; на полу разосланы тростниковыя цыновки; на нихъ, около стѣнки, подушки, да одѣяла положены. Ни сундуковъ, ни ящиковъ въ кибиткѣ не увидишь, а вмѣсто нихъ переметныя сумы лежатъ. Посуды въ

кибиткѣ тоже много не увидишь: большой и маленькій котелокъ для варки пищи, деревянная миска для того, чтобы тѣсто въ ней мѣсить; мѣдный чайникъ, чтобы кипятить воду—вотъ и все. Вилокъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а ножи они носятъ на поясѣ; на поясѣ также они носятъ въ чахлѣ и бѣлую, глиняную чашку для чая, такую, какъ у насъ, въ трактирахъ, полоскательницы. Посуды у текинца оттого мало, что онъ не избалованъ пищею. Любимая у нихъ пища, это—похлебка; варится она такъ: кипятятъ въ желѣзномъ котелкѣ воду, разбавляютъ ее бараньимъ жиромъ и варятъ въ ней хлѣбъ. А то, еще варятъ кашу изъ джугурмы (это вродѣ нашей кукурузы), и ѣдятъ ее либо—съ верблюжьимъ молокомъ (оно у нихъ «съютомъ» прозывается), либо—также съ бараньимъ жиромъ, а лѣтомъ еще арбузы и дыни, да фрукты разные. Мясо они ѣдятъ очень рѣдко, только по большимъ праздникамъ, потому что для текинца дорогъ всякій баранъ: онъ стрижетъ его въ годъ раза по три, по четыре, да продаетъ его шерсть; дороги верблюдъ и лошадь, а коровъ у нихъ мало, вотъ почему и мясо ѣдятъ они рѣдко. Ну, если сдохнетъ корова, или баранъ, тогда они, чтобы мясо даромъ не пропадало, и ѣдятъ его. За то, до чаю текинцы большіе охотники, — чашекъ по десяти съ однимъ кускомъ сахару выпиваютъ. Пищу себѣ варитъ текинецъ не такъ, какъ мы, въ печкѣ, а выкапываетъ ямку и проводитъ къ этой ямкѣ наклонную канавку вмѣсто поддувала; въ ямкѣ разводитъ огонь изъ кустовъ степнаго ковыля и поверхъ ставитъ котелокъ съ похлебкой,—вотъ и печка у него готова. Хлѣбъ же онъ печетъ иначе. Для этого тоже выкапывается яма, только поглубже, въ видѣ горшка; стѣны этой ямы смазываютъ глиною, а на днѣ разводится огонь. Пока стѣнки ямы накаляются, текинка, замѣсивъ тѣсто въ мискѣ, раскатываетъ его на полѣ халата въ лепешки, не болѣе полувершка толщиною; лепешки эти прикладываетъ къ стѣнкамъ ямы, которые къ тому времени успѣютъ накалиться, и тычетъ ихъ пальцами, яму закрываетъ, и черезъ четверть часа хлѣбъ готовъ. Такой хлѣбъ называется «чурекомъ».

Вѣстимо, что при такомъ нехитромъ хозяйствѣ, много посуды ему и не надо...

Вотъ, какъ вошли мы въ кибитку, такъ хозяинъ—текинецъ, сѣлъ на полъ, поджалъ ноги калачикомъ, и насъ приглашаетъ садиться. У него еще двое текинцевъ было; вотъ, они сѣли около насъ, и давай болтать. Говорятъ они скоро-скоро, такъ и сыплютъ словами, ни чѣмъ не остановишь, все кричатъ больше. Послушать со стороны, какъ два текинца разговариваютъ, такъ подумаешь, что они ссорятся. Такой крикъ другой разъ поднимутъ, руками такъ и размахиваютъ, такъ тоже крестятъ другъ друга крѣпкимъ словомъ, что вотъ-вотъ, сейчасъ подерутся, думаешь. А это у нихъ ужь привычка такая, ему трудно, ежели тихо, да степенно говорить, онъ все съ накрику больше любитъ.

Текинецъ въ степи живетъ. У него ни лѣсу, ни воды нѣтъ. Земля, мѣстами, сносная есть, да засуха цѣлое лѣто бываетъ, ну, значитъ, хлѣба сѣютъ мало, а все, больше, скотоводствомъ занимаются. Да и дѣло-то не хитрое: гоняй скотину съ мѣста на мѣсто и ладно — тутъ разума большаго не нужно.

Давно уже текинецъ прижился въ своихъ степяхъ со своею скотиною: онъ барановъ, козъ, верблюдовъ, да лошадей пасетъ. Въ нихъ все его богатство. Велики аторы, большіе гурты, да табуны—богатъ и текинецъ. Мало у него скота—онъ бѣднякъ голый. Потому онъ и старается все о своей скотинѣ, чтобы ей хорошо было. Съ того онъ и мѣста прочнаго имѣть не можетъ, что скотину перегонять съ мѣста на мѣсто нужно. А куда бараны, да лошади, туда и текинецъ кочуетъ; ему безъ нихъ жить нельзя, о нихъ всѣ его и заботушки.

И, бѣда, какіе богатые есть изъ этихъ текинцевъ, Боже ты мой! У другого хозяина барановъ тысячъ до десяти головъ, да верблюдовъ до нѣсколько сотъ. Такъ эти, какъ богато живутъ! А даромъ, что у него богатство большое, онъ тоже, какъ простой текинецъ, кочуетъ, тоже съ мѣста на мѣсто переѣзжаетъ со своими кибитками, потому, ему нельзя,— онъ только и богатъ, пока скотина у него есть.

Такъ-то текинцы и кочуютъ. Со стороны посмотрѣть, степь широкая, по ней текинецъ зря ходитъ, а на дѣлѣ не такъ. И у нихъ тоже свои порядки есть. Текинцы родами живутъ. Каждый текинскій родъ свои мѣста имѣетъ, тамъ и скотину пасетъ, потому, если имъ своихъ мѣстъ не имѣть, можно всѣхъ стадъ лишиться: прійдетъ если текинецъ на другое мѣсто, а тутъ только что другой былъ, весь кормъ пріѣденъ— ему скотину кормить и не чѣмъ будетъ. Оттого у нихъ передъ весной съѣздъ бываетъ, всѣ старшины ихъ съѣзжаются и дѣлятъ, гдѣ кому пасти. Такъ ужь потомъ текинцы это и знаютъ. Они не съ дуру ходятъ, а тоже, какъ нужно, какъ рѣшено.

Весной у нихъ великій праздникъ бываетъ, какъ на кочевки уходятъ. Текинцы рады тутъ бываютъ, потому что и холодъ кончается, и на одномъ мѣстѣ ему не сидѣть, и степь вся, словно ковромъ какимъ вся одѣнется. Скотина сразу поправится: у верблюдовъ горбы большіе станутъ, высокіе, — жиромъ нальются, бараны курдюки здоровенные нагуляютъ живо, лошадь рѣзвая, кругленькая станетъ. Самъ текинецъ заживетъ, потому что и ему самому тоска все на одномъ мѣстѣ сидѣть, а тутъ—гуляй себѣ. Такъ они и двигаются полосами въ степи, къ горамъ поближе. Къ осени поворотъ сдѣлаютъ и двигаются назадъ, къ зимовкамъ. За лѣто, ихъ стада до двухъ тысячъ верстъ дѣлаютъ.

Изъ себя на видъ текинецъ росту высокаго, плотный такой, сколоченъ на славу: коренастый, широкоплечій, здоровый. Волосы темные; только головы они брѣютъ, бородка жиденькая, зубы бѣлые. Тѣло-то у него темное, загорѣлое, какъ чугунъ. Видитъ онъ отлично, далеко. Теперь, если на степи что есть, русскій человѣкъ, или вовсе не замѣтитъ, или такъ ему будетъ оказывать, что что-то черное далеко есть, а текинецъ посмотритъ, сейчасъ скажетъ, что тамъ такое: бараны, либо верблюдъ, или конный человѣкъ ѣдетъ. Голосъ у нихъ звонкій, высокій. Онъ за версту кричитъ, его другой слышитъ и понять можетъ. Мы не мало на нихъ дивились. Встрѣтится ему текинецъ какой, стороной ѣдетъ, онъ сейчасъ руку подыметъ, замахаетъ ногайкой, закричитъ. Тотъ тоже остановится

и пошли оба кричать, не разберешь что. Дорогу-ли ему расправить нужно, или другое что, онъ къ другому текинцу вплоть не подъѣдетъ, а крикомъ все. Покричатъ, это, другъ другу и поѣдутъ въ разныя стороны,—ужъ знаютъ, чего нужно.

Одежда у нихъ не хитрая: бѣлые холщевые шаровары, такая же рубаха, стеганый ваточный халатъ, мохнатая баранья шапка, шерстяные чулки и сафьяновые туфли безъ задниковъ, на высокихъ, острыхъ каблукахъ, съ загнутыми кверху носками, расшитые шелкомъ, или шерстью. А на зиму сапоги изъ желтой кожи надѣваютъ, да иногда легкій нагольный тулупъ. А у женщинъ тоже есть шаровары, такія же, какъ и у татарокъ, а поверхъ синяя тиковая блуза надѣта; въ косу, у богатыхъ, серебрянныя и золотыя монеты персидскія вплетаются.

У текинца почти все изъ шерсти. Домъ его—кибитка войлочная, на полу опять войлокъ постланъ; ковры, веревки, нитки,—все изъ шерсти. Потому скотины у текинца много, шерсти всегда въ волю, своя, некупленная,—онъ все изъ нея и дѣлаетъ.

Текинцы народъ отличный; какъ родился онъ среди степи, выросъ, самъ не знаетъ какъ, около барановъ, лошадей, да верблюдовъ, сидя на сѣдлѣ, да слушая отцовскія сказки, — таковъ онъ и вышелъ. Душа у него простая, добрая. Мирный онъ теперь вовсе сталъ. Только живетъ грязно. Вони, да грязи у него въ кибиткѣ—сколько угодно. Честный онъ народъ, ссориться не любитъ зря. Если ты пришелъ къ нему въ гости, —всякій тебѣ почетъ и уваженіе. Теперь тамъ, гдѣ

солдаты въ степныхъ мѣстахъ стоятъ, текинцы съ ними большую дружбу водятъ.

«Ты,—говоритъ,—мнѣ тамыръ»,—другъ, значитъ, по ихнему. Да и любятъ же текинцы въ гости ходить. Онъ съ утра на лошадь сѣлъ, да и залился на цѣлый день, а то, и на два, на три: ѣздитъ себѣ по знакомымъ ауламъ, да болтаетъ, новости узнаетъ. Наберется новостей въ одномъ мѣстѣ, ѣдетъ въ другое, разсказывать. У нихъ, даромъ, что почты нѣтъ и писемъ не пишутъ, а все знаютъ, что въ степи дѣлается. Другой разъ, что въ русскомъ городѣ случится, мы тутъ же, рядомъ живемъ, да ничего не знаемъ, а пріѣдутъ текинцы, Богъ знаетъ откуда, — имъ все ужъ извѣстно.

Текинца хлѣбомъ не корми, только разскажи ему что-нибудь новое, да занятное. Узнаетъ онъ, что если гдѣ праздникъ затѣвается, такъ онъ за сколько верстъ ѣдетъ, трясется,—охота ему посмотрѣть, да послушать. Ну, да и врать же они здоровы; другой разъ наплететъ тебѣ, чего никогда ему и во снѣ не снилось,— а все изъ того, чтобы похвастать. Хвастуны они большіе; любятъ, чтобы ихъ за важныхъ людей почитали. Только все это они дѣлаютъ по-ребячьи; сейчасъ видно, что у него на умѣ есть. Такъ-то текинецъ и ѣздитъ изъ стороны въ сторону. Ему дорога ни почемъ. Пристала лошадь, онъ сейчасъ же въ первый аулъ свернетъ отдыхать; наболтается тутъ вволю, накормятъ здѣсь его, онъ дальше ѣдетъ. Дорогу онъ по своему считаетъ. Въ степи верстъ нѣтъ. Текинецъ ее разно считаетъ. То—голосомъ, а коли далеко, то—днями. Теперь спроси его, далеко-ли до такого-то мѣста? Онъ

и скажетъ: «десять чакрымъ». А «чакрымъ» у него вотъ что такое: закричитъ текинецъ въ истошный голосъ, — гдѣ его другой текинецъ услышитъ, — тамъ чакрымъ и будетъ. А поди тутъ, мѣряй. Другой разъ, у него чакрымъ въ полторы версты, а то и всѣ три. Вотъ, тутъ его и пойми.

Ну, и ѣздить же они мастера! Онъ еще ребенкомъ, только-что бѣгать началъ, ужъ на лошади верхомъ сидитъ, да такъ-таки задуваетъ. Такъ онъ и ростетъ верхомъ на лошади.

Мы, разъ, что видѣли. Стадо верблюдовъ паслось. Только, смотримъ,—пастуха нѣтъ, а стадо большое. Что такое значитъ? Слышимъ, кто-то кричитъ, верблюдъ одинъ ходитъ здоровый, точно другихъ загоняетъ, а пастуха не видно. Глядь, а у верблюда между горбами двое ребятишекъ, совершенно нагихъ, сидятъ. Маленькіе вовсе, небольше, какъ по четвертому годочку будетъ. Ихъ между горбами-то и не видать, словно, заклинило ихъ тамъ. Вотъ, мы дивились тогда: ну, пастухи! Да, вѣдь, какъ ловко правитъ верблюдомъ-то, такъ-таки покрикиваютъ, ноженками его въ бокъ толкаютъ, точно большіе. И не боятся, даромъ, что на каланчѣ сидятъ.

Съ того они очень ужъ и ловки ѣздить, что съ измальства привыкаютъ. Цѣлый-то день онъ на сѣдлѣ сидитъ, ему-то и горюшки мало, и не устанетъ. Скачетъ-ли, рысью-ли,—ему все-равно, онъ какъ приросъ къ лошади. Его снять съ сѣдла невозможно: вцѣпится ногами въ бока лошади, тяни его хоть трое—не сорвешь. И теперь, другой какой толстый текинецъ, совсѣмъ сырой; посмотрѣть, такъ, кажись, съ мѣста не

сдвинешь, а дай ему лошадь,—не узнать: ѣдетъ легко, ловко, молодцомъ. Да, наѣздники! По ихнему, это «джигитъ» называется, кто ѣздитъ ловко.

Текинецъ и шляется по степи, время убиваетъ. И ѣхать ему не скучно, потому, попутчики всегда есть. Въ степи никогда почти одинокаго текинца не встрѣтишь, все двое, трое, а то и пятеро ѣздятъ вмѣстѣ и все говорятъ, все тараторятъ. Встрѣтитъ, если, текинецъ другаго, онъ его такъ не пропуститъ, а поѣдетъ къ нему въ сторону, версты три другой разъ крюку сдѣлаетъ, все затѣмъ: сказывай, что видѣлъ, что слышалъ!...

И работящій это народъ, текинцы. Вѣдь, дай нашему брату такую землю, какъ у него,—твердую, какъ камень,—ломать, да киркой разбивать приходится, потому, лопата не беретъ, жара бываетъ градусовъ 48, а то и 50, рѣкъ нѣтъ, лѣтомъ засуха,—нашъ братъ, кажись бы, съ голоду пропалъ! А текинецъ—нѣтъ; сытъ, одѣтъ и обутъ, да еще другой и деньгу не малую имѣетъ. А почему? Да потому, что водки не пьетъ, да рукъ не жалѣетъ.

Какъ они, напримѣръ, хлѣбъ сѣютъ?—Вотъ какъ: выберутъ гдѣ-нибудь ручеекъ и дѣлятъ промежъ собою ту землю, что возлѣ ручейка по обѣимъ сторонамъ. Пашню отъ пашни отдѣляютъ не межой, какъ у насъ, а небольшой, глинобитной стѣнкой; около каждой пашни два шлюза устроено: одинъ—поперегъ ручья, а другой — сбоку. Вотъ, тотъ шлюзъ, что сбоку, — открываютъ, а поперегъ ручья—закрываютъ, тогда вся вода изъ ручейка разливается по пашнѣ; тамъ продержутъ ее часа два, три, и выпускаютъ ее опять на мѣсто,

а оттуда на другую пашню, а на первой, тѣмъ временемъ, земля отмякла; вотъ, тутъ-то и орать начинаютъ, а потомъ сѣютъ и каждый день такъ поливаютъ. Въ мартѣ онъ хлѣбъ посѣялъ, а въ срединѣ апрѣля уже собралъ; другой разъ сѣетъ, а съ мая опять собираетъ; а больше уже и не сѣютъ, потому что такія жары наступаютъ, что и поливка никакая не поможетъ. Такъ же сѣютъ и ячмень, и саманъ («саманомъ» тамъ клеверъ называется), а вотъ, огородину, такъ ту и въ августѣ садятъ.

Это дѣлаютъ такъ тамъ, гдѣ ручейки есть; а гдѣ ихъ нѣтъ, — какъ тутъ быть? Да и здѣсь не потерялись текинцы, придумали, какъ все устроить нужно, чтобы вода была.

Вотъ, они выискали въ горахъ озера, либо большіе ручьи,—а ихъ въ горахъ много есть; вырывали около такихъ озеръ большую, пребольшую яму, и начинали отъ этой ямы, подъ землею, корридоръ дѣлать, такъ до самаго того мѣста, гдѣ имъ вода нужна была, гдѣ у нихъ либо пашни, либо огороды были. Случалось, что такой корридоръ верстъ на 25 подъ землею шелъ, и какъ это они подобные штуки дѣлали — одинъ Богъ вѣдаетъ, видно, что, какъ говорятъ, «терпѣніе и трудъ, все перетрутъ». Только они, сдѣлавши такой корридоръ, выпускали воду изъ озера въ яму, а изъ ямы она шла, по этому подземному корридору, до того мѣста, гдѣ имъ вода нужна была. И получался, такимъ образомъ, водопроводъ. Такіе водопроводы у нихъ *карызами* прозываются. Чтобы корридоръ такой не засорялся, такъ въ немъ, черезъ каждые десять или пятнадцать сажень, глубокіе колодцы рыли; вода какъ идетъ и несетъ съ собою песокъ, да мусоръ разный, такъ они и остаются въ этихъ колодцахъ самыхъ.

Чудно то, что они такую каторжную работу дѣлали, да еще чуднѣе то, если сказать вамъ, какой у нихъ инструментъ былъ. Ведро, ломъ, лопата, веревка— и больше ничего; вотъ, тутъ какъ хочешь, такъ и дѣлай. Да ничего, сдѣлали.

Вотъ, братцы мои, какъ хлѣбъ-то текинцу дается, не то, что нашему брату, да и то, Бога не гнѣвитъ, да на судьбу не жалуется, доволенъ тѣмъ, что есть. А что, если бы ему, да нашу землю дать, такъ онъ и день и ночь-бы Бога молилъ. Вотъ, прійди-ка къ нему въ гости,—всѣмъ угоститъ; чего только у него нѣтъ. А отъ чего? Да потому, что народъ не пьющій, трудящійся. Да онъ того и за человѣка не считаетъ, который водку пьетъ.

У текинцевъ въ семьѣ старшій отецъ, а если есть дѣдушка—такъ онъ тогда. Онъ всему дѣлу голова. Его всѣ слушаются и уважаютъ. Родню они, бѣда, какъ знаютъ,—не хуже нашей деревенской старухи, которая изъ подъ земли выроетъ, а найдетъ родню, хоть будь она седьмая, разседьмая вода на киселѣ. Всѣ сродственники текинскіе и составляютъ родъ. Онъ ужъ такъ и держится съ поконъ вѣку. Въ роду тоже есть старшій, всѣмъ начальникъ, его «ханомъ» зовутъ. Прежде, когда текинцы не были еще нашими, у нихъ часто родъ на родъ войной ходилъ. Если кто изъ чужаго рода обидитъ кого, такъ за него всѣ горой подымутся. Цѣлыя войны затѣвались (по ихнему, «аламанами» назывались). Соберутся потихоньку текинцы одного племени, чтобы никто не зналъ, подъѣдутъ къ чужимъ

ауламъ и грянутъ на нихъ сразу. Пойдетъ рѣзня, грабежъ, а пуще всего стараются скотъ угнать, потому что онъ дороже всего стоитъ. Оправятся тѣ, которыхъ побили, соберутся тоже, да на первыхъ также нападутъ. Опять рѣзать, грабить, аламанить. Такимъ порядкомъ у нѣкоторыхъ родовъ войны по десяткамъ лѣтъ велись: и этимъ не охота простить, и тѣмъ обиду забыть нельзя, — ну, съ того, они этакъ, сторона на сторону, и ходили.

Теперь это имъ не позволено, чтобы своимъ судомъ расправляться, а ежели есть какая непріятность, обида у одного рода на другой, то судъ разбираетъ, а потомъ къ начальству, на утвержденіе. Велѣно мирно жить, не разбойничать. Свой судъ у нихъ тоже составленъ. Они себѣ сами судей выбираютъ и судятся. Текинскіе судьи по обычаю судятъ. У нихъ закона писанаго нѣтъ, а разбирательство идетъ по старому обычаю, какъ старики судили. Разберутъ судьи, кто правъ, кто виноватъ, и наказаніе положатъ по древнему преданію. Ну, а ежели какое убійство, тогда ихъ русскимъ судомъ судятъ, по нашему закону.

Семья у текинцевъ разная бываетъ, потому, текинецъ можетъ и одну жену имѣть, и больше, какъ у татаръ; только все больше они съ одной женой живутъ.

Бабамъ у текинцевъ жить свободно, ихъ не обижаютъ, только работы больно много, потому что мужикъ знаетъ только свое поле. Баба же раньше встань, подой скотину, дровъ схлопочи, воды принеси, пищу приготовь, съ ребятами возись, да она же и шерсть собираетъ, прядетъ, ткетъ армягину, сукна, ковры, подпруги, вьетъ веревки, шьетъ одежду, валяетъ кошмы,

вяжетъ маты, вышиваетъ кибитку, шьетъ попоны, толчетъ просо, джугурту, то есть, все рѣшительно, какое есть хозяйское дѣло, со всѣмъ бабы управляются. А мужикъ знаетъ, чтобы ему было все въ готовности, въ томъ его вся и забота. Ну, и работящіе же только эти текинки. Всякую-то, всякую работу она можетъ исполнять. Какъ онѣ теперь, если хорошую кибитку готовятъ, узорами ее разошьютъ. Или, тоже, маты они дѣлаютъ изъ чія. Чій—трава такая степная, въ родѣ, какъ тростникъ какой тонкій, или, опять сказать, будто бы солома крупная, только что чій очень прямъ и крѣпкій, не ломкій. Вотъ, изъ этого-то чія они вяжутъ щитъ длинный, предлинный,— вокругъ кибитки его ставятъ. Такъ они каждую чіинку, каждую эту соломинку обвиваютъ шерстями разныхъ цвѣтовъ, чтобы въ узоръ одна къ другой приходилась. Кошмы текинки валяютъ такъ, что нашимъ шерстобитамъ-валяльщикамъ ни за что не свалять противъ ихняго.

Текинки рано замужъ выходятъ. По нашему если сказать, у насъ—дѣвченка, а у нихъ ужъ замужъ отдаютъ. Есть которыя, такъ ихъ на тринадцатомъ годочку въ жены берутъ, а въ 14 и 15 лѣтъ — это постоянно. Съ этой причины, да съ работы, бабы больно скоро старѣютъ.

Взять если текинку, посмотрѣть на нее,—вся она въ морщинахъ, какъ старушка какая, а ей всего 30 годовъ, или 25 только.

И смѣлыя эти текинки, да ловкія какія. Ѣздятъ они верхомъ не плоше самихъ текинцевъ. На верблюдѣ-ли, на лошади-ли,—ей все равно: какъ сядетъ она

на сѣдло, да зальется, такъ у другаго текинца въ носу зачешется, какъ лупитъ.

Теперь у нихъ, на праздникахъ, такая игра есть, чтобы парнямъ дѣвку ловить. Посадятъ, это, ее на отличнѣйшаго коня, какой есть въ аулѣ лучшій, и пустятъ его въ степь; за ней парень въ догонку. Если поймаетъ ее, то сейчасъ же цѣлуетъ; не поймалъ,— она за нимъ бросится, да нагайкой его по спинѣ и бьетъ. Такъ вѣдь, какъ ударитъ она коня, да ахнетъ— на удивленіе!

Сама маленькая, легкая, въ хорошую одежду наряженная, такъ и вьется, словно ласточка какая. Налетитъ на нее парень, уже вплоть наскачетъ,—такъ изъ рукъ уйдетъ, верткости сколько у ней. Правитъ лошадью—другому наѣзднику не съумѣть. Только что гикаетъ, да визжитъ; то — сюда кинется, то—туда, въ сторону, то—назадъ повернетъ, только одежда развѣвается. Другая, если лошадь у нея добрая, сразу ни за что не дастся, а въ спину парнямъ отъ нея влетитъ порядочно...

Для молодухъ больно ужъ нарядную одежду шьютъ. Вся рубаха изъ красной матеріи, цвѣтами вышита. Колпакъ высокій, тоже красный, и весь бусами, бисеромъ, серебрянными, да золотыми подвѣсками обмотанъ; вся-то она завѣшана, убрана и лица не видать почти. На рукахъ запястья, кольца надѣты. Со стороны посмотрѣть, будто кукла какая, не живая, какъ вѣшалка какая. А по ихнему—отлично считается.

Если текинецъ жениться задумаетъ, онъ долженъ за невѣсту выкупъ заплатить отцу съ матерью. Это у нихъ «калымъ» зовется. Калымъ разно платится.

Средній текинецъ платитъ до двадцати-пяти головъ скота, а богатый, такъ до пятидесяти-пяти, или семи,— всегда, чтобы нечетъ былъ. Больше баранами платятъ. Кромѣ этого, еще подарки матери и отцу.

Когда сваты сговорятся объ калымѣ, то и дѣлу конецъ; проведутъ у себя по лицу руками замѣсто молитвы, и сговоръ конченъ. Тогда у родителей невѣсты пиръ дѣлается. Сейчасъ барановъ рѣзать станутъ, молока принесутъ, а потомъ играть: мужики— зарѣзаннаго козла рвутъ другъ у друга на скаку, перегоняютъ верхами, а то—съ дѣвками скачутъ, какъ я разсказывалъ. Бандуриста призовутъ, пѣсни, да былины пѣть, и слушаютъ его.

Послѣ ужина, бабы со сватьями играть станутъ. Надо такъ сказать, что бабы у текинцевъ во всякомъ домашнемъ дѣлѣ: на сговорѣ-ли, на свадьбѣ-ли, или что прочее—онѣ вездѣ первыя, главныя заводчицы и распоряжаются, какъ имъ угодно. Да не только, что дома, у нихъ бабы, другой разъ, на сходки мірскія ходятъ, тамъ голосъ вмѣстѣ съ мужиками подаютъ.

Ну, такъ съ сватьями игру играть соберутся въ кибитки. Къ каждому свату по нѣсколько женщинъ сейчасъ подсядетъ,—по три, по четыре, и каждая его пытаетъ, спрашиваетъ, а онъ долженъ на все отвѣчать. Заставитъ пѣсню пѣть — пой пѣсню; загадку загадаетъ—отгадывай, не зѣвай; а то—въ складъ ей говори слово какое въ отвѣтъ. Такъ-то эти бабы сватьевъ поворачиваютъ — мое почтеніе, шевелись! А пуще къ тѣмъ пристаютъ, кто покрасивѣе, повиднѣе будетъ. И теперь у нихъ очень просто на счетъ разговору,— что вздумается ей, то она и говоритъ, не стыдится

ни сколько,—другаго свата съ толку вовсе собьютъ; тотъ уже не знаетъ, какъ ему говорить, про что... А онѣ пуще, эти бабы, подхватятъ. И, главное, что у нихъ наказаніе есть: какъ если сватъ не такъ сказалъ, или не могъ отвѣчать, сейчасъ баба можетъ съ нимъ что хочетъ сдѣлать, надсмѣяться, какъ ей вздумается.

Разъ, онѣ что сдѣлали съ однимъ. Онъ, какъ-то, не разобралъ, да соври, — круто совралъ что-то. Мигомъ налетѣли на него бабы, раздѣли до нага и поставили посереди кибитки, какъ истукана, а сами смѣются надъ нимъ, да издѣваются: рвутъ это его, теребятъ, срамятъ. А теперь, не сдѣлай по ихнему—бѣда! Этакъ онѣ наказаніе выдумали, что не слушался: одѣли свата бабой, посадили на быка, лицомъ къ хвосту, рожу сажей вымазали, да и возили по ауламъ. А то—одному привели старую, престарую калѣку, бабенку горбатую, кривую, безносую, да и заставили цѣловаться... Тутъ ужъ бабье царство!

Потомъ невѣстины сваты ѣдутъ къ жениху и задатокъ приданаго везутъ, а то—большіе подарки. Калымъ начипаютъ съ барановъ, а потомъ верблюдовъ и лошадей сдаютъ.

Когда подарки сдѣлали съ обѣихъ сторонъ, родители ужъ покойны: будутъ ждать до сватьбы. Сговоръ всегда почти дѣлается еще тогда, когда и жениху, и невѣстѣ года по два, по три, а то, и того меньше. Пока они ростутъ, родители невѣсты калымъ по немногу выплачиваютъ.

Когда выростутъ женихъ съ невѣстой, женихъ ѣдетъ къ ней въ аулъ, съ парнями. Тутъ онъ ужъ долженъ конецъ калыма уплачивать. Ѣдетъ онъ не зря.

На это у нихъ тоже обычай есть. Не доѣхалъ женихъ до аула за версту, или полверсты, сейчасъ съ лошади долой и посылаетъ ее съ дружками къ невѣстиной сестрѣ съ подаркомъ. Соберутся бабы и дѣвки къ нему на встрѣчу, угощеніе несутъ. Которые женщины съ нимъ остаются сидѣть, а которыя ѣдутъ кибитку для жениха ставить. Въ эту кибитку, какъ солнце закатится, бабы жениха тихонько отведутъ, взыщутъ подарки, потомъ идутъ къ отцу, постель дѣлать для молодыхъ. Постелятъ постель, жениха приведутъ въ кибитку, гдѣ невѣста на постелѣ сидитъ и мать тутъ же, возлѣ огня. Помучаютъ бабы жениха около двери, все выкупу просятъ, потомъ и впустятъ. Мать напоитъ его верблюжьимъ молокомъ и велитъ имъ играть, и уведетъ всѣхъ вонъ, только женихъ съ невѣстой останутся.

Утромъ опять бабы на своемъ мѣстѣ, за выкупомъ. Возьмутъ, да у жениха сапоги унесутъ у соннаго—давай выкупъ и ступай въ свою кибитку. Поживетъ онъ тутъ дня три, тогда—къ невѣстѣ ужъ ночью его водятъ — и домой поѣзжай. Уѣдетъ женихъ домой, а ужъ второй разъ не скоро уже пріѣдетъ. И въ этотъ разъ онъ тоже въ степи останавливается. Все долженъ видъ дѣлать, будто онъ тихонько пріѣхалъ и отецъ невѣстинъ будто тоже не знаетъ. Въ этотъ разъ онъ еще калымъ привозитъ. А въ третій разъ уже весь до чиста, матери подарки и угощеніе на сватьбу. Тутъ ужъ женихъ съ невѣстой живутъ вмѣстѣ. Къ ней собираются дѣвки и бабы,—приданое шьютъ, пѣсни поютъ, игры устраиваютъ.

Въ приданое одежду даютъ, кибитку, а то и двѣ, лошадь для невѣсты, ковры...

Когда поставятъ новую кибитку изъ приданаго, невѣста прощается съ родственниками и должна плакать и причитать. Тутъ соберутся изъ ея аула парни и обступятъ невѣсту, а жениховы дружки отнимать ее начнутъ. Передъ ужиномъ станутъ вѣнчать. Огонь большой разложатъ, вокругъ разныхъ платковъ, да ситцевъ накладутъ, отцу велятъ чашку съ водою держать, да съ кольцами, а то, и съ деньгами; мулла прочитаетъ молитву, выпьютъ всѣ водицы изъ чашки— и конецъ, обвѣнчали...

Если у текинца родится сынъ, то большая радость въ аулѣ бываетъ; праздникъ устраиваютъ текинцы и съ другихъ ауловъ съѣзжаются. Скачки устраиваютъ и заклады большіе дѣлаютъ на скачки. Другой разъ, штукъ на десять верблюдовъ сложатся; кто первый прискачетъ, тотъ и беретъ. У нихъ скачки бѣдовыя, не то, что у насъ,—три или пять верстъ проѣхалъ, и шабашъ! У нихъ верстъ на двадцать-пять, на тридцать ѣдутъ. Скачутъ всегда мальчишки, чтобы лошади легче было. И ловки эти мальчишки скакать! Ему, пострелёнку, семь годовъ только, а онъ что дѣлаетъ! Двадцать-пять верстъ скачетъ однимъ махомъ. Да еще, на скаку лошади глаза и ноздри платкомъ протираетъ!

У нихъ, на скачкѣ, не смотрятъ за тѣмъ, кто какъ ѣдетъ. Какъ хочешь, такъ и поѣзжай степью, только чтобы на мѣсто первымъ прійти.

Разъ былъ какой случай. У одного мальчишки лошадь была больно хорошая. Ужъ сколько разъ за нею гонялись,—какъ впередъ всѣхъ взяла съ мѣста, то и

дальше никому впередъ уйти не дастъ. Вотъ, текинцы и сговорились противъ ея хозяина; выѣхали на середину дороги, да на мальчишку и бросились. А мальчишка-то маленькій вертѣлся, вертѣлся, не сдержался и упалъ съ лошади долой на землю. Текинцы рады, что мальчишка упалъ, думаютъ, что ихъ лошади впередъ прійдутъ. А лошадь-то у мальчишки не первый разъ на скачкахъ ходила. Слетѣлъ съ нея мальчишка, а она все скачетъ, знаетъ куда,—мѣсто знакомое. Тамъ ждутъ на мѣстѣ, кто первый прійдетъ. Смотрятъ—одна лошадь, безъ сѣдока, бѣжитъ впереди всѣхъ. Добѣжала до столба, да и стала на мѣстѣ. Такъ, вѣдь, и закладъ получила.

* * *

Такъ-то, братцы мои, живутъ теперь текинцы тихо, да смирно, а лѣтъ пять тому назадъ, когда они еще нашими не были, бѣда, что творилось! Одинъ разбой, да и только; никому спуску не давали, всѣхъ сосѣдей своихъ грабили, и персовъ, и хивинцевъ, и бухарцевъ, и киргизовъ,—всѣхъ положительно. Да и народъ-то самый этотъ образовался изъ разбойничьихъ шаекъ. Тамъ, гдѣ теперь живутъ текинцы, триста лѣтъ тому назадъ, жили мирные персы; они никого не грабили, никого не обижали, а работали, да хлѣбъ себѣ добывали, хотя и солоно онъ имъ давался, потому что земля ужъ больно плоха, воды мало, да жары сильные бываютъ. Ну, да дѣлать было нечего, приходилось и на томъ мириться, потому что дальше и такой земли не было, а кругомъ, куда только глазъ хватаетъ, одни желтые, сыпучіе пески, въ которыхъ ни кустика, ни

былинки не увидишь; ну, а на счетъ воды, то не только какой-либо рѣчки, а путящаго колодца не увидишь. Поэтому тамъ никто и не жилъ, только голодные шакалы рыскали. («Шакаломъ» степной волкъ называется).

Только, однажды, появился тамъ одинъ человѣкъ, потомъ другой, третій, четвертый—и пошли собираться. Собирался все туда бѣглый народъ съ разныхъ сосѣднихъ странъ. Бѣжали туда и хивинцы, и бухарцы, и афганцы, и персы,—все такіе, которымъ не жилось на родинѣ, хотѣли попытать счастья въ другомъ мѣстѣ; а то были изъ нихъ и преступники, убійцы разные, которые уходили отъ суда и наказанія. Такъ, мало по малу, собралось тамъ народу таки порядкомъ. Что же имъ было тамъ дѣлать? Хлѣбъ есть надо, а откуда его взять? Сѣять нельзя—родиться на пескѣ не будетъ; скотоводствомъ заниматься нельзя — скота нѣтъ, да хотя бы и былъ, чѣмъ же его кормить? Вотъ, и начали разбоемъ заниматься, сосѣдей грабить. Къ себѣ они принимали всякаго безъ отказа, требовали только отъ него храбрости, да молчанія.

Старшихъ у нихъ не было,—всѣ одинаковы были, и цѣнились только по храбрости, выказанной во время набѣговъ. Только во время этихъ набѣговъ они выбирали себѣ предводителей, которые назывались «ханами» или «сердарями», но только сердари власти никакой не имѣли, потому что всѣ дѣла у нихъ рѣшались міромъ, добычу тоже дѣлили поровну.

Такъ они жили долго, а женщинъ у нихъ не было,—не было потому, что убѣгать въ пески, въ пустыню, было трудно даже и мужчинѣ, а не то, что женщинѣ.

Бывало, ѣдетъ ихъ этакъ человѣкъ 50, да поднимется вѣтеръ, да ураганъ, да начнетъ песокъ съ мѣста на мѣсто переносить, точно волны на морѣ, да засыпать, такъ черезъ часъ отъ людей и слѣда не останется, всѣхъ живыми засыплетъ, только одинъ песчаный курганъ и виднѣется. Ну, гдѣ тутъ быть бабѣ?

Да только они не всѣ такъ жили такими монахами. Терпѣли, терпѣли, да разъ и напали на персовъ, которые жили пониже, около горъ, и занимались хлѣбопашествомъ. Покорили ихъ, города разрушили, женщинъ отняли, переженились и стали жить вмѣстѣ съ персами.

Тогда тѣ ихъ и назвали «ахалъ-теке»,— это значитъ, по русски, «новое племя». Они приняли эту кличку, да такъ и называются по сю пору, только по просту ихъ называютъ «текинцами».

Вотъ, какъ поселились тамъ текинцы, то и сами начали хлѣбъ сѣять, скотъ пасти, да барановъ разводить. Только этимъ они занимались мало, потому что раньше грабежами, да разбоемъ избалованы были. Разбой — нажива легкая, тутъ, по крайней мѣрѣ, и трудиться не приходится. Вотъ, и тутъ у нихъ, хлѣбопашество — хлѣбопашествомъ, а разбой—разбоемъ. Разбои у нихъ «аламанами» называются. Благо, что рядомъ съ Персіей поселились, а Персія-то страна богатая, ну, да и давай ее грабить. Бывало, соберутся человѣкъ 200 или 300, а то и болѣе, да и «гайда на аламанъ». Тутъ уже пощады никому не даютъ: все жгутъ, грабятъ, а народъ въ плѣнъ увозятъ, въ неволю продаютъ.

А на аламанъ они такъ собирались: Бывало, какой

ханъ захочетъ на аламанъ идти, сейчасъ свое копье возьметъ, наткнетъ на него паклю, а паклю зажгетъ, да и поставитъ около своей кибитки; а по другимъ ауламъ глашатаи ѣздятъ, на аламанъ идти приглашаютъ. Вотъ, кто хочетъ идти, тотъ и ставитъ свое копье рядомъ съ копьемъ хана. Когда такихъ копьевъ набиралось много, тогда ихъ считали; сколько было копьевъ, столько, значитъ, было охотниковъ на аламанъ идти; тогда дѣлались сборы и отправлялись въ походъ, а хозяйство все оставляли на женъ. Аламаны всегда дѣлались осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Такъ-то они тамъ хозяйничали, да грабили всѣхъ до 1881 года; а теперь уже баста! Какъ завоевали ихъ въ 1881 году Русскіе, такъ и приказали имъ забыть про аламаны, а честнымъ путемъ себѣ хлѣбъ добывать. Ну, они и слушаются, и работаютъ теперь, да и живутъ честно...

Все это разсказали намъ, братцы мои; сами-то мы не сразу узнали, да и гдѣ тамъ узнать въ 4 дня; узнали все это мы послѣ, а здѣсь только такъ, нѣсколько деньковъ отдохнули, да и на работу пошли...

2327 Петръ Степановъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКОЕ „УРА“.

(Патріотическое стихотвореніе *).

Сегодня, братцы, торжество
По селамъ, въ городахъ, въ столицахъ;
Вездѣ молебны, празднество,
На всѣхъ веселье видно лицахъ.

Сегодня минуло семь лѣтъ,
Какъ на Руси, по Божьей волѣ,
Возсѣлъ нашъ Александръ-Свѣтъ
На прародительскомъ престолѣ.

Восьмой пошелъ съ тѣхъ поръ ужъ годъ,
Когда, по волѣ Провидѣнья,
Его Царемъ узрѣлъ народъ.
Взявъ въ длань Свою бразды правленья,

*) Соч. автора патріотическихъ стихотвореній: «Чувства русскаго воина», «Мысли русскаго человѣка» и «Молитва членовъ Православнаго Палестинскаго общества».

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

Кн. 3. Вып. VI. 1888 г.

Въ Закаспійскую степь на работу.

(Посвящается бывшимъ товарищамъ-солдатамъ).

(Продолженіе *).

III.

Молебенъ.—Работа.—Бами.—Праздникъ въ Кизиль-Арватѣ. — Возвращеніе на работу.

Пока мы въ походѣ были, да потомъ въ Кизиль-Арватѣ отдыхали, вольные рабочіе, персы, успѣли насыпь сдѣлать на 50 верстъ до укрѣпленія Бами; насыпь эта «полотномъ» желѣзной дороги называется. Ну, какъ изготовили кусокъ полотна, то здѣсь можно ужь и рельсы и шпалы положить,—а это наше дѣло. Вотъ, какъ кончился нашъ отдыхъ, такъ и принялись за работу.

12-го іюля, раннимъ-рано утромъ, вынесли и поставили на полотнѣ маленькій столикъ, бѣлой скатертью покрытый, съ иконами и водой для водосвятія; мы построились съ ружьями, въ полной боевой аммуниціи, по обѣ стороны полотна; пришелъ священникъ, собралось начальство и начали молебенъ служить. Тепло молились солдатики, прося у Бога помощи и поддержки; каждый зналъ, къ какому великому и труд-

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

ному дѣлу приступаетъ; провести дорогу на полторы тысячи верстъ—не шутка. Для того, чтобы пѣшкомъ пройти такую даль,—не однимъ и не двумя мѣсяцами пахнетъ, а не то, что рельсы проложить, станціи построить, да телеграфъ провести...

Кончился молебенъ, окропили насъ святою водою, а потомъ и скомандовали:

— Со-ставь! Къ работѣ приступи!

Ружья составлены въ козлы, аммуниція снята—и пошла работа!...

Тамъ, гдѣ, три минуты только тому назадъ, пѣли «Господи помилуй», слышался теперь лязгъ молотковъ, да топоровъ и визгъ пилы.

За работу всѣ принялись съ жаромъ; работали, не разгибая спины, до обѣда; пообѣдали, да и не отдыхая, опять за работу; и такъ до самаго вечера. А какъ кончили работу, да оглянулись, то и увидѣли, что, не Богъ вѣсть, сколько сдѣлали: всего только четверть версты проложили, а работали, вѣдь, рукъ не жалѣючи. А все отъ того такъ мало сдѣлали, что народъ былъ неопытный, хотя между нами все больше мастера разные, и хорошіе попались, а все работа эта желѣзно-дорожная для насъ вновѣ была; а новое дѣло, извѣстно, сразу скоро не пойдетъ; да и то сказать, къ климату тамошнему солдаты не привыкши были. Вѣдь, тамъ не то, что здѣсь: еще часовъ до 7-ми утра и прохлада есть, а тамъ, дальше, жарень такая начинается, что хоть вонъ бѣги, а съ 12-ти—такъ пекло настоящее. Рельсы до того накаливаются и дѣлаются горячими, что какъ плюнешь на нихъ, такъ и шипитъ, а руками хоть и не дотрагивайся—обожжешь;

а тутъ таскать ихъ надо, укладывать, да свинчивать. Такъ что дѣлали: въ толстыхъ кожаныхъ рукавицахъ брали, да такъ и носили. Жутко это приходилось. Солнце печетъ тебя немилосердно, словно спечь хочетъ, въ воздухѣ душно, жара такая, что какъ положишь яйцо въ песокъ, такъ черезъ пять минутъ оно и спеклось уже, градусовъ 50, а то 55 жарища будетъ,—а тутъ работай, спины не разгибая; голову тебѣ такъ напечетъ, что она, будто, свинцомъ налитая, тяжелая такая и думать ни о чемъ нельзя; у другаго, отъ жары, кровь изъ носа, какъ изъ фонтана бьетъ; ну, да это, впрочемъ, хорошо; если кровь идетъ—здорово, по крайности, болѣть не будешь; пойдетъ, пойдетъ, да потомъ и перестанетъ. А посмотришь на текинцевъ—они, въ этакую жару, разъѣзжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще въ два ваточные халата вырядятся, да въ мохнатой шапкѣ, ѣдетъ себѣ верхомъ на лошади, потомъ обливается, а самъ пѣсни свои текинскія затягиваетъ! Оно, спервоначалу, страхъ, какъ смѣшно было смотрѣть, да только потомъ оказывается, что это совсѣмъ не смѣшно: онъ, хотя и потѣетъ въ своихъ ваточныхъ халатахъ, да бараньей шапкѣ, за то, солнце его не пропекаетъ, не такъ, какъ нашего брата. А то, я, разъ, солнце думалъ перехитрить: «жги себѣ,—думаю я,—сколько тебѣ угодно, а вотъ, я полегче одѣнусь, тогда и пеки». Взялъ это я, сбросилъ нижнюю рубаху, да надѣлъ только гимнастерку, такъ и пошелъ на работу; такъ самъ потомъ не радъ былъ: спину за цѣлый день такъ напекло, что вся она, бѣдная, пузырями покрылась, въ лазаретъ долженъ былъ идти. Вотъ тебѣ, и перехитрилъ! Вотъ, тутъ я и увидалъ,

что текинцы похитрѣе насъ будутъ. Сказано, гдѣ человѣкъ живетъ, къ тому онъ и привыкъ, а нашему брату—солдату, съ непривычки, тугонько приходилось. Да только мы не особенно горевали; солдату носъ вѣшать не приходится,—стыдно! Говорится же, что «терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Вотъ, такъ-то, братцы мои, приходилось намъ сначала; недѣльки двѣ, три помучались, а потомъ и попривыкли малость; и съ климатомъ освоились, и жару легче выносить стали, а самое главное, — къ работѣ пріучились, и пошла она у насъ, какъ по маслу. А черезъ мѣсяцъ, такъ ужь каждый человѣкъ зналъ свое мѣсто и дѣло, точно и вѣкъ цѣлый былъ при немъ. Какъ начинали работу, то сперва только по четверть версты едва успѣвали укладывать, а какъ привыкли, то по двѣ и по три, а потомъ и пять верстъ отмахивали.

Раздѣлятъ, это, роту на нѣсколько партій, и работаетъ каждая партія свою работу. Передняя партія шпалы кладетъ, а за нею, слѣдующая, зарубки на шпалахъ дѣлаетъ, а тамъ, дальше, рельсы кладутъ, четвертые ихъ приколачиваютъ, пятые свинчиваютъ, а шестые землю подъ шпалы подбиваютъ и подвигаются все впередъ, да впередъ; а вечеромъ, какъ посмотришь, такъ версты три ужь и отмахали. Только къ жарѣ, хотя и попривыкли, а все же она безпокоила; днемъ работать жарко, а ночью спать душно,—что хочешь, то и дѣлай. А жили-то мы въ вагонахъ, вмѣсто палатокъ; днемъ солнце ихъ накалитъ, а ночью въ немъ точно въ банѣ,—горе только одно. Вотъ, такой-то у насъ былъ лагерь. Сегодня онъ стоитъ здѣсь, а

завтра три версты проложили рельсами, онъ подвигается впередъ, а на другой день еще впередъ, и такъ все дальше.

Съ середины августа, жары по вечерамъ поуменьшились, даже немного прохладно дѣлаться начало; вотъ, тутъ-то мы и поотдохнули малость.

Хотя днемъ и устанешь на работѣ, за то, какъ вечеръ придетъ, такъ и отдохнешь. Какъ ударитъ барабанъ отбой съ работы, такъ всѣ съ пѣснями домой и идутъ. Солдаты поютъ свою россійскую, залихватскую такую, а персы, что у насъ на земляныхъ работахъ работали, свою персидскую затягиваютъ, да унылую такую, будто съ горя, будто горе въ ней выплакать хотятъ,—а это у нихъ такъ веселыя пѣсни поются. Придемъ, это, мы къ вагонамъ, да сейчасъ на кухню съ котелками, да такъ около вагоновъ и усядемся ужинать, а персы, такъ тутъ же костры изъ щепокъ, да ковыля разложутъ, да ужинъ себѣ тоже варятъ, чай кипятятъ, хлѣбъ пекутъ, потому что они на своихъ харчахъ были. Чудной у нихъ хлѣбъ, братцы мои, совсѣмъ не такой, какъ у насъ, или у текинцевъ, и печется онъ не по нашему, «левашомъ» ихъ хлѣбъ прозывается. Положитъ онъ три камешка, между ними огонь изъ щепокъ разведетъ, а сверху круглой желѣзной сковородой накроетъ, кверху выпуклой. Пока сковорода накаляется, онъ, тѣмъ временемъ, тѣсто мѣситъ въ деревянной чашкѣ, а потомъ каталкою, такою, какъ у насъ, раскатываетъ его на полѣ грязнаго, прегрязнаго халата въ лепешки, да тонкія такія, какъ маца еврейская. А какъ сковорода горячею сдѣлается, такъ онъ и кладетъ на нее, да съ бока на бокъ переворачиваетъ; такъ, минутъ съ десять, она уже и готова, только не твердая, а мягкая, какъ блинъ; онъ снимаетъ ее и кладетъ на халатъ, да какой-нибудь тряночкой и прикроетъ, какая подъ руку подвернется; подвернется портянка, онъ и портянкой прикроетъ, не побрезгаетъ. А потомъ другую лепешку спечетъ, пока такихъ лепешекъ штукъ двадцать не наберется, потому что онъ не для себя одного печетъ, а на цѣлую артель.

Такъ за ужиномъ время весело и проходитъ; тары, да бары, о томъ, да о семъ, а кончили ужинъ—пѣсни заводятъ... и гремитъ, это, русская пѣсня по азіатской пустынѣ, славу русскую далеко, далеко разноситъ, эхо ее подхватитъ, да еще дальше несетъ; на душѣ такъ легко становится и всѣ тягости дневныя забыты, и гуляетъ себѣ солдатъ на славу. А то, бубны еще, да тарелки явятся: ударятъ плясовую—и пойдутъ колѣнца выкидывать, а персы, глядя на насъ, и себѣ тоже; такъ и веселимся часовъ до одиннадцати, а тамъ уже и спать, потому, на работу вставать рано. Черезъ четверть часа, весь бивуакъ точно вымеръ, только кое-гдѣ храпъ слышенъ, да дневальный покашливаетъ. Этакъ, братцы мои, къ 28-му августа, мы къ укрѣпленію Бами подошли, 50 верстъ пути рельсами уложили и поѣзда ходить начали. Да только мы до самаго укрѣпленія не больше, какъ съ версту не дошли; намъ отдыхъ на три дня дали, потому что 30-го августа имянины Государя Императора, такъ насъ на парадъ въ Кизиль-Арватъ потребовали.

Вотъ мы, 28-го августа, вечеромъ, уже на машинѣ и въ Кизиль-Арватъ поѣхали; на другой день, утромъ,

намъ баню истопили. Тутъ-то радости было! Вѣдь, мы больше, чѣмъ два мѣсяца въ банѣ не были, а тутъ жарища страшная, пыль, да песокъ; на иномъ грязи, хоть рѣпу сѣй, а другаго старика и вши одолѣли; да и не мудрено, когда, подчасъ, воды не было, чтобы и лицо умыть. Къ намъ, на работы, воду подвозили въ «цистернахъ» (такъ чаны желѣзные называются), такъ тутъ, дай Богъ, чтобы ее для питья хватало. Вѣдь, тамъ вода, не то, что у насъ, въ Россіи: пей—опейся, а тамъ она, — что золото. Ну, такъ тогда же мы и попарились, привели себя въ христіанскій видъ, — и славно какъ послѣ бани, точно другой разъ на свѣтъ родился, такъ легко становится. А ввечеру, мы къ параду начали готовиться, чиститься, да прибираться. Благо, что у насъ такая аммуниція была, что возни съ нею никакой. Ранцевъ нѣтъ, а портупеи, ножны, да подсумки желтые, нечищенные; нечищенные потому, что воскомъ ихъ чистить невозможно,—солнце, какъ пригрѣетъ, такъ весь воскъ оплыветъ. Бляху поворонилъ, чехолъ бѣлый на шапку вымылъ, да штаны— и готовъ! А штаны у насъ лѣтомъ синіе, нанковые носили,—это «степнымъ довольствіемъ» называется. Въ нихъ легко и не маркія они. А потомъ и репетицію къ церемоніальному маршу сдѣлали. Вотъ, тутъ-то, братцы мои, смѣха-то было! Ужь когда мы въ строю не были!—Почитай мѣсяца четыре, ну, и по отвыкли, а тутъ, на работѣ, еще съ согнутой спиной. Ну, а какъ вышли въ строй, то не то—солдатъ, не то—мастеровой, и не разберешь; по мундиру только солдата и признаешь. А какъ пошли маршировать, то—кто въ лѣсъ, а кто—по дрова. Ну, да это только спервона-

чалу, а какъ прошли разъ, другой, да третій, то на четвертый такъ промаршировали, что любо-дорого,—настоящіе солдаты!

На другой день, утромъ, молебенъ отслужили съ водосвятіемъ и парадъ начался. Лихо прошли желѣзнодорожные солдатики, никто бы со стороны и не сказалъ, что еще вчера съ молотками, да лопатами были за работами, а будто ружья вѣкъ изъ рукъ не выпускали. Такъ-то, русскій солдатъ на все мастеръ, куда его не поверни!

Послѣ парада, насъ въ чайную повели, чаемъ угостили, да и на обѣдъ потомъ. А послѣ обѣда для насъ гулянье устроили за укрѣпленіемъ, скачки были.

Отмѣряли, этакъ, въ степи кругъ въ 3 версты, да поставили кругомъ столбы, ну, и пустились скакать. Кто доскачетъ первый до того мѣста, откуда выѣхалъ, тотъ и первый призъ взялъ, а кто второй добѣжалъ, такъ тому второй призъ, а третьему—третій. Первый призъ былъ серебрянные часы, второй призъ—10 руб., а третій—5 руб. Скакали мы на казенныхъ лошадяхъ. Только напередъ насъ казаки скакали,—имъ призы особливо;—за казаками мы, а за нами—текинцы, тѣ уже на своихъ лошадяхъ. Такъ для текинцевъ другіе призы были: на первый призъ—шелковый халатъ, на второй—шерстяной, а на третій—ситцевый, на ватѣ.

А послѣ всѣхъ скакали уже господа офицеры. Тото, братцы мои, смѣху-то было на этихъ скачкахъ! Нашъ братъ, солдатикъ, другой и въ сѣдлѣ никогда не сидѣлъ, потому, у насъ служба все равно, что въ пѣхотѣ, а тутъ, какъ дали казенныхъ лошадей изъ обоза, такъ всякому и захотѣлось счастья попытать.

«Чѣмъ чортъ не шутитъ!—думалось каждому;—авось, часы выскачу; а не выскачу часы, такъ хоть пять рублей—и то деньги, пригодятся!»

Да только, какъ начали скакать, такъ вышло не такъ. Другой,—лошадь не успѣла еще и десяти шаговъ сдѣлать, а онъ уже на землѣ лежитъ, въ пыли барахтается; а посмотришь, другіе лихо скачутъ, точно и родился съ конемъ; ну, тѣ и призы взяли.

Когда кончилась скачка, такъ игры затѣяли разныя. Завяжутъ, напримѣръ, одному и другому голову въ мѣшки, да и заставляютъ бѣгать, другъ друга ловить. Какъ кто поймалъ кого, такъ и тотъ также призъ какой-нибудь получитъ. Да прежде, чѣмъ поймаетъ, такъ разъ десять кубаремъ по землѣ и прокатится. А какъ развяжутъ мѣшокъ, такъ всѣ со смѣху и покатываются: онъ, какъ чортъ, весь черный, спотѣлъ, да пыль пристала, такъ и течетъ грязь по лицу. А то, еще столбы вкопаны, высокіе, превысокіе, и мыломъ смазаны, а наверху лежитъ что-нибудь: либо часы, либо штаны, а не то—рубашка, или фунта два табаку; такъ кто влѣзетъ на столбъ, что тамъ лежитъ и беретъ,—все его. Ну, и тутъ смѣху-то не мало. Другой лѣзетъ, лѣзетъ,—вотъ, уже и до конца долѣзъ,—анъ, глядь, рука оскользнулась,—онъ и поѣхалъ внизъ. А тѣ, что на землѣ стоятъ, смѣхомъ заливаются, подшучиваютъ,—«что, — говорятъ, — взялъ призъ? Больно проворенъ!» А онъ опять вскарабкивается. Другіе раза по три, по четыре лазили, до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ того, что на верху лежитъ.

Торговцы и торговки повышли съ сѣмячками, орѣхами и прочими сластями; пѣсни завели, музыка играла,

—такъ и веселились до самаго вечера. А на другой день, утромъ, опять на работу отправились.

IV.

Открытіе станціи у кр. Бами. — Степной звѣрь. — Степная птица. — Тигръ. — Охота на тигра.

Какъ воротились мы на работу, такъ на другой же день и станцію открыли. Домъ для станціи еще не былъ готовъ, такъ мы двѣ кибитки поставили: одну—для начальника станціи, а другую—для телеграфа, и флагъ около этихъ кибитокъ поставили. Не успѣли мы еще и станцію поставить, какъ тутъ же, точно изъ подъ земли, и третья кибитка выросла. А это армянинъ-духанщикъ (трактирщикъ) свой духанъ поставилъ.

Само укрѣпленіе Бами въ полверстѣ отъ станціи стоитъ, тутъ же и аулъ текинскій находится, тоже «Бами» называется. Само укрѣпленіе маленькое, премаленькое, скорѣе на базаръ похоже, чѣмъ на городокъ, потому что только и есть двѣ улички, да и то, на одной, лавки только, да духаны (трактиры), такъ что жители—все торговцы, а живутъ тѣмъ, что когда караваны тамъ останавливаются, такъ проѣзжіе провизію покупаютъ, да текинцы изъ аула, кой-зачѣмъ приходятъ,—одно слово, бѣдно тамъ живутъ. Изъ русскихъ только и есть, что воинскій начальникъ, да одна рота 2-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона.

За то, охота тамъ хорошая, благо, что вода есть, потому что отъ горъ ужъ очень близко, ну, оттуда и ручейки бѣгутъ. И сколько, это, въ степи птицы раз-

ной! Какой только нѣтъ! Жаворонки эти, овсяночки, малиновки, разная пташка поетъ, распѣваетъ, не нарадуется. По ковылю перепелки видимо-невидимо. Особливо, эта перепелка сюда къ осени сбивается, потому, ей тоже къ походу готовиться нужно.

Другая птица, къ примѣру: утка, гусь, или журавль,—она весной къ намъ прилетѣла, а осенью какъ подхватила, такъ и полетѣла прямо въ теплыя страны, на теплыя моря.

А перепелка — птица другая. Летитъ она рѣдко, когда ей черезъ лѣсъ, черезъ болото, или черезъ море нужно перелетѣть. А по землѣ она пѣшкомъ любитъ больше бѣжать. Въ степи ей воля, мѣсто ровное, бѣги сколько угодно. Она, какъ осень настала, и пошла собираться на степь. Столько ее тутъ бываетъ, бѣда! Она по травкѣ-то не плоше солдата бѣжитъ. Кормится и бѣжитъ, кормится и бѣжитъ, все дальше, на полдень. Какія, вѣдь, станціи ломаетъ!

Ну, а тамъ, если ужъ она до моря дошла, должна летѣть. Она и собирается на берегу. Собьется ее тамъ непробойная сила и ждетъ, когда вѣтеръ попутный подуетъ. Вѣтеръ подулъ—она и поднялась. Черезъ море перепелка большими стадами летитъ, кучей, какъ облако. Если вѣтеръ ей по пути дуетъ, она, хоть и трудно, а летитъ. А какъ поднялся на встрѣчу — тутъ ей не сладить: налетитъ на островъ какой, ну, ладно, а нѣтъ—такъ вся въ морѣ и потонетъ.

Въ степи и птица степная, и звѣрь степной водится. На каждомъ мѣстѣ свое животное, свое растеніе. На черноземѣ сосна не выростетъ, на пескѣ иву не разведешь. Въ Тверской губерніи арбузъ рости не

можетъ, а въ Астраханской—клюквы нѣтъ. Такъ-то и звѣрь, и птица, и козявка какая,—все свое мѣсто знаетъ. Какія мѣста, такой и житель. Ежели степь пошла—то ужъ и животное такое, что ему въ степи жить. Здѣсь и овца другая, и лошадь особенная, и дикій звѣрь свой, и птица—все степное. Съ того такъ они и зовутся: степная лошадь, степная лиса, степной куликъ,—все это разница. Степняка спроси, какая птица въ степи? «Дрофа, стрепетъ, трухтанъ, фазанъ, степной куликъ»,—скажетъ. Все такая птица, что просторное мѣсто любитъ, сухое, открытое. И много же ее тамъ!

Дрофа (ее еще «дудакомъ» зовутъ) — птица большая, другой разъ до пуда вѣсомъ бываетъ. Перо у ней желтоватое съ рябью. Ноги здоровыя, и бѣгаетъ она такъ, что не всякая собака догонитъ, а человѣку—куда! Я помню, мы вдвоемъ, съ другимъ охотникомъ, за нею припустились во всю мочь бѣжать, такъ она намъ только хвостикъ показала: такъ бѣжитъ, что ногъ не видать, точно стелется.

Самка много меньше самца и у ней бородки нѣтъ изъ перьевъ, какъ у самца. Дрофа летитъ ровно и скоро. А вотъ, съ земли сразу подняться не можетъ. Теперь, если ей летѣть, она разбѣжится нѣсколько, прыгнетъ раза три, четыре, ну, тогда и полетѣла. Любитъ она возлѣ полей водиться, потому, она на нихъ пищу имѣетъ, и гнѣздо ей ловко въ хлѣбахъ вить.

Сторожка дрофа, такъ что другой птицы такой не найти. Ужъ она къ себѣ зря не подпуститъ, къ ней такъ, спроста, не подойдешь!

Съ того она и любитъ степь, да поле открытое, чтобы далеко видно было. И глаза у ней не плоше,

чѣмъ у другаго текинца. Гдѣ еще завидитъ, и уже знаетъ, что такое. И ходитъ она хоть по степи-ли, хоть по полю—все примѣчаетъ. Теперь есть охотники, что ямы на поляхъ вырываютъ. Засядетъ съ ночи въ яму и ждетъ, когда прилетятъ дрофы. Такъ вѣдь нѣтъ,—увидятъ. Коли бугоръ какой явился—ни за что не подойдутъ. Вотъ, опасливая птица!

Или, тоже, насчетъ человѣка—разума у ней сколько! Иди мимо по дѣлу, или текинецъ поѣзжай, — ничего. Возьми ружье,—кончено, не подпуститъ. Охотники, ужъ что другой разъ дѣлали: возьметъ, въ крестьянскую одежду одѣнется, да и идетъ, ружьемъ, словно посошкомъ, подпирается. Такъ, вѣдь, разберутъ: какъ поближе сталъ подходить, такъ и признаютъ. А ежели человѣкъ безъ умысла идетъ—не пугаются. Съ подъѣзду на телѣгѣ онѣ проще. Потому за ними такъ и охотятся больше: сядутъ въ телѣгу и ѣдутъ стороной, будто мимо. Только виду не показывай, не смотри на нее, а то, сейчасъ смѣтитъ.

Больно чудно у нихъ токовище идетъ. Самцы, словно индюки, надуются, всѣ перья подымутъ, какъ шары какіе, такъ и катаются по степи, схватятся драться. Ужъ онъ и прыжкомъ и скачкомъ — все одолѣть другаго-то охота. Потомъ, какъ разберутъ самокъ и разойдутся парочками.

Дрофа гнѣздо на землѣ вьетъ, въ ямочкѣ, и кладетъ только пару яицъ. И такъ она крѣпко сидитъ на гнѣздѣ—страсть! Если замѣтитъ, что человѣкъ къ ней идетъ, то припадетъ къ землѣ, спрячется, а то, такъ потихоньку сбѣжитъ съ гнѣзда, да гдѣ-нибудь въ сторонѣ и вылетитъ, чтобы отвести. Тронь теперь

у нея яйца, и сидѣть не станетъ, гнѣздо броситъ. Выведутся у дрофы цыплята, такъ, кажется, такой матери и не найти,—такую она объ нихъ заботу имѣетъ. Ловитъ имъ козявокъ, жучковъ, кузнечиковъ; прячетъ, холитъ; такъ бережетъ, Боже ты мой! Ужъ тутъ она и сторожитъ же!

Разъ что было. Напалъ стрѣлокъ на выводку. Уйти некуда. Такъ самка выскочила это впередъ и побѣгла. Охотникъ-то поторопился и бацъ изъ ружья; она перевернулась разъ, поднялась нѣсколько, полетѣла, да и пала на землю. Охотникъ къ ней. Видитъ у дрофы одно крыло по землѣ тащится и нога повреждена — хромаетъ. Онъ—догонять ее; она, это, ковыляетъ отъ него, побѣжитъ, да и припадетъ,—силы у нея нѣтъ. Отдохнетъ немного и опять бѣжать. Охотникъ за нею слѣдомъ бѣжитъ, думаетъ: вотъ-вотъ, схватитъ. Только что бѣжала она, бѣжала, да какъ схватится летѣть, будто ничего и не было. Такъ тотъ и ротъ разинулъ. А она, это, представилась, что будто подстрѣлена, чтобы отъ дѣтей только увести. Вотъ, догадка какая у птицы. Птица она, а какое чувство материнское имѣетъ, объ дѣтищѣ своемъ старается.

Дрофа ростетъ долго, года четыре ростетъ. И дѣло какое: коли она молодая, цыпленокъ еще,—ѣстъ жучковъ, да кузнечиковъ; выросла—зерномъ, да травкой кормится. Осенью дрофа въ огромныя стада собирается, по нѣсколько сотъ штукъ. Стадо гуляетъ, а нѣкоторые, какъ-будто, часовыми стоятъ, кругомъ смотрятъ. Раскинутся онѣ по степи, словно, бараны какіе ходятъ, — очень ужъ крупны.

Стрепетъ —ковыль любитъ. Его, если гдѣ искать,—иди въ ковыльную степь. Стрепетъ, по складу, на дрофу походитъ, а величиною съ тетерева будетъ, только что ростетъ онъ повыше, да перо у него другое. Онъ желтый съ черной рябью. Шея черная, съ двумя бѣлыми ошейниками. На крыльяхъ и въ хвостѣ опять есть бѣлое перо. Самка вся рябая. Если стрепетъ летитъ, такъ точно бѣлая куропатка лѣтомъ, такая же рябенькая, бѣлымъ отливомъ. На солнышкѣ онъ, словно, серебряный кажется. А коли летитъ, то звенитъ, ровно бубенчикъ какой,—съ того его «стрепетомъ» и прозвали. Стрепета въ степи—пропасть. Бѣгать онъ ужасно здоровъ. Съ весны, какъ прилетятъ они на степь, ходятъ штукъ по двѣнадцати, а тамъ разобьются на пары и дѣтей высиживаютъ. Какъ выростутъ цыплята, такъ они въ стада соберутся и ходятъ по степи, питаются разной козявкой, жучками, да червячками.

И бѣда съ сторожкой тоже. Гдѣ завидитъ охотника—и уйдетъ, по ковылю-то его и не видно; а то, улетитъ. Потому, за нимъ тоже съ подъѣзда охотятся, на телѣгѣ, какъ за дрофой.

Стрепетъ телѣги не боится, близко подпускаетъ; только что шейку вытянетъ это, да и смотритъ. Если ужь вплоть къ нему подъѣхать, онъ сейчасъ же къ землѣ припадетъ,—такъ все стадо лежитъ, притаится—его и не видно. Ну, тутъ слѣзай, да и иди къ нему, ужь ему уйти некуда. Который стрѣлокъ ловкій стрѣлять, такъ тотъ безъ пары отъ стаи не уйдетъ: на землѣ убьетъ, да на лету сшибетъ одного,—вотъ, охота и не пропала. Наши солдатики-охотники и такъ другой разъ убивали, пѣшкомъ ходили, да наслѣживали.

Очень вкусный этотъ стрепетъ. Мясо у него бѣлое, мягкое, точно у цыпленка молодаго.

Степной куликъ прилетаетъ въ степь рано: черезъ недѣлю послѣ Егорьева дня, онъ гнѣзда вьетъ себѣ по степи. Ихъ три породы. Большой—тотъ съ курицу будетъ, а маленькій—съ голубя. Перо у него сѣрое, ноги длинныя, носъ тоже длинный и книзу крючкомъ загнутъ. Свистъ у него сильный, съ переливами. Коли ихъ много соберется, такъ такую музыку подымутъ! Степной куликъ очень пугливъ. Къ нему подойти никакъ нельзя — убѣжитъ и не увидишь куда. Особенно съ прилету они очень сторожки. Ну, а начнутъ гнѣзда вить, тогда посмирнѣе станутъ. Гнѣзда вьютъ на землѣ; если гдѣ сухое моховое болото—очень любятъ. На гнѣздѣ и самка и самецъ по перемѣнкѣ сидятъ.

И бѣда, какъ они гнѣзда берегутъ! Теперь, если охотникъ сталъ подходить—куликъ ему навстрѣчу летитъ, вьется, кричитъ, кругомъ возится, бѣгаетъ. Пошелъ за нимъ охотникъ, онъ все передъ нимъ юлитъ, бьется,—уведетъ отъ гнѣзда подальше, броситъ и улетитъ. Какъ если гдѣ ихъ много, такъ столько ихъ налетитъ, и все вьются, кричатъ; одни бросятъ, другіе на перемѣнку летятъ,—такъ и провожаютъ человѣка. Все имъ охота, чтобы до гнѣзда не допустить, да увести въ сторону.

Очень чудно смотрѣть, какъ этотъ куликъ воду пьетъ. Носъ у него кривой,—ему пить нельзя: какъ поднялъ голову—вода сейчасъ и выльется назадъ. Такъ онъ, какъ изловчается, и не разсказать: голову изъ подъ ноги проноситъ, изовьется весь. Прямо нельзя, такъ хитростью доходитъ.

Фазанъ ростомъ съ пѣтуха будетъ, только шея у него длинная, да тонкая, а хвостъ тоже, какъ у пѣтуха, крючкомъ, и перья такія же рябенькія, только на шеѣ два ошейника, одинъ—золотистый, а другой—зеленоватый. Мясо у него нѣжное такое, да бѣлое, какъ у индѣйки, и вкусное. Водится онъ въ кустахъ, да въ камышахъ, а все же больше камыши любитъ. И довѣрчивая же птица этотъ фазанъ: совсѣмъ близко подпускаетъ. Стоитъ только съ ружьемъ пойти: часъ, другой побродилъ—принесешь домой ихъ пару, а то, и три, и четыре штуки.

Хотя и не много мы поохотились на фазановъ, потому, времени свободнаго мало было, да за то, переѣли ихъ не мало! Придется-ли когда его еще испробовать? Кто его знаетъ!

Ну, да и звѣрей всякихъ степныхъ не мало, къ примѣру сказать: дикіе кабаны, джираны, туры, барсы, шакалы и тигры.

Дикій кабанъ, все равно, что и свойскій съ виду показываетъ, только ростомъ побольше, да шерсть у него сѣраго цвѣта. А зубы-то, зубы и вспомнить-то страшно! У иного передніе, что «клыками» прозываются, съ полъ-аршина будутъ, да вострые такіе и толстые, все равно, что штыкъ крынковскій,—такіе же трехгранные. Да и крѣпкіе какіе, какъ хватитъ имъ о камень, такъ и камень пополамъ, только искры посыпятся. Звѣрина страшная! Ужь на того на охоту съ проста не ходи: не попалъ въ него, али ранилъ, то ужь улепетывай; не убѣжишь—въ куски разорветъ, пощады не дастъ. Шкура-то у него толстая, претолстая и пуля его не беретъ. Если хочешь въ него попасть, такъ цѣлься либо въ глазъ, либо въ переносицу, или подъ лопатку. А попадешь въ спину, или въ бокъ—поцарапаешь только, да раздразнишь его; ну, и бѣда тогда: не ушелъ, такъ пропалъ! Дикая свинья немного поменьше кабана будетъ. Водятся они по камышамъ, да въ горахъ,—все поблизости водицы какой-нибудь, а питается кореньями различными. И много же ихъ тамъ, страсть! Потому что на нихъ, кромѣ русскихъ, никто и не охотится. Текинцы, да персы—магометане: имъ свинины ѣсть нельзя, да притрогиваться къ ней тоже, чтобы не осквернится, потому, они на нихъ и не охотятся, съ того дикихъ кабановъ и много такъ. Мясо кабанье — ничего себѣ, вродѣ нашей свинины, только травою немного отзывается. А если убилъ кабана, такъ сейчасъ же и потроши. Внутренности вынуть надо, да внутри солью посолить, а то, иначе, и мяса ѣсть не будешь, — потрохами все провоняетъ. На нихъ, больше, все съ казеннымъ ружьемъ идутъ, съ берданкой, потому, если промашку сдѣлаешь, такъ штыкомъ управишься, не даромъ же Суворовъ говорилъ: «пуля—дура, а штыкъ—молодецъ: пуля обмишулится, а штыкъ никогда не обмишулится».

Джиранъ, иначе «газелью» прозывается. Это все равно, что дикая коза, только глаза у нея больно хороши, да такъ она ими жалостливо смотритъ, что, подчасъ, и рука на нее не поднимается, чтобы стрѣлять. Ростомъ она въ аршинъ съ небольшимъ будетъ, шерсть на ней короткая, да мягкая, сѣраго и сѣро-желтоватаго цвѣта, а брюшко-то у нея бѣленькое, на головѣ рожки маленькіе, хвостикъ куцый, совсѣмъ, какъ у зайца. Да только, она вся чистенькая, да хорошенькая, не то,

что наши жидовскія грязныя козы, отъ которыхъ за три версты по́томъ, да навозомъ воняетъ. А мясо-то у нихъ мягкое, бѣлое, да нѣжное, что твоя молодая телятина. Водятся они, по больше, въ горахъ, питаются травкою разною. Только ужь больно пуглива эта газель, ни за что близко человѣка не подпуститъ, а коли ужь сама нарвется, такъ до того растеряется, что стоитъ, какъ вкопаная, хотя и совсѣмъ близко, ну, тогда и стрѣляй, промаха не сдѣлаешь. А то, на нихъ какъ еще охотятся! Замѣтитъ то мѣсто у арыка, гдѣ они воду пьютъ, ну, и заляжетъ поблизости, да и спрячется тамъ охотникъ и ждетъ. Только тутъ лежи, не шелохнись, точно мертвый, чтобы никакого шороха она не услышала, а курить, такъ и не думай объ этомъ. Часа черезъ три, черезъ четыре табачный дымъ услышитъ. Только носомъ по воздуху поведетъ, сейчасъ же назадъ повернетъ и къ водѣ не пойдетъ. Страсть, какое у нихъ чутье! А если молодаго его найти, да выкормить у себя, такъ она совсѣмъ ручною сдѣлается, да такъ привыкнетъ, что, точно собака, за человѣкомъ ходитъ.

Вотъ, *туры*, такъ тѣ совсѣмъ другіе. «Туромъ» называется дикій баранъ. Онъ и похожъ-то на барана, и глаза у него такіе же глупые—бараньи, да только ростомъ онъ повыше простаго барана будетъ, шерсть короткая, да рога большіе, да крѣпкіе, сперва кверху идутъ, а потомъ, будто, на спину ложатся.

Туръ, куда какъ смѣлѣе джирана; онъ, ужь ежели на человѣка нарвется, такъ стоять такъ даромъ не будетъ, не позволитъ въ себя стрѣлять, а сейчасъ же бросится. Ну, если охотникъ только растерялся, такъ

тогда и пропалъ: въ конецъ его забодаетъ; а рога у него крѣпкіе, да упругіе, что резина. Другой разъ, они что дѣлаютъ: бѣжитъ, это, бѣжитъ по горамъ, со скалы на скалу перепрыгиваетъ, а прыгать-то онъ здоровъ: сажени двѣ такъ и перепрыгнетъ; добѣжалъ, этакъ, до обрыва сажень въ пятнадцать, онъ, долго не думая, внизъ головою и... бухъ, такъ и бросится. Ударится на рога, разъ, два перепрыгнулъ и дальше бѣжать, какъ ни въ чемъ не бывало. Что и говорить, животное смѣлое, только самъ на человѣка не бросится, уйти наровитъ, а ужь ежели и бросится, такъ только тогда, какъ припрутъ его такъ, что и выходу никакого нѣтъ. Водится онъ тоже въ горахъ, питается, какъ и джиранъ, травкою различною, только мясо у него жесткое и не такое вкусное. А приручить его трудно, почти и совсѣмъ нельзя. Вотъ, кажись, и свойскимъ сдѣлался, и не убѣгаетъ никуда, а какъ только горы увидѣлъ, минутку улучилъ, такъ поминай, какъ звали.

Волковъ такихъ, какъ у насъ, въ Закаспійской области совсѣмъ нѣтъ, а водятся степные волки, ихъ, иначе «шакалами» называютъ.

Шакалъ совсѣмъ похожъ на волка, только ростомъ очень маленькій: съ полъ-аршина вышины, да аршинъ длиною. А остальное все такъ, какъ у волка: и шерсть такая же, и зубы, и хвостъ, и шея, что головы поворотить никакъ не можетъ.

На что волкъ трусливъ, а шакалъ еще трусливѣе волка будетъ. Коли встрѣтится съ человѣкомъ одинъ, или хотя вдвоемъ, аль втроемъ, сейчасъ же норовитъ убѣжать; ну, развѣ нарвешься на цѣлую стаю, штукъ въ двадцать, такъ тогда похрабрѣе будутъ.

Да и шкодливые же эти шакалы; не даромъ пословица говорится: «шкодливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ шакалъ».

Ужь какъ повадятся эти воры около овецъ, такъ по одной все стадо повытаскаютъ. Ну, и достается же имъ отъ чабанскихъ собакъ, тѣхъ, что стада стерегутъ: какъ наладятъ его за шиворотъ, такъ только шерсть клочьями полетитъ.

Воютъ шакалы различно: то—какъ волкъ, то—будто дитя маленькое плачетъ, а то — какъ будто женщина кричитъ, когда ее душатъ.

Охотятся на нихъ разно: либо съ ружьемъ, либо капканы ставятъ, а не то—просто съ нагайкой. Какъ догналъ его верхомъ на конѣ, да какъ хватилъ по лбу промежъ ушей, такъ тотъ кубаремъ и перевернется, сейчасъ и готовъ, ну, и бери его. Только шкура его никуда негодная: на шубу не годится, мясо не ѣдятъ, а охотятся только такъ, чтобы уничтожать ихъ, а то, ужь больно много порчи дѣлаютъ.

До чего шкодливъ и воровать шакалъ, такъ просто страхъ. Заснулъ, какъ-то, нашъ солдатикъ у костра, и сапоги передъ тѣмъ саломъ вымазалъ, подметки тоже, чтобы воды не пропускали. Да крѣпко такъ уснулъ послѣ работы, богатырскимъ сномъ. Проснулся, анъ, глядь! Подметокъ какъ не бывало, точно кто ножемъ срѣзалъ. А это голодный шакалъ. Бродилъ, это, онъ бродилъ, видитъ, поживы нѣтъ никакой, а голодъ-то не тетка: «дай, дескать, хоть подметками воспользуюсь, кстати, и саломъ попахиваютъ». И воспользовался, каналья!

Ну, да что о немъ-то и говорить! Шакалъ—звѣрь ничего не стоющій, а вотъ тигръ, — такъ это другая статья! На него не пойдешь съ нагайкой, да и онъ за подметками солдатскими лакомиться не полѣзетъ! А ужь ежели доберется до подметокъ, то и съ самаго человѣка кожу сдеретъ.

Тигръ — все равно, что кошка. Одной съ ней породы, вотъ, какъ бы для примѣра взять: волкъ, лисица, собака — одной семьи, такъ же тигръ и кошка одной семьи. И похожъ-то онъ на кошку, и ухватки у него кошачьи, только сила не кошачья, а настоящая бѣсовская, чтобъ его лѣшій забралъ! Ростомъ онъ аршинъ съ небольшимъ будетъ, длиною же отъ головы до хвоста аршина два съ половиной, да хвостъ около сажени. Ну, и силища же у него въ этомъ хвостѣ! Какъ махнетъ имъ, такъ теленка наповалъ и уложитъ. Шерсть на немъ короткая, жесткая, желтаго цвѣта, и весь онъ въ черныхъ полосахъ, только брюхо желтое. Голова у него кошачья, а глазища-то большіе, да страшные, кровью налитые. Уши—совсѣмъ, какъ у кошки; какъ разсердится, такъ сейчасъ же ихъ щурить начинаетъ и хвостомъ помахиваетъ, да когти выпускаетъ. И когти совсѣмъ такіе же, какъ у кошки. Тигръ хищнымъ звѣремъ считается, потому что онъ питается не травкой, какъ газель, не корешками, какъ дикій кабанъ, а мясомъ. Такъ и норовитъ, гдѣ что унести можно, гдѣ попался баранъ,—такъ барана, а не то—верблюда, лошадь, корову. А если человѣкъ подъ руку подвернулся, да тигръ еще голодный, такъ и на человѣка не посмотритъ, со всякимъ справится. Коли онъ сытъ, такъ на человѣка не бро-

сится, только ты его не трогай. А если тронулъ, такъ на себя и пеняй. Не убилъ, а только ранилъ—больше раздразнилъ, тутъ уже совсѣмъ конецъ. И уйти не дастъ: прыжками нагонетъ; вѣдь, у него одинъ прыжокъ въ три сажени будетъ. Тутъ онъ такъ на тебя съ нахрапу и насядетъ, пощады не дастъ: въ куски изорветъ. А убить-то его не легко. Хочешь убить, такъ ужь въ глаза норови попасть, либо въ переносицу, а то—подъ лопатку, потому—попалъ въ другое мѣсто, такъ пуля и кожи-то не пробьетъ,—ужь больно она у него толстая. Вотъ, потому-то на него и не всякій охотится. А ужь ежели пойдетъ охотникъ, такъ такой, что привыкъ и промаху не даетъ. Изъ насъ никто на него не ходилъ, а такъ, нарываться приходилось. Какой одинъ разъ былъ со мною случай: какъ пришли мы въ Бами, а тутъ и Бендесенское ущелье недалеко, всего 23½ версты, а въ ущельѣ тамъ фазановъ видимо-невидимо. Вотъ, выпалъ какъ-то праздничный денекъ, приходитъ ко мнѣ нашъ переводчикъ, кавказскій татаринъ, да и говоритъ: «пойдемъ въ Бендесены, фазановъ пострѣляемъ?» Ну, пойдемъ, такъ пойдемъ! Отпросились у ротнаго командира и пошли. Ружья у насъ были охотничьи, крупной дробью заряжены, а переводчикъ еще, про всякій случай, съ собою берданку взялъ. Вышли мы рано, чуть свѣтъ; а къ 10-ти часамъ утра и къ ущелью подошли. Идемъ, это, мы по ущелью, вдоль по арыку, ружья на изготовку держимъ, а сами посматриваемъ: не вылетитъ-ли откуда фазанъ. Не прошли мы такъ и десяти минутъ, какъ раздается подъ самымъ ухомъ нашимъ ревъ, да такой страшный, что даже земля подъ ногами дрогнула,

какъ будто Бова Королевичъ, или Еруслань Лазаревичъ, проснувшись отъ сна богатырскаго, громко зѣвнулъ. Анъ, глядь, въ десяти шагахъ передъ нами желтая морда виднѣется... Передъ нами тигръ стоитъ, да огромный такой, глазищами своими поворачиваетъ, да хвостомъ помахиваетъ. Мы, какъ держали ружья на изготовку, такъ сейчасъ же, точно по командѣ «смирно», къ ногѣ взяли, какъ будто передъ начальствомъ какимъ во фронтъ вытянулись; стоимъ, это, мы ни живы, ни мертвы, а шапка такъ съ головы и слѣзаетъ. А тигръ стоитъ и ни съ мѣста! Только хвостомъ помахиваетъ, да буркулами своими кругомъ поводитъ, а самъ, какъ будто, надъ нами посмѣивается: «дурачье вы, дурачье», — себѣ думаетъ. Простоялъ онъ такъ минуты двѣ, или три, не больше, а намъ эти минуты цѣлыми сутками показались. Постоялъ онъ такъ, вильнулъ хвостомъ, повернулся и тихо-тихо въ кусты побрёлъ. Не голоденъ, видно, онъ былъ! Мы, какъ опомнились, такъ скорѣе давай Богъ ноги, и фазановъ больше стрѣлять не захотѣли, рады были, что сами живыми вывернулись.

Долго не могъ успокоиться послѣ этого переводчикъ Ахметъ. «Чортъ возьми! — говорилъ онъ; — подъ Карсомъ былъ, въ Баязетѣ 21 день высидѣлъ, а такого страху не зналъ, какъ этотъ чортъ нагналъ!»

И то сказать, вотъ, хоть бы и Ахметъ, на что ужь храбрый татаринъ, георгіевскій кавалеръ, да еще всѣ четыре Георгіевскихъ креста имѣетъ, да и тотъ оробѣлъ. Вотъ какой звѣрь—тигръ.

А то, еще другой случай такой былъ: при постройкѣ желѣзной дороги была прикомандирована одна сотня

казачьяго Таманскаго полка Кубанскаго войска, для различныхъ посылокъ. Вотъ, жили съ нами два казака, Грицько, да Андрей,—оба казака молодые, только что съ Кубани пріѣхали, тигра и въ глаза никогда не видали, слыхали только, что звѣрь страшный и въ лапы ему не попадайся. Отпросился, какъ-то, Андрей у полуротнаго командира въ Бендесены, на охоту.

— Пустите мине, ваше благородіе, въ Бендесены; може, къ обиду фазанывъ набью *),—говоритъ онъ поручику.

Ну, поручикъ его и пустилъ.

Поѣхалъ онъ чуть свѣтъ. Ждутъ его къ обѣду. Нѣтъ, проходитъ часъ, другой,—его все нѣтъ. Вотъ, уже три часа, четыре, пять — Андрей Коваленко все не ѣдетъ. Вечеръ насталъ, а охотника все нѣтъ. Поручикъ уже безпокоиться началъ. Ужь не нарвался-ли онъ на тигра? Такъ его и не дождались, спать легли. Только такъ, часовъ въ двѣнадцать ночи, слышимъ топотъ конскій, лошадь такъ ступаетъ, будто, чѣмъ тяжелымъ навьючена. Уже близко начала лошадь подходить, голосъ слышимъ:

— Грицько, а Грицько?—кричитъ Андрей.

— А чого тоби?

— Дывы, яку я дыку кишку убывъ **). Да и тяжела, бисова невира, мабудь пудовъ съ пятнадцать буде. Чуть не загрызла проклята.

Мы повыскакивали изъ кибитки, смотримъ, а на землѣ тигръ лежитъ,—большущій, пребольшущій такой!

*) Кубанскіе казаки—родомъ малороссы и говорятъ по малорусски.

**) Смотри, какую я дикую кошку убилъ.

Вышелъ и поручикъ. Посмотрѣлъ—только руками развелъ.

— Ну, молодецъ ты, Коваленко! Говоришь, что ты ее убилъ, а только разскажи же, какъ ты ее подстрѣлилъ.

— А якъ?... Да такъ, ваше благородіе, поихавъ це я въ Бендесены, да взявъ съ собою свой дробовичекъ. Доихавъ до ущелья, слизъ на землю, коня стреноживъ, пустывъ его пастыся, а самъ пишовъ по бережку надъ арыкомъ. Иду соби, да иду, мабудь, добрыхъ съ двѣ версты пройшовъ, бачу, одно дерево стоитъ и друге, дывлюсь, а по передъ мене щось стоить, а що и не знаю: «що це таке?—думаю соби: звирь—не звирь, китъ *)—не китъ, птыця—не птыца, що це таке? Трясця его маму мордуе! Мабудь,—думаю соби,—дыка кишка». А вона, стоить, на меня смотрить, да хвостыкомъ выляе. Стояла, стояла, да и стрыбъ! На дерево и выстрыбнула саженей съ двѣ, а мабудь и съ три. «Э!... бисова душа,—думаю соби,—да ты дуже прытка, такъ и задушить можешь». Злякався я, да и самъ на друге дерево вылизъ. Сижу я тамъ часъ, другій, третій, а вона, бисова душа, и не думае уходить: на солнышкѣ гріится, хвостыкомъ выляе, да на мене дывиться. Дывлюсь и я на нее. Дывлюсь, дывлюсь, да и думаю: «добре буде шкура помистъ ковра, на пидлогу вашему благородію; дай, бахну». Думавъ, думавъ, да прицилившись и бахнувъ. А вона, суча дочка, якъ стрыбне, такъ прямо до мене на дерево, да витка подъ нею подломылась; вона на землю, а я изъ дру-

*) Котъ.

гого ствола—бабахъ!... Вона, якъ рявкне, да такъ и растянулась. Слизъ я съ дерева и смотрю: а вона лежитъ, ножки протянула и хвостыкомъ ни чичиркъ. дывлюсь,—вона мертва, всю дробь ей прямо въ глазъ загналъ. Попробовавъ поднять: э, ни! не пидъ силу! Пишовъ за конякой, прививъ, положивъ ее, да арканомъ за лапы привязавъ, а арканъ черезъ сѣдло попидъ подругой, ще кусочекъ кошемки пидложивъ, щобъ арканъ коняцы живитъ не ризавъ, да и давай пыдымать. Такъ ни: коняка все храпыть, да въ сторону бросается. Часа съ три мудровався, пока стащивъ кишку коняци на спыну, да такъ и привизъ.

— А знаешь-ли ты, что это такое?

— А що-жъ? Мабудь, дыка кишка.

— Какая кошка! Да это тигръ!

— Справди?...

Тутъ Коваленко такъ испугался, что ужь и говорить больше съ перепугу не могъ, бѣлѣе полотна сдѣлался. На другой день только въ себя пришелъ, да долго еще вспоминалъ, какую онъ дикую кошку убилъ!

Вотъ, такъ нашему брату, подчасъ, и случалось тигра подстрѣливать, а чтобы нарочито за нимъ ходить,—такъ никто не ходилъ. Текинцы, такъ тѣ на нихъ охотятся, такъ они особеннымъ образомъ. Выслѣдятъ они, гдѣ тигръ воду пьетъ, а тигръ такъ, какъ только схватитъ добычу, норовитъ въ камыши ее утащить, сожретъ ее тамъ, а что не доѣстъ, такъ на другой день припрячетъ, коѣстъ и ложится спать, да такъ и проспитъ часовъ пять-шесть; проснется, пойдетъ, напьется воды, да и опять спать до самаго вечера, а вечеромъ идетъ опять за добычей. Такъ вотъ, текинцы

выслѣдятъ то мѣсто, гдѣ онъ воду пьетъ, да и устроятъ тамъ засѣдку, изъ камней большихъ хатку сложатъ, такъ, чтобы онъ раскидать ее не могъ, и сидятъ тамъ, ходъ камнемъ завалятъ и поджидаютъ его, а какъ тигръ появится, такъ они и бьютъ его оттуда въ упоръ, наверняка.

А кто посмѣлѣе, да половчѣе, такъ тѣ еще такъ дѣлаютъ: выѣдетъ онъ верхомъ на конѣ, коня выберетъ хорошаго, не пугливаго, а его заранѣе къ тигру пріучаютъ: на чучелѣ учатъ; ну, и ѣдетъ; напалъ на тигровый слѣдъ и ѣдетъ по немъ, покаместь до него самаго доберется, а какъ добрался, такъ и начинаетъ дразнить; тигръ на него бросается, а онъ наровитъ съ конемъ въ сторону прыгнуть, да все кругомъ него ѣздитъ, а тотъ все больше, да больше злится, на охотника бросается. Со злости-то онъ и прыжки дѣлаетъ невѣрные и уставать скоро начнетъ. А какъ увидитъ охотникъ, что тотъ совсѣмъ усталъ, такъ налетитъ, въ упоръ въ него и выстрѣлитъ,—тутъ тигръ и растянулся. Только здѣсь много ловкости нужно!

А ужь если самъ сплоховалъ, да тигру въ лапы попалъ, такъ плохо будетъ. Врядъ-ли живьемъ изъ его когтей выберешься, а если и выберешься, такъ на всю жизнь искалѣченымъ. У тигра совсѣмъ кошачья натура. Вотъ, какъ поймаетъ котъ мышь, такъ прежде, чѣмъ съѣсть ее, онъ наиграется съ нею вдоволь, помучитъ ее, помнетъ, да потомъ ѣстъ,—такъ точно и тигръ дѣлаетъ: насядетъ на человѣка, да и ну, его мять, да качать, а какъ замучаетъ, такъ и рветъ его по кускамъ.

Былъ, это, тамъ стрѣлковый капитанъ одинъ. Много онъ тигровъ на своемъ вѣку перевелъ, да, наконецъ, и самъ поплатился. Благо еще, что живымъ остался. За то, такъ его онъ, окаянный, искалѣчилъ, что тотъ теперь и охоту забросилъ.

Чудной былъ этотъ капитанъ. Ужь не молодой былъ, а все холостой. Была, это, у него собаченка такая и съ виду не казистая, да для охоты больно хорошая: «Кударкою» прозывалась. Сидитъ, бывало, капитанъ, сидитъ, никуда изъ укрѣпленія не выходитъ. Вотъ, пріѣдутъ къ нему текинцы, а онъ со всѣми ими былъ большой пріятель,—и скажутъ, дескать, тамъ-то и тамъ-то, тигръ появился, шкоду дѣлаетъ. Сѣлъ капитанъ на своего коня, свистнулъ Кударку—и былъ таковъ. Другой разъ, дня на три, на четыре, а то, и на недѣлю пропадетъ, а потомъ, смотришь, является, и тигра съ собою везетъ. Вотъ, такъ, однажды, пріѣхали къ нему изъ аула текинцы, да и говорятъ, что тигръ повадился, да скотъ воруетъ. Взыгралось у охотника ретивое: сѣлъ на коня, свистнулъ Кударку, взялъ еще съ собою двухъ охотниковъ-текинцевъ и поѣхалъ. Дѣло было зимою, на дворѣ снѣгъ лежалъ, такъ что по снѣгу и слѣды видны. Побрелъ охотникъ по этимъ слѣдамъ, впередъ собака побѣжала, а за нимъ охотники-текинцы ѣдутъ. Только, слышитъ, собака лаять начала. Онъ туда,—смотритъ: Кударка на дорожкѣ стоитъ, лаемъ заливается, да все впередъ, въ камыши кидается, а изъ камышей желтая морда смотритъ. А это—тигръ лежитъ; наѣлся, видно, да теперь и отдыхаетъ. Не будь собаки, такъ такъ-таки въ упоръ на него набредешь и не замѣтишь. Самъ онъ желтый, камыши тоже

желтые, ну, и трудно его замѣтить. Вотъ, только собака его какъ замѣтила, такъ и начала, что есть силы, лаять, да набрасываться. А онъ лежитъ себѣ и встать-то ему лѣнь, только лапой отмахивается. Какъ махнетъ лапой, такъ собаченка и отлетитъ въ сторону, а потомъ и опять на него, а тигръ будто съ нею играетъ.

Остановился охотникъ, прицѣлился, да и выстрѣлилъ. Только, или ружье на этотъ разъ сфальшивило, или конь дрогнулъ, или же онъ самъ сплоховалъ,—только далъ промахъ. А тигръ, какъ соберется въ клубокъ, да какъ прыгнетъ, такъ съ налету и насѣлъ на охотника и вышибъ его изъ сѣдла. Видятъ текинцы-охотники, что дѣло плохо, шутки съ тигромъ опасны, и, вмѣсто того, чтобы офицеру помочь, сами давай Богъ ноги,—и были таковы! А тигръ, между тѣмъ, насѣлъ на охотника, а тотъ навзничь упалъ, да и сидитъ на немъ, а охотникъ—ни живъ, ни мертвъ лежитъ, «вотъ,—думаетъ,—когда конецъ насталъ». Надавилъ тигръ его всею тяжестью, лапу на плечо наложилъ, словно пудовикъ какой, да въ глаза ему и смотритъ. Да, видно, сытъ былъ, потому что посидѣлъ на немъ, посидѣлъ немного, да и началъ слѣзать, задомъ все. Какъ слѣзъ, такъ остановился и на охотника смотритъ. А тотъ лежитъ и не дышетъ, будто мертвый, а самъ, одинъ глазъ прищуривши, смотритъ: что дальше будетъ. Посидѣлъ такъ звѣрь передъ человѣкомъ, да и началъ въ камыши уходить. Отойдетъ немного, остановится, да и опять посмотритъ, а потомъ дальше, а охотникъ все лежитъ, да лежитъ и не шевелится. А какъ ушелъ тигръ далеко, въ камыши,

что его совсѣмъ не видать, всталъ тогда капитанъ, перекрестился, возблагодарилъ Бога за спасеніе, да сталъ ружье свое искать, смотритъ: а оно—поломанное валяется, а тутъ же и собаченка вертится, да какъ увидала, что хозяинъ живъ, какъ бросится на него, визжитъ съ радости, да лицо и руки лижетъ.

Такъ-то, братцы мои, вотъ и люди оставили человѣка, а собака—и животное, а своего хозяина въ бѣдѣ не бросила.

Подобралъ охотникъ ружье, да и пошелъ коня отыскивать. Идетъ, да все посвистываетъ, коня кличетъ. Прошелъ такъ съ версту, или съ полторы, смотритъ: а конь его по полянкѣ бродитъ. Поймалъ его, сѣлъ, да поѣхалъ. Ѣдетъ, ѣдетъ, видитъ: впереди него и текинцы ѣдутъ,—тѣ самые, что его бросили. Нагналъ онъ ихъ и началъ ругать, что его такъ оставили. А они посмотрѣли и удивились.

— А, ты живъ? — говорятъ; — а мы думали, что тебя тигръ заѣлъ; вотъ, и въ укрѣпленіе ѣхали, чтобы сказать объ этомъ.

Ругнулъ ихъ еще разъ охотникъ, да и поѣхалъ домой.

Только не сидѣлось долго дома охотнику. Не могло успокоиться его охотничье сердце, что тигра не убилъ. Посидѣлъ немного дома, оправился, ружье починилъ, да и опять на охоту. Только на этотъ разъ не поѣхалъ, а пошелъ пѣшкомъ и текинцевъ съ собою не бралъ, а взялъ одного надежнаго солдатика—хорошаго стрѣлка. Вышли поздно вечеромъ, когда луна взошла; дорогу онъ зналъ хорошо; ночь была свѣтлая, лунная, хотя иголки на дворѣ собирай. Скоро они напали на тѣ-же

слѣды и пошли по нимъ. Собаченка опять впередъ побѣжала, охотники за нею. Только, черезъ нѣсколько времени, Кударка опять залаяла; приходятъ на старое мѣсто,—опять тигръ лежитъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ, нѣсколько дней тому назадъ, охотникъ подъ тигромъ лежалъ, и слѣдъ вытолченъ.

Долго не думалъ капитанъ, прицѣлился и опять выстрѣлилъ. Да, какъ видно, ему ужъ не везло: говорится же, что: «до поры, до времени, кувшинъ воду носитъ, пока ушко не оборвется». Такъ было и съ нашимъ охотникомъ. Много онъ на своемъ вѣку тигровъ положилъ, да и такого встрѣтилъ, на которомъ и самъ обжегся. Выстрѣлить-то—онъ выстрѣлилъ, да не убилъ, а только поранилъ. Остервенѣлъ тигръ, зарычалъ, собрался въ комокъ, да какъ прыгнетъ,—такъ охотникъ и опомниться не успѣлъ, какъ опять уже подъ тигромъ очутился. Опять лежатъ тигръ и человѣкъ, опять одинъ другому въ глаза смотрятъ, да только на этотъ разъ онъ уже лапы на плечо не положилъ, а ухватилъ зубами за лѣвую руку, да такъ больно, что несчастный капитанъ и свѣта Божьяго не взвидѣлъ; зубы-то у него острые, какъ иглы, да большіе,—такъ насквозь руку и прокусилъ; только тотъ солдатъ, что былъ съ офицеромъ, не поступилъ такъ, какъ тѣ охотники,—не убѣжалъ, а остался на мѣстѣ. Да только стрѣлять ему никакъ нельзя было. Какъ онъ не приловчался, а все—дѣло не подходящее. Потому, ужъ ежели стрѣлять, такъ стрѣлять ему въ голову, а иначе и не стоитъ, пуще его раздразнишь. А тутъ, какъ на зло: голова тигра рядомъ съ головою охотника. Хорошо, если въ звѣря попадешь, а что, какъ рука дрогнетъ, да вса-

дишь пулю въ человѣка? А тутъ офицеръ изъ подъ тигра кричитъ ему, чтобы онъ стрѣлялъ поскорѣе. Ходилъ, ходилъ солдатъ вокругъ, да прицѣлился звѣрю въ затылокъ и выстрѣлилъ. Только въ затылокъ не попалъ, а въ спину, и ранилъ его. Пуще прежняго разсвирѣпѣлъ звѣрь, присунулся плотнѣе и больнѣе сжалъ руку. Видитъ капитанъ: дѣло плохо, пропадать приходится, а тутъ вспомнилъ, что у него на поясѣ кинжалъ виситъ. Собралъ, что было силы, повернулся, вынулъ кинжалъ, да и всадилъ его тигру между реберъ по самую рукоятку. Заревѣлъ звѣрь, сильнѣе еще сжалъ зубы, да и остался такъ, и не дышетъ. Прошло такъ еще съ четверть часа, слышитъ охотникъ, зубы расходиться начали, а тигръ совсѣмъ уже издохъ; высвободился онъ, съ помощью солдата, изъ подъ мертваго звѣря, посмотрѣлъ на руку, а она вся изуродована и кровь идетъ. Примочилъ снѣгомъ, перевязалъ платкомъ, да и побрелъ такъ домой, а тигра уже утромъ привезли.

Не дешево достался охотнику тигръ. Цѣлый мѣсяцъ онъ пролежалъ въ постели, да чуть еще руки не лишился; спервоначала, было, и отрѣзать ее хотѣли, да потомъ уже какъ-то выходился.

Такъ-то, братцы мои, вотъ, тутъ и разговаривай съ тигромъ!

2327 **Петръ Степановъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ ПѢХОТА

(Пѣсня для солдатъ).

Запѣвало. Давай, братцы, мы споемъ
Про пѣхоту всю свою,
Ея храбрость вспомянемъ —
Что всегда была въ бою!

Хоръ. Мы споемъ, мы споемъ
Про минувшія дѣла,
Вспомянемъ, вспомянемъ
Радостныя времена.

Запѣвало. Начинайте, братцы, смѣло
Пѣснь родную пѣть свою,
Какъ пѣхота такъ умѣло
Шла на приступы въ бою!

Хоръ. Мы споемъ, мы споемъ
и т. д.

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

локолъ былъ найденъ въ 1824 году при раскопкахъ около Десятинной церкви. Этотъ колоколъ нѣкогда висѣлъ на колокольнѣ церкви, отъ которой не осталось и слѣда. Онъ—коринѳской мѣди и совершенно уцѣлѣлъ, исключая языка и дужки, къ которой, обыкновенно, привѣшивается било, коимъ ударяютъ въ колоколъ для произведенія звука. Колоколъ имѣетъ слѣдующіе размѣры: отъ основанія до ушей 9 вершковъ, уши высотою 3 вершка и діаметръ нижней окружности 10 вершковъ, вѣсъ этого колокола около 2-хъ пудовъ 10-ти фунтовъ, звукъ его тонокъ и чрезвычайно пріятенъ. Надписей на немъ нѣтъ никакихъ и поверхность совершенно гладкая. Вмѣстѣ съ этимъ колоколомъ найденъ еще другой, оказавшійся разбитымъ и поврежденнымъ, какъ бы отъ пожара; отъ этого колокола осталась только нижняя часть и уши.

Уцѣлѣвшій колоколъ и куски разбитаго хранятся въ алтарѣ Десятинной церкви и ихъ безпрепятственно, вмѣстѣ съ другими церковными древностями, можетъ видѣть всякій посѣтившій церковь.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, описаніе тѣхъ святынь, *колыбели христіанства на Руси* — Кіева, съ коими неразрывно связаны воспоминанія о первыхъ временахъ просвѣщенія нашего Отечества Христовымъ Ученіемъ.

Въ Закаспійскую степь на работу.

(Посвящается бывшимъ товарищамъ-солдатамъ).

(Продолженіе *).

V.

Укрѣпленіе Арчманъ.—Ливень.—Сѣрные источники.—Аулъ Нухуръ.—Нухурцы.—Аулъ Беурма.—Сунча.—Бехарденъ.—Дурунъ.—Дурунская мечеть.—Текинскія могилы.—Курганы и мазарки.

Долго мы охотились на дичь разную, и когда въ Бами стояли, и когда немного дальше отошли, а вотъ, какъ дошли до аула Беурма, такъ тогда только перестали къ Бами на охоту ходить, потому что времени-то мало въ день: часа два, три, а путь далеконекъ: отъ Бами до Беурмы двѣнадцать верстъ.

Беурма—аулъ небольшой, стоитъ у самаго постоя, на желѣзной дорогѣ; да только тамъ хлѣба много родится,—больше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, потому что тамъ воды больше, даже небольшое озеро, вродѣ нашихъ сажалокъ, есть, да два арыка небольшихъ, а все-жъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Когда уже рельсы проложили, бывало, поѣздъ идетъ, а народъ-то высыпетъ, глазѣетъ и дивуется: желѣзная дорога, вѣдь, для нихъ диковинка—стоятъ и улыбаются.

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чтенія для Солдатъ» сего года.

— Шайтанъ *) ѣдетъ, — говорятъ; — молодецъ шайтанъ.

И не боятся паровоза, хотя и называютъ его «чортомъ», а все-таки норовятъ, какъ бы на этомъ «чортѣ» прокататься; не такъ, какъ у насъ прежде: мужики считали желѣзную дорогу нечистой силой и ѣздить на ней не хотѣли. А вотъ, текинцы обрадовались, что у нихъ *шайтанъ* появился, на которомъ можно ѣздить и пѣшкомъ ходить не надо.

А дѣтишки, такъ тѣ, что дѣлали! Какія игрушки себѣ отыскали! Видятъ, что рельсы болтами, да гайками свинчены, такъ они начали гайки развинчивать, да болты вынимать. И ничего съ ними не подѣлаешь, и сторожъ не усмотритъ. Такъ что сдѣлали! Сказали всѣмъ въ аулѣ, что если кто попадется, такъ въ Россію ссылать будутъ. Это такъ подѣйствовало, какъ будто, кто рукой снялъ, и болты пропадать перестали.

Вотъ, посмотрите, и земля-то плоха, пески одни, воды почти нѣтъ, хлѣбъ себѣ съ трудомъ добываютъ, да и то не хотятъ родину свою бросать; вотъ, какъ ее любятъ! А что, если бы имъ, да дать нашу землю, какъ бы они хорошо жили, ни въ чемъ бы не нуждались, въ золотѣ ходили бы, а все отъ того, что народъ трудящійся, да не пьющій. Помните, я вамъ разсказывалъ, какая земля у нихъ, да какъ ее трудно обрабатывать, а вѣдь и ее любятъ,—такъ-то!

Такъ мы и подвигались все дальше, да дальше; каждый зналъ, что дѣлать ему надо, ну, и работа потому скоро подвигалась. Скоро и къ Арчману подходить

*) Шайтанъ, значитъ, чортъ.

начали. Арчманъ — аулъ такой, что въ 50-ти верстахъ отъ Бами стоитъ, у самыхъ горъ Коппетъ-Дага; аулъ небольшой, — кибитокъ сотня съ небольшимъ; только то, что онъ въ котловинѣ стоитъ и деревья есть, такъ что во время жары и отдохнуть можно; тѣмъ только онъ плохъ, что сильныя лихорадки бываютъ, потому что стоячей воды много, да камышей и тины. Все это гніетъ и воздухъ портитъ. А арыки какіе тамъ чудные: вода бѣлая-бѣлая, какъ молоко, да и воняетъ сѣрою, такъ что версты за двѣ слышно, а сѣрою-то она пахнетъ и сама бѣлая потому, что въ ней сѣры много. Такъ какъ посмотришь на дно, такъ и видно, какъ всѣ камушки ею пообростали, даже сами, не то— бѣлыми, не то — желтыми подѣлались. А какъ подъѣзжать къ аулу, такъ только тогда его замѣтишь, какъ въѣзжать надо, потому что онъ въ ямѣ стоитъ, да кругомъ его поля все джугурмой поросли. Джугурма, иначе, «сорга» называется,—это такое растеніе высокое-высокое. Стебли и листья на нашу кукурузу похожи, да только плодъ не такой, а какъ будто бы кисть виноградная, только вмѣсто ягодъ маленькіе крупинки грязно-бѣлаго цвѣта. Вотъ, какъ поспѣетъ эта самая джугурма, такъ ее косятъ, потомъ молотятъ. Съ плодовъ крупы дерутъ и варятъ съ нихъ кашу, либо въ муку мелятъ, да хлѣбъ пекутъ. Кашу эту я ѣдалъ: ничего, хорошая, особенно, если ее саломъ приправить. Только текинцы ее приправляютъ либо бараньимъ жиромъ, либо съ верблюжьимъ молокомъ ѣдятъ, а по вкусу она на нашу ячную кашу похожа. Стебли же и листья тоже даромъ не пропадаютъ: ими скотъ кормятъ, на подстилку кладутъ, а стебли раздробляютъ,

сушатъ, да потомъ маты съ нихъ вяжутъ. Матами полъ въ кибиткѣ выстилаютъ, а лѣтомъ и самую кибитку ими вмѣсто войлока окутываютъ, чтобы не такъ жарко было, да вѣтерокъ повѣвалъ. Въ другихъ мѣстахъ, въ Америкѣ напримѣръ, такъ изъ этой самой джугурмы сахаръ дѣлаютъ, все равно, что у насъ изъ бурьяновъ. Ну, да текинцы этого не знаютъ еще, да у нихъ и заводовъ нѣтъ.

Жители Арчмана и такъ живутъ себѣ ничего: хлѣба у нихъ вдоволь, ячменя и сѣна тоже, а имъ что больше надо?! Овецъ и барановъ тоже не мало. Вотъ, въ этомъ самомъ Арчманѣ стоялъ и нашъ баталіонный лазаретъ. А желѣзная дорога проходила не около самаго аула, а верстахъ въ трехъ отъ него.

Стали мы уже близко подходить къ Арчману; уже работы было мало, на какихъ-нибудь дня два не больше, всего 8 верстъ; да нужно же было случиться оказіи: дождь пошелъ!

А тамъ дожди не такіе, какъ у насъ! Тамъ дождь не идетъ мѣсяцъ, два, три, подчасъ въ цѣлое лѣто и капельки дождя не упадетъ, а за то, какъ пойдетъ, какъ точно изъ ведра, такъ и льетъ и льетъ, точно на небѣ кто бочки съ водою выворотилъ. И идетъ-то немного: всего часъ, или два, да бѣды такой натворитъ, что и въ два дня не исправишь. Какъ пойдетъ ливень, да пустится вода съ горъ, такъ и маленькій арычекъ въ большую рѣчку превратится, а гдѣ маленькая ямка, такъ и цѣлое озеро сдѣлаетъ. Вотъ, такъ было и здѣсь. Помню: суббота была; мы только кончили работу и на обѣдъ пошли; небо было свѣтлое, да ясное, ни одного облачка не было. Вдругъ, откуда

ни возьмись, туча; какъ подулъ вѣтеръ, да налетѣла гроза, ударилъ громъ, заблистала молнія и пошла потѣха! Дождь ручьями полился, да такъ цѣлый часъ и шелъ, а мы по вагонамъ сидимъ, да на дорогу посматриваемъ. А гдѣ тамъ дорога? Была когда-то проѣзжая дорога, а теперь рѣчка, да и только. Вода бѣжитъ, шумитъ, да клокочетъ. Да быстро такъ бѣжитъ, что не дай Богъ попасть: съ ногъ собьетъ.

На нашихъ глазахъ былъ такой случай: ѣхалъ казакъ, такъ его, какъ подхватила вода, такъ и понесла, и лошадь справиться не могла, такъ его за 14 верстъ и снесло, пока къ песку не прибило. А какъ прошелъ дождь, такъ хоть лодку подавай,—кругомъ вода, словно, озеро какое. А какъ посмотрѣли мы на наше полотно, такъ только руками развели. Всю насыпь порвало водой, только тамъ, да сямъ кусокъ остался. На другой день пришлось снова насыпать. Благо, что дѣло къ осени шло, такъ хоть не жарко было, а случись это лѣтомъ — такъ просто несчастье! А въ аулѣ что дождь натворилъ—просто ужасъ: всѣ лазаретныя кибитки посносилъ,—хорошо еще, что больныхъ не было.

Такъ-то мы на два дня и опоздали, двумя днями позже открыли станцію; ну, за то, за нашу работу намъ дали въ Арчманѣ три дня отдыху. Извѣстно, каковъ отдыхъ у солдата: первымъ дѣломъ, ружья осмотрѣли, протерли, да смазали; кто оборвался за время работъ—поплатался, а другіе письма на родину писать начали. А кто ярый ужь охотникъ—такъ урвалъ время и поохотиться. Тамъ курей много дикихъ, голубей, да утокъ. А я съ двумя товарищами въ Нухуръ съѣздили. Нухуромъ называется такой горный аулъ,

что отъ Арчмана въ 13-ти верстахъ, въ горахъ находится. Чудный, право, этотъ аулъ Нухуръ, хорошій такой, такъ и тонетъ весь въ зелени, въ садахъ, да виноградникахъ. Особливо онъ намъ показался хорошимъ послѣ того, какъ мы мѣсяца четыре и путящаго деревца не видали. А тутъ, куда ни глянь, такъ все сады, да виноградники; всѣ склоны горъ усѣяны либо деревьями, либо сочною зеленою травою. Траву эту скашиваютъ, связываютъ въ жгуты и сушатъ — вотъ тебѣ и сѣно готово. Такое сѣно *саманомъ* называется, по нашему, это означаетъ горное сѣно. А въ жгуты его связываютъ затѣмъ, что тамъ нѣтъ ни возовъ, ни повозокъ, чтобы возить его, а возятъ на вьюкахъ: либо на верблюдахъ, либо на ослахъ, а то, и на лошадяхъ.

Да тамъ не только фрукты, да сѣно, а все хорошо родится: и рожь, и ячмень, и пшеница. А все отъ того, что аулъ высоко въ горахъ стоитъ, а потому тамъ никогда жары такой страшной не бываетъ — только тепло, ну, да и то еще сказать, что въ горахъ родниковъ, да озеръ различныхъ много, воды вдоволь,— съ того и земля хорошая и жители живутъ себѣ припѣваючи, ни въ чемъ не нуждаются.

Только добраться до этого аула, охъ, какъ трудно! Тамъ не то, что нѣтъ такихъ дорогъ, по которымъ можно было бы на повозкахъ ѣздить, а даже и тропинокъ путящихъ нѣтъ. Идетъ, себѣ, дорожка, подъ скалами такая, что и одному человѣку пройти трудно, да каменистая такая, крутая и скользкая. Того и смотри, поскользнешься, оступишься и упадешь. А коли упалъ, такъ плохо: тогда не сдобровать, потому что

слѣва — горы высокія, одни скалы отвѣсныя, а справа — пропасть бездонная; какъ посмотришь въ нее, такъ и дна не увидишь, только голова закружится, а какъ упадешь туда—бѣда! И косточекъ твоихъ не отыщутъ, потому, на днѣ острыхъ камней много, такъ въ дребезги разобьешься. И идетъ, это, себѣ, дорожка съ горы на гору и такъ всѣ 12 верстъ. Съ этого-то всѣ тамъ иначе и не ѣздятъ, какъ на ослахъ, и продукты и товары различные все на ослахъ возятъ, потому — человѣкъ оступиться можетъ, лошадь также, верблюдъ совсѣмъ ходить тамъ не можетъ—у него копыта нѣтъ, нога мягкая, ну, ему и больно, а оселъ никогда не оступится, у него поступь твердая. Только лѣнивъ больно оселъ (ихъ тамъ «ишаками» называютъ). Такъ что дѣлаютъ, чтобы подогнать его: шкура-то у него толстая, кнутомъ не проймешь, такъ острымъ шиломъ подгоняютъ.

Вотъ, такъ и мы ѣздили въ этотъ Нухуръ, тоже на ослахъ, только шиломъ его не подгоняли: жалко; хотя онъ, животное, а все же Божья тварь и чувствуетъ, какъ и человѣкъ. Пріѣхали мы въ аулъ, начали домъ старшины искать. А жители тамъ не въ кибиткахъ живутъ, какъ текинцы, а въ двухъ-этажныхъ домахъ. Дома строютъ изъ сырцоваго кирпича (сырцовымъ кирпичемъ называется кирпичъ, вымѣшанный изъ глины и высушенный на солнцѣ, а въ печи не обожженный. Только онъ крѣпкимъ бываетъ). На второмъ этажѣ самъ хозяинъ живетъ, а на первомъ у него конюшня, хлѣвъ и кладовка. Окна есть также, какъ и у насъ, только вмѣсто стекла, либо бычій пузырь, либо листъ бумаги натянутъ.

Отыскали мы старшину, поздоровались съ нимъ; онъ видитъ, что мы русскіе солдаты, низко кланяется, улыбается и къ себѣ въ хату приглашаетъ. Мы вошли; смотримъ: комната большая, только въ ней ничего нѣтъ—ни столовъ, ни стульевъ, только полъ коврами устланъ, да по стѣнкамъ подушки лежатъ. Вотъ, онъ приглашаетъ насъ на полъ садиться и рукою еще показываетъ, и самъ сѣлъ. Сѣлъ, да и крикнулъ что-то по своему. На его крикъ пришла жена его—молодая, красивая бабенка, одѣтая такъ же, какъ и текинки одѣваются, безъ покрывала; въ толстую черную косу серебряные и золотые монеты повплетены. Сказалъ ей что-то старшина по своему; она вышла, а минутъ черезъ пять снова пришла, только не одна, а съ сестрой своей. Сама она принесла въ одной рукѣ кальянъ, а въ другой—большую миску деревянную съ виноградомъ, а сестра притащила двѣ миски: одну — съ миндальными, а другую—съ волошскими орѣхами, и все это поставили передъ нами. Старшина досталъ кисетъ съ табакомъ, набилъ имъ кальянъ, закурилъ его, самъ немного покурилъ, потомъ намъ далъ поочереди, а потомъ угощать началъ виноградомъ, орѣхами разными, а потомъ принесли и разныхъ другихъ фруктовъ: и грушъ, и яблокъ, и сливъ, фиников, виноградъ, айвы и другихъ такихъ, какихъ у насъ, въ Россіи, и помину нѣтъ. Всего было вдоволь; ѣшь — не хочу! А потомъ еще и верблюжьяго молока, да овечьяго сыру принесли. Тамъ не такъ, какъ у насъ, на Руси православной: пришелъ въ гости, такъ сейчасъ тебя и водкой подчуютъ, наровятъ глаза поскорѣе залить. Перепьются, да потомъ безчинство только одно: шумъ, руготня, драка, а на другой день и голова болитъ и работать нельзя! Тамъ же не такъ. Хочешь въ гости придти?—Приходи! Милости просимъ. Тамъ всякому гостю рады. Угостятъ всѣмъ, что только хорошаго есть въ домѣ, ну, а только что на счетъ водочки—извини, тамъ и запаху ея не услышишь, потому что народъ непьющій! Такъ покурить, покалякать—они большіе охотники, а чтобы пить—такъ нѣтъ. На что ужь винограду тамъ видимо-невидимо, а и то, вина изъ него не дѣлаютъ; а такъ ѣдятъ его, потомъ на изюмъ сушатъ, либо сами ѣдятъ, либо продаютъ его.

Да не то: появись между ними не только пьяница, а, просто, пьющій человѣкъ, такъ со свѣту Божьяго сживутъ, а то, просто, и убьютъ—не посмотрятъ. По ихнему такъ: «худая трава съ поля вонъ». Вотъ, съ того-то они и живутъ такъ хорошо, да богато, что народъ трезвый, да трудящійся.

Жители Нухура «нухурцами» называются; они племени не текинскаго, а европейскаго, только давнымъ давно, лѣтъ тысячу тому назадъ, магометанство приняли. Одѣваются они только такъ, какъ текинцы, только собою, куда какъ покрасивѣе будутъ. Живутъ себѣ тихо, да мирно, никого никогда не обижали, не трогали, да и теперь такъ живутъ. Да и ихъ никто не обижалъ, потому что добраться до Нухура очень трудно. Ну, съ того они и теперь живутъ сами по себѣ: ни къ кому не принадлежатъ: ни къ персамъ, ни къ русскимъ. Имѣютъ себѣ своего хана, судей и управляются сами собою: міромъ...

Посидѣли мы такъ немного у старшины, потомъ повелъ онъ насъ по аулу, да сталъ все разсказывать,

да показывать, а какъ темнѣть начало, такъ мы въ путь сбираться начали, ословъ своихъ сѣдлать. На дорогу намъ бешкешовъ (подарковъ) понадавали разныхъ: и винограду, и изюму, и орѣховъ различныхъ, да еще и самъ старшина съ братомъ проводилъ насъ до полъ-дороги, а къ 9-ти часамъ вечера, къ повѣркѣ, мы благополучно и домой добрались.

На другой день, съ полудня, мы снова принялись за работу; застучали молотки, завизжали пилы и поплелись мы далѣе, съ каждымъ шагомъ за собою желѣзный слѣдъ оставляя. На третій день къ аулу Сунчѣ подошли; аулъ небольшой; тутъ, тоже, кое-гдѣ небольшіе садочки есть, онъ въ 15-ти верстахъ за Арчманомъ находится. Около него не останавливались, а дальше пошли. Только здѣсь, братцы мои, бѣда приключилась: откуда ни возьмись, болѣзнь нашла и пошла косить. Начали, это, и солдатики и вольнонаемные рабочіе тифомъ, горячкою, да воспаленіемъ легкихъ болѣть. Было тутъ работы и докторамъ и попу. Доктора не успѣвали съ больными управляться: цѣлыми десятками солдаты, а рабочіе еще и больше, заболѣваютъ, а попъ хоронить не успѣваетъ: мерли, какъ мухи. А все, братцы мои, отъ того, что днемъ жарко, а ночью холода начали наступать такіе, что коли дождикъ прошелъ, такъ по ночамъ въ колодцахъ вода замерзаетъ, а жить-то приходится либо въ вагонѣ, либо въ кибиткѣ, а къ тому же и вода плохая, — мутная такая, да теплая; ну, и начали люди болѣть, да умирать. Былъ у насъ офицеръ одинъ: молодой такой, крѣпкій, здоровый, да красивый, такъ что вы думаете — въ 10 дней его скрутило!

Какъ посмотришь, бывало: вотъ, рядомъ съ тобою солдатикъ работалъ и спалъ рядомъ съ тобою. Сдружился съ нимъ, сжился душа въ душу, что съ братомъ роднымъ. Смотришь: до обѣда былъ и веселъ и здоровъ, а послѣ обѣда занемогъ и къ вечеру и въ госпиталь пошелъ, а тамъ, дня черезъ три, четыре и душу Богу отдалъ. И такая жалость, братцы мои,—все равно, что роднаго потерялъ! А какъ подумаешь, что и самому на чужбинѣ голову-то придется положить, такъ, охъ, какъ тяжело на душѣ станетъ. И черныя думы, непрошенныя, въ голову забираться начнутъ... Эхъ!... тяжелое было, братцы мои, времячко, да, слава Богу, прошло. Не дешево нашему брату-то желѣзная дорожка обошлась! Вспомнитъ-ли кто о насъ, кому приведется ѣздить по ней, помолится-ли кто за упокой души строившихъ ее?!

Долго такъ болѣли солдатики, пока сильные холода наступили.

Какъ стали къ Бехардену (аулъ такой: 30 верстъ за Арчманомъ) подходить, такъ баталіонъ поуменьшился изрядно, а тутъ и новая болѣзнь пришла, не лучше тифа,—кровавый поносъ; умирали и отъ него, а все отъ той же воды плохой.

Работаетъ это, себѣ, работаетъ солдатикъ, спотѣетъ, пить хочется, ну и напьется. Если выпилъ воды не въ мѣру, ну, и готово—и заболѣлъ. Такъ мы спиртомъ отъ этой болѣзни лечились. А тутъ еще, какъ на зло, дожди пошли (осенью тамъ всегда дожди идутъ). Небольшой дождичекъ, правда, а все идетъ съ утра и до самаго вечера. Ты тутъ работай согнувши спину, а онъ льетъ тебѣ за воротъ, да такъ-таки насквозь

всего и промочетъ. Горе одно: домой прійдешь—и высушиться негдѣ, потому что давка такая,—въ вагонѣ солдатъ, что сельдей въ бочкѣ: полвзвода по военному составу помѣщается. Нары такіе подѣланы и вверху и внизу, вродѣ русскихъ палатей. Да въ давкѣ и тѣснотѣ такой еще и вши развелись,—просто кишмя кишатъ: а бани-то нѣтъ, да и какая тамъ баня такая въ походѣ! Сегодня мы здѣсь, а завтра за пять верстъ дальше, а тамъ еще за пять и такъ изо дня въ день нашъ поѣздъ подвигается. А въ вагонахъ тѣснота такая, потому что много вагоновъ имѣть нельзя, нужно чтобы поѣздъ покороче былъ, а то, съ длиннымъ поѣздомъ работать плохо. Вѣдь матеріалы-то какъ подвозили. Пріѣдетъ поѣздъ изъ Кизиль-Арвата, привезетъ матеріалы, да и сброситъ сзади нашего жилаго поѣзда. Ну, когда нашъ поѣздъ короткій, то и матеріалъ сзаду на передъ подвозить удобно, потому что скоро, а будь онъ длинный, въ версту, такъ и матеріалъ нельзя было бы подвозить скоро, и работа шла бы медленно, а тутъ нужно было торопиться, чтобы дорогу скорѣе провести. Вотъ, потому-то и поѣздъ былъ короткій. И то, какъ дѣлали: чтобы и солдатъ помѣстить, и кухню и кузницу устроить, и рабочихъ персовъ размѣстить. Вагоны дѣлали двухъ-этажные; наверху живутъ рабочіе—персы, а внизу—солдаты, кухня, кузница, цейхгаузъ, сѣновалъ и кладовыя. Да не однимъ намъ жутко приходилось,—и господамъ офицерамъ тоже. И тѣ помѣщались душъ по семи, по восьми въ одномъ вагонѣ. А вагоны-то у всѣхъ были одинаковые: товарные. И плохо же, это, жить въ вагонахъ, хуже чѣмъ въ кибиткѣ. Лѣтомъ, это, такъ

крышу да стѣнки солнце накалитъ, что въ немъ мѣста отъ жары, да духоты не найдешь, а зимою—дуетъ отовсюду, да холодъ такой, что и души не согрѣешь... Вотъ, и болѣли отъ того, что работа тяжелая, а жить во какъ плохо!... благо, что пища хорошая была.

Какъ дошли до Бехардена, такъ и не отдыхали. Открыли станцію, подняли русскій флагъ, да и пошли дальше работать. Станціями, спервоначала, кибитки ставили, покаместъ каменныя подѣлаютъ, а потомъ начали ставить складные астраханскіе домики на срубахъ.

Бехарденъ, противъ другихъ ауловъ, кромѣ Нухура, куда какъ получше будетъ. Тутъ и садовъ много и зелень разная и деревья большіе есть. Изъ деревьевъ все больше тутовые (иначе ихъ «шелковицею» называютъ) попадаются.

Жители здѣсь шелковичныхъ червей разводятъ, да кормятъ ихъ листьями съ шелковичныхъ деревьевъ, а черви эти шелкъ прядутъ. И чудно это какъ! Яички у нихъ маленькіе и сѣренькіе, будто-бы макъ, и совсѣмъ-таки на него и похожи, такъ кто не знаетъ, такъ тотъ и взаправду за макъ приметъ. Вотъ, эти яички и держатъ зимою на холодѣ, а къ веснѣ, когда начнутъ деревья распускаться, тогда яички эти берутъ въ другое мѣсто, гдѣ потеплѣе. Черезъ день, изъ нихъ червячки сѣренькіе вылупливаются, да маленькіе такіе! Только они ростутъ быстро,—черезъ недѣлю большіе дѣлаются. Да и обжоры же какіе они спервоначала; ихъ молодыми листьями кормятъ, такъ они и насыпать ихъ не успѣваютъ. Сдѣлаютъ, такъ, полочку около стѣнки, насыпятъ листьевъ и поставятъ сухихъ

вѣточекъ. Они лѣзутъ по этимъ вѣточкамъ и шелкъ начинаютъ мотать. Усядется хвостикомъ, а головкою начнетъ кругомъ крутить, а изъ рта у него слюна ниткою тянется: вотъ, этою-то слюною онъ себя кругомъ и обматываетъ,—это-то и есть шелкъ; черезъ день, черезъ два, онъ себя кругомъ и обмотаетъ, точно замуруется, такъ что небольшое шелковое яичко и образуется величиною съ голубиное. Какъ замуровался червячекъ, такъ и замираетъ сейчасъ и изъ червячка въ куколку превращается. Яички эти шелковые «коконами» называются. Если коконы эти такъ и оставить, такъ къ осени куколка эта коконъ прогрызаетъ и выползаетъ наружу. Какъ выползетъ, такъ обращается въ маленькаго мотылечка. Мотылечки эти бѣлаго цвѣта и кормить ихъ нужно тоже шелковичными листьями. Мотыльки эти несутъ яички; какъ нанесутъ ихъ много, тогда и умираютъ, а изъ яичекъ опять черви вылупливаются. Только коконы эти, изъ которыхъ бабочка вылѣзетъ, никуда не годятся; изъ нихъ и шелка дѣлать нельзя. Такъ дѣлаютъ такъ: какъ только черви наплетутъ коконовъ, тогда одну четверть всѣхъ коконовъ берутъ на разводъ яичекъ, а остальные кладутъ въ жарко-истопленную печку, чтобы куколокъ заморить, а потомъ, съ этихъ самыхъ коконовъ, начинаютъ шелкъ въ нитки разматывать, нитки ссучиваютъ, да и матерію прядутъ. Ну, за то, тамъ и шелкъ дешевъ,—куда, какъ дешевле, чѣмъ у насъ. Насмотрѣлись мы на то, какъ шелкъ дѣлаютъ. Только не привелось увидѣть намъ, какъ изъ шелка матеріи прядутъ, потому что въ Бехарденѣ мы и одного дня не стояли. Какъ открыли станцію, такъ сейчасъ же и дальше пошли.

Въ четырехъ верстахъ отъ Бехардена другой аулъ есть «Дуруномъ» называется.

Въ Дурунѣ мы, хотя, тоже не останавливались, да все-таки побывать пришлось. И чудно какъ: во всемъ аулѣ нѣтъ ни одного дома,—кибитки все, а посрединѣ мечеть большая каменная стоитъ. И красивая, видно, была эта мечеть, да теперь уже поразвалилась малость.

Только мечеть эта не текинская, а персидская. И давнымъ давно мечеть эта стоитъ, лѣтъ 800, если не больше будетъ. Персы ее построили, когда еще сами Дуруномъ владѣли, а какъ нашли на нихъ текинцы, да завоевали, такъ и мечеть разрушили, а потому и стоитъ она теперь на половину разваленная. А красивая была, это и теперь видно: изъ хорошаго такого кирпича сложена, да мраморомъ и другими дорогими цвѣтными каменьями выложена. Тамъ теперь, около этой мечети, текинцы кладбище свое устроили; а кладбище у нихъ такое же самое, какъ и у насъ: такія же самыя могилки, только крестовъ нѣтъ, потому что они магометане, а только надъ могилами холостыхъ шестъ втыкаютъ, а на шестъ красную тряпочку замѣсто флага прицѣпливаютъ.

Только на такомъ кладбищѣ простыхъ людей хоронятъ. А знатныхъ, напримѣръ: хановъ, судей, проповѣдниковъ и богатырей—тѣхъ иначе хоронятъ. Богатырями у нихъ ханы назывались, которые отличались въ походахъ своею храбростью. Тѣхъ хоронятъ либо при дорогахъ, либо на перекресткахъ дорогъ. Закопаютъ въ землю, да и насыплютъ надъ нимъ высокій курганъ, точно горку какую; а то, еще иначе бываетъ:

закопаютъ въ землю, насыпятъ могилку,—такую же какъ и у насъ, и обмуруютъ ее, да обмажутъ глиною, а потомъ надъ могилою глинобитный домикъ выстроютъ съ куполомъ вмѣсто крыши, а то, съ двумя или тремя,—это уже смотря по заслугамъ покойнаго. Кто болѣе былъ заслуженный, такъ надъ могилою того больше и куполовъ, а кто менѣе—такъ и куполовъ меньше. Такіе могилы «мазарками» называются и строятся они безъ оконъ и только съ одною узкою стрѣльчатою дверью. Идетъ, себѣ, дорога на нѣсколько сотъ верстъ, а по сторонамъ ея, то—тамъ то—сямъ эти «мазарки» стоятъ. И такъ, подчасъ, бываютъ полезны эти «мазарки» для нашего брата—солдата! Ѣдешь, себѣ, по дорогѣ куда-нибудь по службѣ, вдругъ—набѣжала туча, пошелъ дождь, куда тутъ въ степи спрятаться, а тутъ, какъ разъ, мазарка такая подъ руку подвернулась, ну, и залѣзешь туда, да еще и коня съ собою заведешь, а подчасъ и заночуешь, благо, что только одно отверстіе для дверей есть, а самихъ-то дверей не бываетъ. Мнѣ частенько случалось ночевать въ такихъ мазаркахъ и ничего—хорошо! Хоронятъ текинцы своихъ покойниковъ не такъ, какъ у насъ. Если умеръ текинецъ, сейчасъ же начинаютъ могилу рыть, а мулла (по ихнему такъ священникъ называется) прійдетъ, молитвы изъ Корана (это евангеліе ихнее) прочтетъ, тогда покойника обмоютъ, выбрѣютъ ему голову, одѣнутъ чистое бѣлье, обмотаютъ сперва холстомъ, а потомъ кошмой, да такъ и несутъ на кладбище, а мулла провожаетъ. Прійдетъ до могилы, прочтетъ еще надъ нею молитвы, да такъ покойника и опускаютъ въ могилу, а потомъ яму землею засыпятъ, да горбочекъ земли и насыпятъ. А въ могилу накладутъ: шапку, кисетъ съ табакомъ, коньякъ, огниво, халатъ новый, сапоги, шапку и горсть ячменя, да ржи насыпятъ.

Гробовъ у нихъ вовсе нѣтъ, потому что дерева подходящаго нѣтъ, а все малорослое, да тонкое, да еще и того мало.

Какъ похоронятъ покойника, да прійдутъ домой, такъ родные тризну устраиваютъ. Это, по нашему, поминки называются. Да только справляютъ они поминки свои не по нашему. У насъ, не успѣли еще въ землю закопать, изъ комнаты не успѣлъ выйдти запахъ мертваго тѣла, какъ уже пьянство, безчинство, да всякіе безобразія начинаются. Это у насъ поминки такіе! Того и не знаютъ, что водкой, да крѣпкимъ словомъ грѣшно поминать. А текинцы хотя и нехристи, а куда, какъ лучше насъ, христіанъ, дѣлаютъ! Они, какъ прійдутъ съ похоронъ, такъ сейчасъ же нѣсколько барановъ зарѣжутъ, мулла прочтетъ молитвы, потомъ ихъ сжарятъ, или сварятъ, рѣжутъ на куски и раздаютъ бѣднымъ, чтобы они Богу молились за упокой души усопшаго. Такъ же и сами они благодарятъ Бога за Его милости. Это у нихъ тогда «жертвою» называется. Голову только никогда не ѣдятъ, а въ землю арываютъ. Такъ-то, братцы мои, поступаютъ текинцы; и нашему брату примѣръ съ нихъ взять недурно было бы.

VI.

Келятэ.— Голубиное озеро.— Охота на дикихъ кабановъ и голубей.— Геокъ-Тепе.—Текинскія школы.

Быстро пошли мы работать отъ Бехардена; дни наступили холодные, работать не жарко, вольготно, только здѣсь работа тяжелѣе пошла, чѣмъ прежде. Прежде, полотно шло по ровному мѣсту, а здѣсь все насыпи большія пошли. Рельсы, да шпалы подвезутъ и сбросятъ ихъ около насыпи, а ты ихъ тутъ тащи; вытащилъ на насыпь, да тогда уже уложи, прибивай, да свинчивай. Наконецъ, недѣли черезъ двѣ, къ аулу Келятэ подошли,—онъ въ тридцати верстахъ за Бехарденомъ находится. Пришли, поставили у полотна складной домикъ, подняли русскій флагъ—вотъ и станція готова! Здѣсь намъ день отдыху дали. Кто воспользовался этимъ и началъ вещишки свои приводить въ порядокъ, кто спать завалился, а кто и на охоту побрелъ. Охота тамъ хорошая, птицы дикой различной много: и утки дикія, и голуби, и курочки, и звѣри разные водятся. Меня взялъ съ собою на охоту нашъ взводный офицеръ, а житель одинъ, тамошній текинецъ, Махомедъ-Али повелъ насъ мѣста намъ показывать. Водитъ онъ, водитъ насъ по камышамъ, да по бугоркамъ, наконецъ, къ самимъ горамъ привелъ.

— Вотъ здѣсь,—говоритъ,—много дикихъ голубей водится. Здѣсь голубиное озеро есть.

— Гдѣ же это озеро, что его не видно?—спрашиваемъ мы его.

— А вотъ, сейчасъ покажу; идите за мною.

Мы пошли и думаемъ: «куда это онъ насъ поведетъ?» А онъ на гору началъ подниматься; мы за нимъ. Прошли такъ сажень восемь; смотримъ: дыра большая, около нея другая и третья. И всѣ три дыры ведутъ въ одну и ту же пещеру, сажени двѣ глубиною.

— Вотъ, тутъ, въ этой пещерѣ и озеро голубиное есть, — сказалъ намъ нашъ проводникъ; — оно подъ землею.

— А почему оно «голубинымъ» называется?

— Да потому, что въ этой пещерѣ много дикихъ голубей водится. Мы туда спустимся, только сперва нужно голубей выгнать. Вы становитесь около этой дыры, а я въ другую выстрѣлю, такъ голуби начнутъ летѣть прямо на васъ, а вы и стрѣляйте.

Магометъ-Али выстрѣлилъ.

Только что выстрѣлъ успѣлъ раздаться подъ сводами пещеры, какъ голуби цѣлой тучей бросились изъ дыры на насъ. Мы выстрѣлили изъ одного, изъ другаго ствола, и когда дымъ разсѣялся, то мы увидѣли на землѣ штукъ двадцать мертвыхъ голубей. Магометъ-Али еще разъ выстрѣлилъ,—голуби опять вылетѣли, только меньше. Зарядилъ еще ружье и въ третій разъ выстрѣлилъ,—голубей еще меньше вылетѣло. Только эти два раза мы уже не стрѣляли.

— Ну, теперь,—сказалъ онъ намъ,—можно и въ пещеру идти.

Вынулъ изъ голенищъ три свѣчки, взялъ себѣ одну и намъ далъ по свѣчкѣ тоже.

Мы начали спускаться по небольшой деревянной

лѣстницѣ; когда спустились, то зажгли свѣчи и пошли по пещерѣ. Пещера большая и подпирается природными столбами изъ камня, да такими, что, какъ будто, человѣкъ ихъ дѣлалъ. Прошли еще нѣсколько шаговъ и потокъ воды услышали, а тамъ и самое озеро увидали. Озеро это большое, такъ что и береговъ не видно, а вода въ немъ теплая, потому что въ пещерѣ жарко. Мы набрали въ бутылку воды, а когда вылѣзли изъ пещеры, да вода остыла, то мы ее и попробовали. Ничего себѣ: хорошая, прѣсная. Вылѣзли изъ пещеры и домой пошли, да по дорогѣ еще нѣсколько дикихъ курочекъ подстрѣлили, такъ что къ ужину дичи натащили не мало.

Воротился я въ роту; ужинать пошли; тутъ было не мало толковъ, да разговоровъ различныхъ. Одни радовались тому, что до Асхабада мало осталось, всего-навсего 70 верстъ,—отдыхъ, значитъ, будетъ большой, другой—про охоту разсказывалъ: кто что убилъ, а кто какого звѣря видалъ, а третій—на другой день и самъ собирался идти на охоту. Да, частенько-таки потомъ ходили на охоту. Уже, было, нѣсколько верстъ и за Келятэ прошли, а все-таки на охоту ходили.

Помню, однажды, господа офицеры устроили облаву на дикихъ кабановъ, насъ нѣсколько человѣкъ взяли съ собою, да пятнадцать душъ казаковъ. Поѣхали къ Келятэ; тамъ, около голубинаго озера, камыши большіе ростутъ, такъ въ нихъ дикихъ кабановъ много. Подъѣхали, такъ, на полъ-версты къ камышамъ, да остановились, цѣпью разсыпались, а казаки, другою цѣпью, обскакали сзади камышей, да и поѣхали по нимъ съ крикомъ, съ шумомъ, гиканьемъ, да трещотками, чтобы

кабановъ пугать и на охотниковъ гнать. А собаки-то съ нами были не охотничьи, а простые — чабанскія. Какъ заслышали кабаны непривычный для нихъ шумъ и гамъ, и ну, изъ камышей улепетывать, а собаки за ними такъ и рвутъ, такъ и рвутъ, даромъ, что простыя, да на охотниковъ все гонятъ. А охотники стоятъ и берданки со штыками на изготовкѣ держатъ. Пошла тутъ трескотня. Какъ дымъ-то поразсѣялся, смотримъ: четыре кабана убитыхъ лежатъ. Убили бы, можетъ, и больше, да стрѣляли съ лошадей, а лошади-то непривычныя къ этому, ну, и дрожатъ, а отъ того трудно хорошо прицѣлиться. И то, какой случай былъ: одинъ казачій офицеръ выстрѣлилъ, только въ это самое время конь шарахнулся, ну, онъ и не убилъ кабана, а только задѣлъ его. Какъ разсвирѣпѣлъ тотъ, да кинется на него. Охотникъ видитъ, что съ сѣдла со звѣремъ ничего не подѣлаешь, чего добраго, только лошадь ему испортитъ; соскочилъ на землю, зарядилъ снова ружье, прицѣлился — бацъ!—осѣчка оказалась. Что тутъ дѣлать? А кабанъ въ трехъ шагахъ отъ него! Штыка нѣтъ, потому что винтовки казачьи. Онъ—за кинжалъ; вытащилъ и хотѣлъ-было кабану въ глотку всадить: «заколю»,—думаетъ себѣ, да только, въ эту минуту, казакъ со стороны выстрѣлилъ и положилъ кабана на мѣстѣ. Не подвернись казакъ—плохо было бы! Когда потрошили кабана, да попробовали всадить ему кинжалъ въ пасть, то оказалось, что кинжалъ весь вошелъ въ пасть съ рукояткою, а до горла еще не досталъ. Что бы, если бы онъ всадилъ его? Пропала бы рука, откусилъ бы, окаянный! Зубы-то у него вострые, а клыки-то, словно, штыки крынковскіе — трехгранные, большіе, да острые. Какъ

хватитъ со злости ими о камень, такъ и камень пополамъ. Онъ и точитъ-то ихъ не иначе, какъ о камень. Чудомъ спасся какъ-то офицеръ. И не везло же какъ ему! Каждый разъ, бывало, на охотѣ съ нимъ что-нибудь приключится. Разъ, было, тоже кабанъ на него бросился, да прямо подъ лошадь, и поранилъ ей переднія ноги; та, какъ взовьется на дыбы, да и сбросила сѣдока прямо кабану на спину. Только кабанъ на этотъ разъ испугался, сбросилъ съ себя охотника, да давай Богъ ноги! Тѣмъ только и спасся охотникъ...

Убили, это, мы четырехъ кабановъ, да такъ и повезли домой,—никому и въ голову не пришло выпотрошить ихъ на мѣстѣ, да внутри солью посыпать, къ тому же, и соли-то не было. А какъ привезли домой, такъ сейчасъ же вечеромъ выпотрошили, вымыли, осолили, порѣзали на куски, да давай колбасы начинять. Начинили колбасъ и намъ ихъ роздали, а на другой день и жарить начали. Такъ, что бы вы думали! Ни мяса, ни колбасъ въ ротъ взять нельзя было, такъ гнилыми потрохами воняло. Пришлось все собакамъ выбросить, никто и не ѣлъ. А все отъ того, что солью не посыпали. «Ну, что-жъ, — говорятъ, — на другой разъ поумнѣе будемъ».

Черезъ нѣсколько времени другая охота случилась. Впередъ послали ротную повозку со всякими продуктами для завтрака, съ самоваромъ, да кто-то изъ офицеровъ приказалъ конюху взять съ собою немного соли про всякій случай.

Поѣхали на то же мѣсто. Ѣздили, ѣздили цѣлый день, и не только кабана не убили, но даже и не увидѣли ни одного. Потому что они были напуганы и

ушли съ того мѣста. Дѣлать нечего, пришлось домой воротиться. Только, подходитъ, это, одинъ изъ охотниковъ къ повозкѣ, смотритъ: а тамъ громадный мѣшокъ съ чѣмъ-то лежитъ, пуда три, можетъ быть, вѣсомъ будетъ.

— Что это такое?—спрашиваетъ;—овесъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, соль.

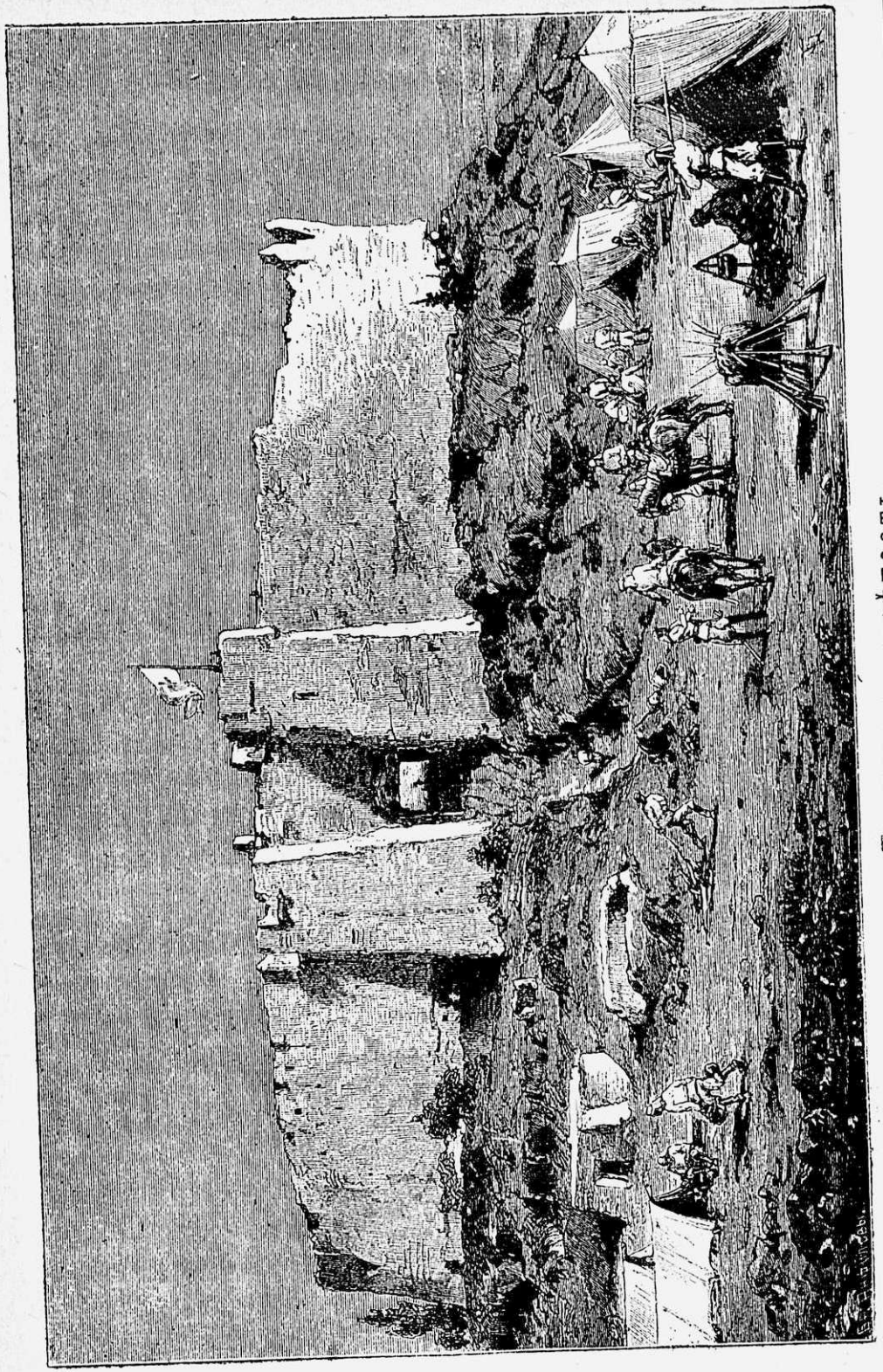
— Соль? Зачѣмъ же такъ много?

— Чтобы кабановъ солить, ваше благородіе!

Вотъ было тутъ смѣху! Кабаны были — соли не было. Соль есть—кабановъ нѣтъ!

Такъ эта послѣдняя охота была неудачна, ничего не убили. Правда, дичи много было, да охотничьихъ ружей никто не взялъ съ собою, ну, а изъ Берданки пулей въ птицу стрѣлять и не думай. Все равно, не убьешь.

Это была наша послѣдняя охота, потому что, какъ отошли далеко за Келятэ, такъ ѣхать каждый разъ времени не было. Скоро уже къ укрѣпленію Геокъ-Тепе подходить начали. Геокъ-Тепе — это самая главная бывшая текинская крѣпость; та самая, которую покойный генералъ Скобелевъ, въ 1881 году, штурмомъ взялъ. Теперь эта крѣпость развалена, а прежде, когда-то, очень сильная была. А въ восьми верстахъ отъ этой крѣпости русское укрѣпленіе стоитъ, тоже Геокъ-Тепэ называется. Небольшое такое: не то—городъ, не то—деревня, а скорѣе на деревню похоже. Скука тамъ страшная; народу живетъ самая малость: нѣсколько лавочниковъ армянъ, да грузинъ и двѣ роты 2-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона со штабомъ,—вотъ и все. Есть маленькая деревянная церковь, да такая, если

Текинская крѣпость.

1838

войдетъ 30 человѣкъ, такъ и тѣсно. А все, какое ни-на-есть, маленькое укрѣпленіе, а школа для дѣтей есть и учитель тоже. Въ четырехъ же верстахъ отъ этого укрѣпленія, къ старой текинской крѣпости поближе, аулъ текинскій стоитъ, да большой такой, самый большій изъ всѣхъ, что мы видѣли. Какой ни-на-есть аулъ текинскій, а все повеселѣе русскаго укрѣпленія будетъ. Потому что тамъ и зелени побольше, весь аулъ въ садахъ, да и климатъ получше,—онъ повыше стоитъ, почти на горбу, и лихорадокъ почти нѣтъ. А русское укрѣпленіе въ ямѣ стоитъ; ну, и лихорадки же страшныя бываютъ! Какъ только пріѣдетъ свѣжій человѣкъ—сейчасъ же и заболѣетъ лихорадкою, а въ текинскомъ аулѣ этого нѣтъ. Да кромѣ того, жители этого аула теперь не кочуютъ, а потому у нихъ не только кибитки одни, а и мазанки есть,—небольшіе такіе глиняные домики. Въ этомъ аулѣ мы впервые текинскую школу увидѣли. Идемъ, какъ-то, мы по аулу, слышимъ шумъ и дѣтскій крикъ около какой-то мазанки; смотримъ, а около нея цѣлая куча ребятишекъ сидитъ и книжки читаютъ, да громко такъ, а старикъ какой-то имъ показываетъ.

— Это школа наша,—говорятъ намъ текинцы,—старикъ—это учитель.

Такъ-то, братцы мои, вотъ, и дикари эти текинцы, и у нихъ школы свои есть, всѣхъ дѣтей учатъ. Такъ, что тамъ каждый человѣкъ—грамотный. А грамотѣ учатъ тамъ затѣмъ, чтобы всякій могъ разумѣть Слово Божіе, да чтобы самъ съумѣлъ Коранъ прочесть, да письмо прочитать. А пойди-ка въ нашу деревню: много-ли найдешь тамъ грамотныхъ? А тамъ, у текин-

цевъ, всякій мальчикъ и дѣвочка учатся. Лѣтомъ, онъ, либо скотъ пасетъ, либо отцу или матери помогаетъ, а зимою въ школѣ учится. Учителю жалованье платятъ цѣлымъ міромъ. Кто дастъ денегъ, кто—хлѣба, кто—ячменю, а кто—сѣна. А за всѣмъ этимъ, чтобы исправно платили учителю жалованье слѣдитъ старшина.

Только, аулъ и русское укрѣпленіе стоятъ не около желѣзной дороги. Русское укрѣпленіе въ восьми верстахъ, а текинскій аулъ въ четырехъ верстахъ. Желѣзная дорога проходитъ около самыхъ стѣнъ бывшей крѣпости. Крѣпость же не такая, какъ у насъ. У насъ: либо башни каменныя, либо валы земляные,— а все больше земляныя насыпи. А тамъ: крѣпость четырехъугольная и кругомъ высокая стѣна глинобитная, да высокая такая, сажени двѣ вышиною и толстая, а вокругъ насыпи ровъ снаружи, сажень глубиною и полторы сажени шириною. Внутри крѣпости текинское кладбище находится. Тамъ похоронены убитые при штурмѣ Геокъ-Тепэ, а снаружи, по правую сторону полотна желѣзной дороги—русское кладбище, гдѣ русскіе офицеры и солдаты похоронены,—и большое такое кладбище это. Не дешево досталось намъ завоеваніе текинцевъ; а какъ мы ихъ завоевали, я сейчасъ вамъ разскажу.

VII.

Завоеваніе текинцевъ. — Экспедиціи генераловъ: Лазарева, Ломакина, Скобелева.—Текинскія крѣпости.—Сторожевыя башни.—Штурмъ Геокъ-Тепэ.—Изъявленіе текинцами покорности.—Присоединеніе Мерва.

Вотъ, я разсказалъ вамъ, братцы мои, какая такая Закаспійская область, какая тамъ земля плохая, да воды и лѣсу нѣтъ, пески одни, какъ жить тамъ народу, да хлѣбъ себѣ добывать трудно. «Такъ на что же сдалась намъ эта область, эти пески, да текинцы, когда проку съ нихъ нѣтъ никакого?» — спросите вы. А вотъ, я вамъ и это разскажу сейчасъ.

Если бы текинцы сидѣли себѣ смирно, никого не трогали бы, да не обижали, а сами себѣ хлѣбъ добывали, тогда никто ихъ и не трогалъ бы. А то, вѣдь, они смирно сидѣть не умѣли, а все разбойничали, да сосѣдей грабили. То—на персовъ нападутъ, то—на хивинцевъ, то—на бухарцевъ; и жили, себѣ, грабежами. Солоно приходилось отъ нихъ ихнимъ сосѣдямъ, а ничего подѣлать они не могли. Никто не рѣшался пуститься въ ихъ пески сыпучіе, непроходимые. Но, все-жъ, нѣкоторые себѣ, хотя и маленькую, защиту имѣли. Персовъ защищало ихнее персидское войско, бухарцевъ—ихнее, бухарское. Ну, а кому же защищать хивинцевъ, да киргизовъ, какъ не намъ? Вѣдь они наши, русскіе подданные, а имъ отъ текинцевъ, просто, житья не было. Трудится, бывало, это, трудится бѣдный человѣкъ, собьетъ копѣйку небольшую, купитъ себѣ коровку, аль лошадку,—придетъ текинецъ и уго-

нитъ, да еще и самаго въ неволю заберетъ. Закуетъ въ цѣпи желѣзныя, да и заставляетъ тяжелыя работы дѣлать. Нужно же было за нихъ заступиться. Вотъ, пробовали сперва добрыми словами, да лаской уговаривать, чтобы мирно жили, да никого не обижали. Такъ, гдѣ тутъ!—еще пуще прежняго разбойничали. Видятъ, что слова тутъ не помогаютъ: силу, значитъ, употребить надо,—покорить ихъ, подчинить своей власти, своимъ законамъ, тогда и смирно сидѣть будутъ. Вотъ, съ того и послали туда наши войска. Только не дешево стоило намъ ихъ покореніе. Не мало денегъ потратили, да и народу легло не мало.

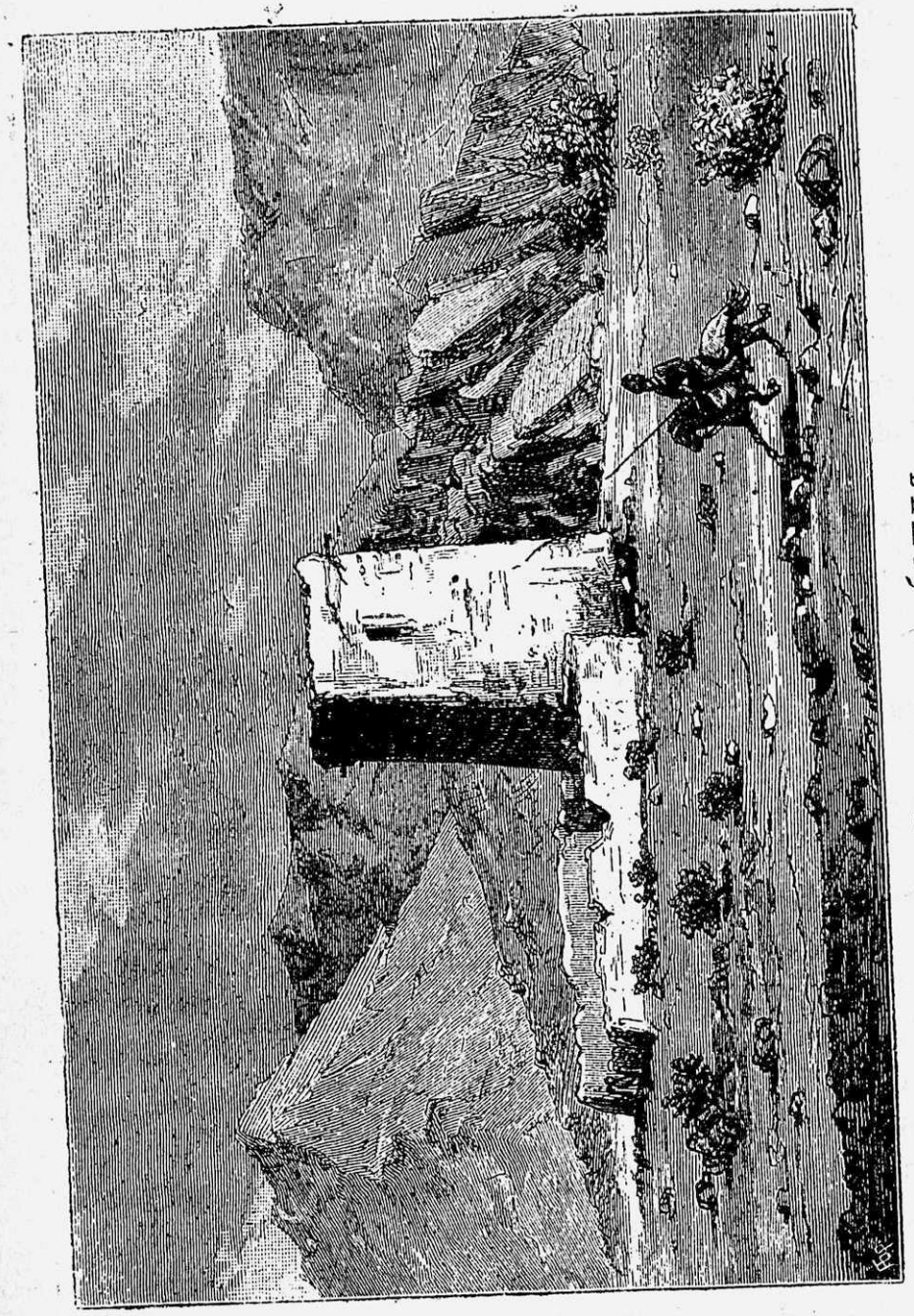
Первый разъ отправили войска въ 1869 году.

Небольшой русскій отрядъ высадился на восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ Красноводскомъ заливѣ, и основалъ тамъ поселеніе, которое обратилось потомъ въ городъ Красноводскъ. По этому берегу кочевали мирные туркмены, которые пасли стада, да занимались скотоводствомъ, а текинцы частенько ихъ обижали. Вотъ, какъ высадились русскіе, такъ перво-на-перво и начали ихъ защищать. Ну, текинцы и бросили ихъ на время, а персовъ, хивинцевъ, да бухарцевъ грабили по прежнему. Для того, чтобы усмирить ихъ, да покорить совсѣмъ, мало было разбить одну или двѣ шайки, а нужно было пройдти во внутрь самой страны, обезоружить ихъ, крѣпости разрушить, да занять всю область войсками. А это и трудно было сдѣлать. Трудно потому, что отрядъ былъ очень маленькій, артиллеріи очень мало, что, какъ зайдешь внутрь, а тутъ со всѣхъ сторонъ окружатъ, а ихъ, вѣдь, около полумилліона, и вооружены всѣ они отъ мала до велика.

Подбавили немного войска, пробовали, ничего не помогаетъ. Потому, чтобы отъ Красноводска добраться до ихъ крѣпостей и кочевокъ, нужно было пройти 101 версту по безводной, песчаной пустынѣ. Лѣтомъ—жара страшная, какъ въ аду, до 60-ти градусовъ доходитъ, ну, а народъ-то нашъ непривычный. Въ пескѣ-то, безъ воды, да въ жару этакую болѣютъ. Не успѣлъ отрядъ черезъ пустыню пройти, анъ, глядь,—половины солдатъ какъ не бывало: кто въ госпиталѣ, а кто и на тотъ свѣтъ отправился; ну, гдѣ тутъ съ горсточкою воевать идти? Текинцы у себя, дома, всѣ ходы и выходы знаютъ, а ты, какъ въ лѣсу. Къ тому же, они и родились тамъ и выросли, къ климату тамошнему привыкли, а нашъ солдатъ—нѣтъ. А то, что мы еще дѣлали. Идетъ, идетъ отрядъ 101 версту черезъ безводную, песчаную пустынь, отъ жажды изнемогаетъ, добрался до ихъ земли, ну, и слава Богу,—думаютъ,—здѣсь вода есть! Не тутъ-то было! Они колодцы позасыпятъ, арыки поотведутъ—и нѣтъ воды! Что тутъ подѣлаешь?! А тутъ еще и со скотиною трудно. Если отряду выступать въ такую дальнюю дорогу, то и обозъ съ собою имѣть необходимо надо, чтобы лазаретъ везти на чемъ, и патроны, и продукты, и всякую всячину. На лошадяхъ-то трудно,—лошадь не привыкла по пескамъ тяжести возить; верблюда нужно, это, какъ разъ, степная скотина,—не даромъ же его «кораблемъ пустыни» называютъ. А верблюдовъ головъ тысячъ пятнадцать нужно было. Да гдѣ ихъ взять-то столько? Изъ Бухары—нельзя, потому что непріятелемъ отрѣзана; изъ Персіи—тоже, потому что тамъ на нихъ не ѣздятъ; оставались однѣ только киргизскія степи. Да такъ много оттуда достать нельзя

ни за какія деньги; да и степи-то эти далеко; покаместь ихъ пригонятъ, такъ дорогою передохнетъ сколько! Мучатся, мучатся, да такъ, вмѣсто 15-ти тысячъ головъ только половину и достанутъ. А какъ пойдутъ въ походъ, такъ и тѣ на дорогѣ дохнутъ, хоть съ полъ-пути назадъ во свояси возвращайся. Скверно было воевать лѣтомъ, а зимою и еще того хуже, —почти невозможно. Потому что, какъ ударитъ сильный морозъ, да замерзнутъ берега Каспійскаго моря, такъ и кончено, нельзя подвозить ни провіанта, ни фуража, ни боевыхъ припасовъ. Ну, какъ тутъ въ походъ безъ патроновъ пойти? Никакъ невозможно! Оставались только весна, да осень. Весна слишкомъ короткая, а осенью, какъ пойдутъ дожди, да ливни,—а земля-то глинистая,—такъ такое море жидкой грязи сдѣлается, что и ноги не вытащишь, а верблюды — такъ, просто, ходить не могутъ: падаютъ. Пробовалъ-было генералъ Лазаревъ внутрь пробраться, дошелъ въ 1871 году до Кизиль-Арвата (это первая ихняя крѣпость), разрушилъ его, да долженъ былъ назадъ воротиться, потому что солдатъ осталось мало, а боевыхъ и жизненныхъ припасовъ и того еще меньше. Такъ и нельзя было въ глубь проникнуть, а потому только и дѣлали то, что туркменъ, живущихъ около Красноводска, защищали. Такъ длилось до 1876 года. А какъ умеръ генералъ Лазаревъ, да пріѣхалъ генералъ Ломакинъ, такъ еще войска прислали. Тѣ войска высадились уже въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько пониже, въ Чикишлярѣ, потому что оттуда къ текинцамъ легче пробраться было, оттуда только $37^1/_2$ верстъ по пустынѣ безводной пришлось идти. Да изъ этого толку вышло мало, потому что артиллеріи было немного, верблюдовъ—тоже, а самихъ текинцевъ въ 50 разъ больше, чѣмъ нашихъ войскъ.

Мало того, что непріятеля много было, да и крѣпостей не мало, всюду поразбросаны, сколько я помню, такъ вотъ сколько: Кизиль-Арватъ, Коджъ, Бами, Арчманъ, Беурма, Бехарденъ, Келятэ, Геокъ-Тепе, Янги-Кала, Кинчякъ, Мирава, Актезапакъ, Денгиль-Тепэ, Баба-Кала, Верды-Кала, Безмеинъ, Каши, Асхабадъ, Анау, Гяурсъ, Баба-Дурмазъ, Артыкъ и Каахка. А сколько другихъ, поменьше, такъ тѣхъ всѣхъ и не упомнишь. Крѣпости съ виду и не важныя, а пойди, такъ небойсь, ничего съ нею не подѣлаешь; наши снаряды и до половины толщины стѣнки не доходили. Крѣпости у нихъ строились такъ: отгородятъ большой четвероугольный кусокъ земли и начнутъ вокругъ него стѣну муравить. Стѣны изъ саманнаго кирпича складывали. Саманный кирпичъ—это кирпичъ, сдѣланный изъ глины съ примѣсью травы—самана; это для того, чтобы онъ крѣпче былъ. Когда вымуруютъ изъ такого кирпича стѣну, тогда обмазываютъ ее толсто-на-толсто глиною и даютъ ей высохнуть на солнцѣ, а какъ высохнетъ, такъ она твердая, какъ камень дѣлается; только она лучше камня. Потому что, если стрѣлять бомбою по камню, такъ онъ разлетается на куски, а засохшая глина — нѣтъ. При самомъ основаніи эти стѣны очень толстыя, до $2^1/_2$ и даже до 3-хъ саженей доходятъ, а кверху все съуживаются, такъ что на самомъ верху 2 аршина толщина, а высота стѣны около 3-хъ саженей. Внутри крѣпости къ стѣнѣ присыпка сдѣлана, вродѣ банкета, чтобы можно было стоять на ней и стрѣлять, либо поверхъ стѣны, либо черезъ бойницы,

Текинская башня.

1687

а подъ присыпкою жилыя помѣщенія дѣлались, что у насъ блиндажи. А на банкетѣ, черезъ каждые 5 саженъ, траверсы насыпались, для защиты отъ бокового огня. Снаружи же, кругомъ стѣны выкапывался ровъ, глубиною въ одну сажень, а шириною въ $2^1/_2$ сажени, только бермы тамъ не было. Такъ какъ крѣпости четырехъ-угольныя были, то, значитъ, у каждой по четыре фронта, а на каждомъ фронтѣ ворота дѣлали и траверсами ихъ прикрывали. По угламъ крѣпости башеньки маленькія дѣлались, которые впередъ немного выставлялись. Это для того, чтобы пространство около стѣны можно было обстрѣливать, когда непріятель подойдетъ вплотную.

Внутри этой крѣпости другая дѣлалась, такая же, только поменьше и чуточку стѣны ниже, тоже со рвомъ. Это цитадель ихняя. Вслучаѣ, дескать, крѣпость возьмутъ, такъ въ цитадели защищаться можно будетъ. Внутри цитадели много мазанокъ глиняныхъ было построено; въ этихъ мазанкахъ провіантъ хранили, порохъ и другіе припасы, а то, еще ямы выкапывались вмѣсто интендантскихъ складовъ.

Въ крѣпости эти собирался весь народъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и со скотомъ, на случай войны, когда ожидали нападенія, а такъ, въ остальное время, крѣпости оставались пустыми и тамъ содержался только маленькій караулъ, который, въ случаѣ чего, и долженъ былъ починять ихъ. Кромѣ этихъ крѣпостей, по степи понастроено много сторожевыхъ башенокъ. Сторожевые башенки строились тоже изъ глины, не высокія, не больше сажени вышиною. Подъѣдетъ, бывало, текинецъ къ ней, коня стреножитъ, задастъ ему корму, а самъ

вскарабкается на нее, сидитъ, да кругомъ посматриваетъ: не увидитъ-ли чего подозрительнаго? А какъ увидѣлъ, съ башни долой, на коня, да прямо въ крѣпость. На эти посты, обыкновенно, мальчишки назначались.

Вотъ, съ такими-то крѣпостями нашимъ войскамъ приходилось дѣло имѣть. Осадныхъ орудій не было, потому что пушку въ 300 или 400 пудовъ по песку тащить было невозможно, верблюды и лошади насилу полевыя орудія вытаскивали, а полевыя—стѣны и до половины пробивать не могли; приходилось стрѣлять навѣснымъ огнемъ, а это было трудно, потому что мортиръ не было.

Не смотря на это, все-таки на этотъ разъ нашимъ войскамъ удалось пробраться дальше. Они дошли до Бами, разрушили крѣпость и подошли къ стѣнамъ Геокъ-Тепэ. Попробовали было атаковать и эту крѣпость, да чуть сами не поплатились. Нашихъ въ походъ выступило не болѣе какъ тысячъ пять, а пока до Геокъ-Тепэ дошли, то и четырехъ тысячъ въ строю уже не было, а текинцевъ тысячъ сто высыпало. Дѣлать было нечего, пришлось отступать. Да за то, слава Богу, что отступить удалось, что хотя непріятель не преслѣдовалъ, а то, и тѣ четыре тысячи, навѣрно, погибли бы. А не преслѣдовали текинцы потому, что увидѣли, какъ русскіе медленно, не торопясь, отступаютъ въ порядкѣ—и побоялись. Имъ и не въ домёкъ было, что отступаютъ потому, что одному человѣку противъ 25-ти бороться нельзя! «Если бы они уходили,—думалось имъ,—такъ не такъ бы медленно, а то, видно, они въ засаду насъ заманиваютъ!» Ну, и не

рѣшились потому идти за нами. А будь, на несчастье, въ нашемъ отрядѣ безпорядокъ—кончено, погибли бы всѣ!

Такъ тянулись дѣла до 1880 года, пока къ отряду не прибылъ и не принялъ начальства покойный генералъ Скобелевъ.

Какъ только прибылъ генералъ Скобелевъ, онъ сейчасъ же распорядился о томъ, чтобы составить обозъ и полный санитарный составъ, для чего и разослалъ, куда только можно было, агентовъ для закупки верблюдовъ. Генералъ прибылъ весною, а транспортъ и обозъ кое-какъ сколотили только къ осени, такъ что цѣлое лѣто войска отдыхали. Да и то, вмѣсто того, чтобы купить и нанять 15 тысячъ верблюдовъ, едва-едва достали восемь тысячъ, а отъ прошедшихъ экспедицій осталось только тысяча головъ, да и изъ нихъ половина были не годны совсѣмъ, а половина—больные и слабосильные. Но, дѣлать было нечего, пришлось довольствоваться тѣмъ, что есть.

Вотъ, съ такими-то средствами, осенью 1880 года, выступилъ изъ Чикишляра небольшой двадцати-пяти тысячный отрядъ, направляясь къ стѣнамъ Геокъ-Тепэ, куда собрались всѣ жители изъ всей Закаспійской области. Жутко было отряду проходить $37^1/_2$ верстъ безводною песчаною пустынею, но еще труднѣе пришлось ему, когда, переваливъ черезъ горы, онъ вступилъ въ полосу земли, обитаемой текинцами и теперь совершенно покинутой. Цѣлыми днями шли сильные дожди, а земля глинистая и обращалась въ такую грязь, что не только артиллерія и санитарныя фуры вязли въ ней и вытащить ихъ было невозможно, но

даже и одиночные люди съ трудомъ передвигали ноги, потому что грязь налипала на нихъ пудами. А тутъ, какъ на зло, ни за какія деньги, поблизости, нельзя было достать фуража для животныхъ, а пока подвезутъ со стороны, то верблюды и лошади падали и дохли; такимъ образомъ, тѣ вьюки, что были на нихъ съ провіантомъ и патронами, приходилось бросать на дорогѣ. Чѣмъ чаще дохли верблюды и лошади, тѣмъ болѣе уменьшались жизненные припасы и войскамъ приходилось идти въ проголодь. На четырнадцатый день похода, верблюдовъ и узнать нельзя было: вмѣсто горбовъ, на спинахъ у нихъ зіяли черныя раны, наполненныя гноемъ и кровью. Несчастныя животныя падали отъ изнеможенія. Чтобы поднять упавшаго верблюда и заставить его идти дальше, приходилось, подчасъ, прибѣгать къ безчеловѣчнымъ средствамъ. Возьмутъ, бывало, солдатики, наберутъ сухаго степнаго ковыля, обложутъ имъ верблюда и подожгутъ его. У самого-то сердце кровью обливается, жалко вѣдь животнаго, вѣдь тоже Божья тварь, да дѣлать было нечего. «Авось, хоть огонь заставитъ встать!»—думали. И что же: верблюдъ сдыхалъ, а дальше не шелъ. Вотъ, какое положеніе было отряда! Кажется, кромѣ гибели, ничего нельзя было ожидать! А все-таки солдаты и офицеры не унывали, бодро шли къ стѣнамъ грозной крѣпости Геокъ-Тепэ. Они знали, что съ ними генералъ Скобелевъ, ну, значитъ, и побѣда будетъ на ихъ сторонѣ.

— Плевна посильнѣе была,—говорили они промежъ себя,—да и ту взялъ, а Геокъ-Тепэ—что?—тьфу! Онъ, чортъ знаетъ, что возьметъ!

И такъ, брели себѣ они, да брели и себя подбодривали. А сколько мелкихъ стычекъ на пути было, того и не перечтешь. Идетъ, бывало, себѣ колонна по дорогѣ, ночь, на дворѣ темно, хоть глазъ выколи,—тамошнія ночи очень темныя бываютъ, а съ боку джугурма стоитъ высохшая, нескошенная. Идетъ колонна себѣ, да идетъ, а тутъ, откуда ни возьмись, какъ выскочитъ изъ джугурмы этой сотня, другая текинцевъ, съ крикомъ, шумомъ, да гиканьемъ, да ударитъ въ шашки, надѣлаетъ переполоху—и была такова. А тутъ, только убитыхъ, да раненыхъ подбирай.

Вотъ такъ, наконецъ, къ первымъ числамъ ноября добрались-таки и до самой крѣпости Геокъ-Тепэ, остановились отъ нея въ полутораверстѣ, начали ложементы рыть, да траншеи копать. Штурмомъ-то лѣзть никакъ нельзя было, потому что, окромя рва, стѣны высокія, отвѣсныя, да гладкія, ну, какъ ты на нихъ взберешься. Нужно было сперва обвалъ, или брешь сдѣлать, а потомъ уже и на штурмъ идти. Вотъ, потому и окопались сперва, да и начали бомбардировать. Такъ, что же вы думаете?—наши гранаты мало вреда приносили ихъ стѣнамъ, такія они крѣпкія были, да и текинцы не зѣвали, намъ отвѣчали. Откуда-то двѣ пушки себѣ добыли, да и ну, палить по насъ; да только, одну у нихъ скоро разорвало, а другая все-таки дѣйствовала. А ружья-то ихъ треклятыя такія: съ виду не казистыя, совсѣмъ ничего не стоющія, а поди, какъ стрѣляютъ! Пуля на двѣ версты беретъ. Да и стрѣлки же они хорошіе: ужь коли только прицѣлился, такъ зарядъ у него даромъ не пропадетъ,—непремѣнно человѣка сниметъ. Небойсь, цѣну пороху знаютъ, даромъ

на вѣтеръ его тратить не станутъ. И въ рукопашной схваткѣ они, куда какъ хороши, одно слово—молодцы, не туркамъ чета, хотя и тѣ народъ храбрый. Въ атаку они всегда пѣшкомъ идутъ и всегда только съ шашками одними. И шашка-то у него простенькая съ виду, будто желѣзянка какая, а стволъ съ цѣвьемъ пополамъ рубитъ.

Соберется ихъ, бывало, шайка тысячи въ двѣ, въ три, сдѣлаютъ вылазку, да и ну — на наши ложементы! А съ другой стороны другая. Спервоначала тихо идутъ, по нимъ залпы дѣлаютъ, а они, все себѣ, идутъ, да идутъ, а какъ подойдутъ близко, какъ подбросятъ шапки вверхъ, да крикнутъ «алла»—и прямо въ русскіе ложементы, — и пойдетъ тутъ потѣха! Отобьютъ ихъ атаку, бывало, прогонятъ, да за то, и нашимъ не дешево она обойдется. Каждый разъ послѣ такой атаки въ ложементахъ кладбище остается.

Бомбардировали, бомбардировали Геокъ-Тепэ, — видитъ генералъ Скобелевъ, что такъ ничего не подѣлаешь,—приказалъ мины подводить, а потому начали подъ землею корридоръ дѣлать, чтобы по этому корридору незамѣтно бочки съ порохомъ подкатить къ самымъ стѣнамъ, а потомъ порохъ зажечь, такъ и стѣны на воздухъ полетятъ, справляться съ ними тогда, куда какъ легче будетъ. Минный корридоръ этотъ (иначе еще «минной галлереей» называется) приказано было военному инженеру, капитану Маслову, дѣлать. Ну, и начали минную галлерею эту рыть. Долго ее рыли; вѣдь, трудно было полторы версты подъ землею прокопать—не шутка! Наконецъ, вырыли.

Къ 11-му января 1881 года галлерея была готова

и бочки съ порохомъ подложены подъ стѣны,—поджечь только оставалось.

Но Скобелевъ, для того, чтобы больше напугать текинцевъ, приказалъ ночью, наканунѣ 12-го января, сдѣлать, по сосѣдству, другой взрывъ динамитомъ, а для того, чтобы это было поскорѣе, то приказано было взять пуда три динамита, спуститься въ непріятельскій ровъ, надѣлать въ стѣнѣ каморы, зарядить ихъ и взорвать. Охотниками произвести взрывъ вызвались поручикъ 1-го Закаспійскаго желѣзно-дорожнаго баталіона Остолоповъ, съ десятью нижними чинами того же баталіона, и гардемаринъ *) Каспійскаго экипажа Майеръ, съ четырнадцатью матросами. Ночь была темная, зги не видать; они захватили съ собою динамитъ и ползкомъ направились ко рву; долѣзли, спустились и начали выдѣлывать въ стѣнѣ каморы. А для того, чтобы тихо было и текинцы не услышали стука, каморы выдѣлывались стамесками, хотя это и трудно было. Но текинцы все-таки стукъ услышали и подумали, что русскіе подъ ихъ стѣну подкопъ дѣлаютъ, а потомъ будутъ влѣзать по одиночкѣ, поэтому, они не стали мѣшать, а собрались на томъ мѣстѣ, гдѣ слышенъ былъ стукъ, около тысячи человѣкъ.

«Стучите себѣ, стучите, — думали они, — а какъ влѣзать начнете, такъ мы васъ будемъ укладывать по одиночкѣ».

Они и не знали того, что есть такая штука, какъ динамитъ. А минеры, тѣмъ временемъ, подѣлали каморы, зарядили ихъ и зажгли фитили. Минуты черезъ

*) «Гардемаринъ», по пѣхотному, значитъ «подпрапорщикъ».

двѣ, съ оглушительнымъ трескомъ, вылетѣли цѣлыя глыбы земли на воздухъ и понесли съ собою цѣлыя тысячи человѣкъ, а въ крѣпости произошелъ страшный переполохъ. При взрывѣ чуть-чуть не поплатился и Майеръ: онъ не успѣлъ выскочить изо рва, какъ его подбросило на воздухъ; но только онъ отдѣлался ушибами. Послѣ этого взрыва, текинцы не рѣшились нападать на русскихъ и сами цѣлую ночь не спали, такъ что къ утру поизмаялись порядкомъ. А утромъ сдѣлали новый взрывъ: подожгли тотъ порохъ, что былъ въ минной галлереѣ, а его было пудовъ пятьдесятъ. Вотъ тутъ, что только было—одинъ Богъ вѣдаетъ! Стѣны—какъ не бывало, а людей полетѣло на воздухъ видимо-невидимо. Въ крѣпости поднялся шумъ, гамъ, крикъ и плачъ, а наши войска, тѣмъ временемъ, ворвались черезъ обвалъ въ крѣпость—и пошла тутъ штыковая работа. Кровь лилась цѣлыми ручьями, въ лужахъ крови плавали умирающія женщины, дѣти и животные. Люди остервенились; дрались не только мужчины и женщины, но даже и дѣти. Каждую кибитку, каждую канавку приходилось брать приступомъ. Но черезъ нѣсколько минутъ все смолкло и на стѣнахъ взвилось русское знамя. Текинцы всѣ бѣжали въ Асхабадъ, а черезъ нѣсколько дней, когда увидѣли, что бороться съ русскими трудно, посовѣтовались между собою и изъявили покорность Русскому Царю.

Вотъ, съ тѣхъ поръ, они и сдѣлались нашими. Нашъ Царь позволилъ имъ поселиться на прежнихъ мѣстахъ, оставилъ имъ ихній судъ и расправу, только про аламаны велѣлъ позабыть, а жить тихо, да мирно. Какъ увидѣли они, что русскіе ихъ не обижаютъ, а

еще защищаютъ, то и понравилось имъ это. «Теперь намъ жить хорошо, — говорятъ текинцы; — если есть одинъ конь, такъ и постоянно будетъ, — никто его не отниметъ, акъ-падишахъ (бѣлый царь) не позволитъ; а то, что прежде? Сегодня отнялъ у другаго, а завтра другой—у тебя,—и такъ никогда ничего нѣтъ».

А если спрашиваютъ ихъ, почему они такъ долго сдаваться не хотѣли, такъ они говорятъ, что не знали, что имъ такъ хорошо житься будетъ, а думали, что Русскіе ихъ въ цѣпи закуютъ, да тяжелыя работы дѣлать заставятъ.

Такъ, въ 1881 году, были покорены текинцы вплоть до самаго Гяурса (на 500 верстъ), а въ Мервѣ жили жители по прежнему: сами разбойничали и ихъ грабили, да только, какъ увидѣли, какъ хорошо текинцамъ жить въ русскомъ подданствѣ, такъ и порѣшили сами просить, чтобы и ихъ къ себѣ принять. Выбрали выборныхъ отъ себя, да уже въ 1884 году послали ихъ въ Асхабадъ, къ генералу Комарову, съ просьбою. Тѣ пришли и говорятъ: «земля наша велика и обильна, да порядку у насъ мало, такъ примите и насъ къ себѣ». Ихъ сейчасъ же привели къ присягѣ, да такъ и присоединили Мервъ къ Россіи безъ всякаго кровопролитія.

2327 Петръ Степановъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ.

Кн. 5. Вып. X. 1888 г.

1912 Памятникъ Богдану Хмельницкому.

бенности малороссъ, долженъ знать имя гетмана и исторію присоединенія Украйны къ Русскому царству и помнить, какую великую заслугу оказалъ въ этомъ дѣлѣ Богданъ Хмельницкій.

Воздвигнутый нынѣ памятникъ представляетъ Хмельницкаго верхомъ на степномъ конѣ, указывающимъ булавою на сѣверъ—на Москву. Подножіемъ памятнику служитъ скала, сложенная изъ груды камней. На лицевой сторонѣ, вверху скалы, выбиты слова, произнесенныя казаками на сходкѣ передъ бояриномъ Бутурлинымъ: «*Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго*», а сбоку изображено: «Богдану Хмельницкому—единая недѣлимая Россія».

Въ Закаспійскую степь на работу.

(Посвящается бывшимъ товарищамъ-солдатамъ).

(Окончаніе *).

VIII.

Безмеинъ.— Каши.— Асхабадъ.— Парадъ.— Молебенъ.— Праздникъ.— Отдыхъ.— Опять на работу. — Анау. — Анаусская мечеть и крѣпость Гяурсъ.—Баба-Дурмазъ.—Артыкъ.— Каакха. — Парадъ. — Солдатскія пѣсни. — Мервъ.

Въ Геокъ-Тепэ мы пришли 16-го ноября, да два дня отдыхали, потому, иначе никакъ нельзя было,

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чтеніе для Солд.» сего года.

почитай, мѣсяцевъ съ 5 въ банѣ не были, вши такъ кишмя и кишатъ, а тѣло такъ и чешется, а тутъ, въ укрѣпленіи, кстати, и баня была, ну, и попарились хорошенько. Работу, значитъ, мы начали 18-го ноября, до Асхабада 40 верстъ сдѣлать оставалось, а къ 1-му декабря мы, во что бы то ни стало, до Асхабада должны были добраться. Ну, и поналегли на работу, кстати, и погодка выпала такая теплая, да хорошая,—и не холодно, и не жарко, и воды вдоволь; вотъ, и подвигаемся все дальше и дальше. Кипитъ работа, только паръ столбомъ валитъ. Скоро и въ Безмеинъ пришли,—аулъ такой, что на 21-й верстѣ отъ Асхабада. Ну, братцы мои, до сихъ поръ и не видывали такого аула! Все равно, что будто-бы у себя дома, въ Россіи, или Малороссіи зашелъ куда,—все сады, да сады и огороды, а кругомъ лужайки такъ и зеленѣютъ свѣжею травкой, даромъ, что осень глубокая,—вотъ-вотъ зима прійдетъ, а на дворѣ тепло, да хорошо такъ: въ однихъ мундирахъ работали. И радостно было такъ на аулъ этотъ взглянуть: онъ намъ просто раемъ земнымъ показался послѣ того, что мы до сихъ поръ видѣли. Да жаль, что отдыхать здѣсь нельзя было: все дальше и дальше шли, по праздникамъ не отдыхали, а все работали,—больно ужъ торопились. Да и то сказать, всякому хотѣлось добраться до Асхабада, да отдохнуть тамъ вдоволь. А Асхабадъ—это главный городъ такой въ области. Такъ тамъ, какъ бы сказать, у насъ, въ губерніи, губернскій городъ. «Посмотримъ, что за Асхабадъ такой?» — говорили солдатики.

Вотъ, и Безмеинъ миновали, тамъ станцію устроили, дальше идемъ; къ Каши подошли, а отсюда до Асхабада

близко, рукой подать: всего-то $4^1/_2$ версты будетъ. Вечеромъ, такъ даже огни асхабадскіе видны. Всякаго нетерпѣніе брало, какъ бы поскорѣе въ городъ попасть. Наконецъ, къ вечеру и къ Асхабаду подошли. Ну, и встрѣчу же намъ сдѣлали; никогда и никто не забудетъ этой встрѣчи! Еще съ полудня, около станціи, народъ цѣлыми массами сталъ собираться; аналой вынесли и все къ молебну приготовили, а къ вечеру и войска всѣ, какія только были въ Асхабадѣ, повыстроились вдоль полотна, артиллерія на горкѣ стала, и поджидать начали, пока послѣднюю рельсу приколотятъ, да поѣздъ прійдетъ.

Уже стемнѣло, когда раздался свистокъ паровоза, и поѣздъ (нашъ, жилой), увѣшанный флагами, тихотихо началъ подходить къ станціи. На паровозѣ стояли самъ генералъ Анненковъ и командиръ баталіона, а около поѣзда офицеры и солдаты шли. Не успѣлъ только поѣздъ показаться, какъ музыка заиграла «Боже, Царя храни», артиллерія начала стрѣлять залпами, а народъ кричать «ура». И собралось же народу—видимо-невидимо!

Подошелъ поѣздъ и остановился. А тутъ все и къ молебну было готово, и священники ожидали. Облачились священники и начали служить молебенъ. Тепло молились солдатскія головушки, прося у Бога помощи и поддержки. Какъ дѣло сдѣлали, а еще половина оставалось. Сколько трудностей, тягостей, да невзгодъ вынесли, а сколько еще впереди предстояло,—зима еще не настала! Кончился молебенъ; на дворѣ уже совсѣмъ темно было, а тутъ уже и столъ на дворѣ накрытъ съ закускою стоитъ. Городскіе жители пришли, солда-

тиковъ угощать начали, чѣмъ Богъ послалъ, ну, и было же тутъ разливное море, а радости-то, радости! Каждый радовался по своему: солдаты радовались, что полъ-дѣла сдѣлали, а жители—тому, что дорога проведена; теперь-то имъ, куда какъ лучше, чѣмъ прежде! Прежде, бывало, пріѣхалъ изъ Россіи, забрался въ Асхабадъ, да и сиди тамъ, потому что отъ Асхабада до Кизиль-Арвата ѣзды шесть сутокъ по жарѣ, да по пескамъ, да и дорогонько-таки, рублей 50 стоитъ. А теперь что? Сегодня утромъ сѣлъ въ вагонъ въ Асхабадѣ, а къ ночи и въ Кизиль-Арватѣ уже, всего 10 часовъ ѣзды; ну, и не дорого при томъ.

Кончилась закуска и разбрелись солдатики, кто—по городу, а кто—и въ гости. Знакомство живо нашли—по солдатски.

А на другой день парадъ былъ. Живо баталіонъ приготовился, подчистился, подтянулся, парадную форму надѣлъ; кирки, да лопаты въ сторону; за ружья взялись и изъ работниковъ опять въ солдатъ превратились. А посмотрѣли бы, какъ на парадѣ церемоніаломъ прошли, какъ будто цѣлый вѣкъ учились, даромъ, что пять мѣсяцевъ и ружья въ рукахъ не держали. Разъ прошли мимо главнокомандующаго, и другой,—похвалилъ насъ, поблагодарилъ, да и домой отпустилъ. Ну, ужъ домой мы съ пѣснями пошли, свою баталіонную затянули, что, намедни, сами сочинили. Вотъ она, наша пѣсенка; называется она:

Закаспійская желѣзная дорога.

Дружно, быстро мы, ребята,
Подвигаемся впередъ,

Лихо отъ Кизиль-Арвата
Баталіонъ второй идетъ.
Наши лагери—укладка,
А вагонъ у насъ—палатка;
Мы среди полей живемъ
И намъ горе ни почемъ.
Стелемъ рельсы мы и шпалы
И чугунку въ степь ведемъ;
Верстъ прошли уже не мало,
Скоро къ Мерву подойдемъ.
Наши лагери—укладка и т. д.
Мы усталости не знаемъ:
Нашъ солдатъ не уставалъ,
На работѣ не зѣваемъ,
Впереди самъ генералъ [1]).
Наши лагери—укладка и т. д. [2]).
То—впередъ летитъ, что, мочи,
То—назадъ спѣшитъ скорѣй,
Онъ съ утра до поздней ночи
На лошадкѣ, на своей.
Наши лагери—укладка и т. д.
И вездѣ онъ поспѣваетъ,
Гдѣ что нужно указать,
Онъ усталости не знаетъ,
Съ нимъ работать—благодать!
Наши лагери—укладка и т. д. [3]).
Самъ онъ дѣломъ управляетъ;
Онъ для насъ—отецъ родной;

[1]) Ген.-адъют. ген.-лейт. Анненковъ.
[2]) Сочинилъ унт.-оф. Харлампій Суворовъ.
[3]) Соч. учт.-оф. Г. Душкинъ.

Никогда не унываетъ
Баталіонъ, за то, второй.
Наши лагери—укладка и т. д. [4]).
Анненковъ «спасибо» скажетъ,
А солдатъ сердечно радъ.
Баталіонъ второй покажетъ,
Гдѣ дорога на Гератъ!
Наши лагери—укладка и т. д.
И въ вагонахъ первоклассныхъ
Полетитъ туда стрѣлой,
Въ креслахъ мягкихъ и прекрасныхъ,
Нашъ афганскій, нашъ герой!
Наши лагери—укладка и т. д.
Комаровъ нашъ, храбрый воинъ,
Покоритель здѣшнихъ странъ [5]),
Какъ дорогу мы достроимъ,
Самъ «спасибо» скажетъ намъ.
Наши лагери—укладка и т. д. [6]).
Чрезъ пески мы проходили,
Знаемъ холодъ, вьюгу, зной,
Но себя не посрамили:
Командиръ у насъ лихой! [7]).
Наши лагери—укладка и т. д. [8]).
Командиръ четвертой роты [9]),—
Ему слава и почетъ,—

[4]) Соч. Харламній Суворовъ.
[5]) Командующій войсками Закаспійской обл., ген.-лейт. Комаровъ.
[6]) Соч. Душкинъ.
[7]) Генер. штаба полковникъ М. С. Андреевъ.
[8]) Соч. Суворовъ.
[9]) Шт.-кап. Бѣляевъ.

Производитъ всѣ работы,—
Какъ по маслу все идетъ.
Наши лагери—укладка и т. д. [10]).
Мы работаемъ, вѣдь, дружно
Ломомъ, киркой, молоткомъ,
А какъ только будетъ нужно—
Поработаемъ штыкомъ!
Наши лагери—укладка и т. д. [11]).
Ну, дружнѣе же, ребята,
Не жалѣйте же вашъ трудъ.
Эти рельсы азіатамъ
Просвѣщенье принесутъ.
Наши лагери—укладка и т. д.
Имъ придется убѣдиться,
Что гдѣ Русскій—тамъ заря,
И начнутъ они молиться
За Россійскаго Царя!
Наши лагери—укладка,
А вагонъ у насъ—палатка.
Мы среди полей живемъ
И намъ горе ни почемъ [12]).

Пропѣли, это, мы свою пѣсенку, понравилась она начальству и приказалъ ее генералъ отпечатать.

А сочинили-то мы ее наканунѣ того дня, когда въ Асхабадъ придти, еще въ «Каши» тогда стояли. Помню, это, окончилась вечеромъ работа, поужинали мы, да и

[10]) Соч. Душкинъ.
[11]) Соч. Суворовъ и Душкинъ.
[12]) Соч. Душкинъ.

разошлись; только, этакъ человѣкъ пятьдесятъ собралось въ вагонѣ у взводнаго унтеръ-офицера одного, Суворова, и начали придумывать, какую-бы такую пѣсенку составить. Ну, и начали составлять, да долго ее составляли, почитай, часовъ до трехъ ночи. Составляли мы ее втихомолку, такъ, чтобы и начальство не знало. «А какъ составимъ,—думали себѣ,—тогда и начальству покажемъ». Да только, по правилу, въ 11 часовъ всѣ огни должны быть погашены, а тутъ, къ 11-ти часамъ, только одинъ куплетъ написали. Что тутъ дѣлать? Слышимъ: ѣдетъ кто-то верхомъ, къ вагону подъѣзжаетъ, а это, дежурный офицеръ увидѣлъ, что въ вагонѣ огонь свѣтится, ну, и поѣхалъ посмотрѣть. Дежурный по ротѣ скорёхонько выбѣжалъ, да и ну, рапортовать на площадкѣ, чтобы офицера въ вагонъ не пустить.

— А что это у тебя, въ вагонѣ, огонь горитъ?— спрашиваетъ офицеръ.

— Дозвольте, ваше благородіе, немного мнѣ кое-что написать надо.

— Ну, ладно!—и поѣхалъ.

Только, слушаемъ, часа черезъ два опять топотъ; дежурный по ротѣ опять выскочилъ, да отрапортовалъ; дежурный офицеръ только удивился, что такъ долго пишетъ тотъ и уѣхалъ.

Черезъ часъ опять пріѣхалъ.

— Да что это такое у васъ, въ вагонѣ, дѣлается; никакъ, пьянство?—и хотѣлъ въ вагонъ войти.

— Не извольте безпокоиться, ваше благородіе, все обстоитъ благополучно, только разрѣшите огонь немного подержать.—А самъ въ дверяхъ стоитъ.

Подумалъ-подумалъ офицеръ, разрѣшилъ и уѣхалъ. А тутъ, скоро, и пѣсенка готова была, а утромъ, какъ пошелъ дежурный по ротѣ съ докладомъ къ дежурному по баталіону и пѣсенку понесъ на чисто переписанную, да и проситъ, чтобы генералу доложить, чтобы онъ послѣ парада пропѣть ее позволилъ.

— Да когда же вы ее смастерили?

— Сегодняшнею ночью, ваше благородіе!

Офицеръ улыбнулся.

— То-то вы, мошенники, и въ вагонъ меня не пускали!

Понравилась наша пѣсенка дежурному, генералу, командиру и всѣмъ господамъ офицерамъ.

Кончился парадъ; намъ отдыхъ дали на цѣлую недѣлю. Разсыпались солдатики по городу. А городокъ Асхабадъ ничего себѣ: самый большой и самый красивый во всей области. Базаръ такой большущій, пребольшущій, и чего только тамъ нѣтъ: и одежда готовая, и сбруя конская, и обувь, и шапки, и матеріи разныя; на базарѣ достать можно все то же, что и у насъ, только дорого; духановъ (трактировъ) тоже не мало, да только пиво и водка очень дороги: бутылка пива 90 копѣекъ стоитъ, а полуштофъ водки 80 копѣекъ, а все отъ того, что далеко привозить надо, ну, а сказано же, что «за моремъ телушка—полушка, да рубль за провозъ». А такія вещи, какія у насъ дороги, такъ тамъ ни по чемъ: бирюза, напримѣръ, это камень такой дорогой, что у насъ въ серьги да въ кольца золотыя вставляютъ, такъ у насъ самый маленькій камешекъ такой, самое меньшее, полтинникъ стоитъ, а тамъ, за полтинникъ, цѣлую пригоршню крупныхъ ку-

пить можно. Такъ дешево стоитъ потому, что въ горахъ тамъ много этой самой бирюзы находятъ. А сердоликъ—такъ просто ни почемъ. Имъ текинцы лошадиную упряжь украшаютъ.

Одно только плохо въ Асхабадѣ, что кабаковъ—видимо-невидимо, а церковь-то только одна. А такъ городокъ ничего себѣ, чистенькій, веселенькій и красивый, нечего себѣ, жить можно, даже и биржа есть; извозчики все парные, да фаэтоны красивые такіе, а извозчики все персы. А жители все разные: русскихъ мало, а то: персы, армяне, грузины и татары, а текинцы въ аулѣ живутъ, тутъ же, неподалеку отъ города; аулъ то же «Асхабадомъ» прозывается, весь въ садахъ стоитъ.

На другой день послѣ парада, скачки были на призы, такія же самыя, какъ и въ Кизиль-Арватѣ 30-го августа. Скакали и гг. офицеры, и казаки, и солдаты, и текинцы. Солдатамъ, такъ и лошадей казенныхъ дали. Послѣ скачекъ еще четыре дня отдохнули, пооплатались, пообмылись, да и опять за работу. Снова застучали молотки, закипѣла работа. Какъ изъ Асхабада выходили, такъ такая жара была, что и въ мундирахъ работать жарко было, а на Николая, 6-го декабря, такъ хоть гимнастерку надѣвай! За то, на другой день, 7-го декабря, какъ выпалъ снѣгъ, да ударилъ морозъ, такъ и въ полушубкахъ душу никакъ согрѣть нельзя было. Думали, можетъ быть, на другой день потеплѣе станетъ. Не тутъ то было: морозъ еще сильнѣе и съ каждымъ днемъ все больше, да больше, до 30-ти градусовъ доходилъ, такъ что птицы замерзали и арыки промерзли до дна,

такъ что и капли воды добыть нельзя было. Вотъ, тутъ и поработай! И вспомнить страшно, что переносить приходилось. Прежде, бывало, раза три ударишь по костылю молоткомъ и загналъ его въ шпалу, а какъ настали морозы, такъ разъ десять, если не больше, ударишь по немъ, пока вколотишь въ дерево; да и какая это работа въ рукавицахъ, на морозѣ. Ну, извѣстно, и подвигались не ахти, какъ шибко. А съ болтами, да гайками что дѣлать приходилось, съ тѣми самыми, что рельсы свинчиваютъ! Для того, чтобы свинтить рельсы, нужно съ болта снять гайку, всунуть его въ рельсы, да и свинчивать гайкою. Ну, а тутъ-то, какъ позамерзли гайки, такъ ихъ сперва на огнѣ отпаривать приходилось. Разложатъ, этакъ, огонекъ, да и набросаютъ въ него болтовъ съ гайками. Какъ тѣ поотогрѣются, тогда ихъ развинчиваютъ и свинчиваютъ рельсы. А вѣдь на это лишнее время нужно. Да и къ тому же, доставка съ моря рельсъ и шпалъ замедлилась, потому что поѣздамъ ходить трудно было. Какъ позамерзли на всѣхъ станціяхъ водокачки, такъ и стоитъ поѣздъ тутъ по нѣсколько часовъ, потому—паровозу никакъ невозможно безъ воды идти. А такъ какъ насосы позамерзнутъ, то и приходится воду ведрами наливать, ну, и уходитъ даромъ время. Воды нальютъ, потомъ нѣсколько часовъ ждать приходится, пока нефти нальютъ. Лѣсовъ въ Закаспійской области нѣтъ, потому и дрова дороги, такъ паровозы нефтью отапливаются. Вотъ, пока наберутъ воды, да нефти, такъ добрыхъ часа четыре времени пройдетъ, а то, и пять. Да на другой станціи тоже такъ прійдется, а тутъ, на мѣстѣ работъ, матеріаловъ не-

хватка, ну, и стоитъ работа, люди только даромъ мерзнутъ.

Мерзнешь, это, мерзнешь цѣлый день на работѣ, на ночь домой прійдешь,—хоть бы тутъ согрѣться. Ни чуть не бывало! Тутъ еще холоднѣе. Потому что днемъ хоть работа г ѣетъ, а ночью-то что? Жить приходилось въ вагонѣ; да холодъ такой страшный, что какъ ляжешь въ валенкахъ, въ полушубкѣ, въ шапкѣ, шинелью, да еще чѣмъ-нибудь укроешься, такъ тогда только кое-какъ не замерзнешь. Потомъ, въ вагонѣ печи желѣзныя. Ну, пока ты ее грѣешь, такъ въ вагонѣ такъ жарко, что хоть рубаху снимай, а перестань топить, сейчасъ же остынетъ и холодъ страшный дѣлается,—нельзя же цѣлую ночь печку топить. Ну, укутаешься кое-какъ, да всю ночь и дрогнешь, а утромъ проснешься, такъ на усахъ бульбушки ледяныя висятъ, ну, и спѣшишь поскорѣе на работу, чтобы отогрѣться поскорѣе. Такъ-то, братцы мои, жить пришлось цѣлый мѣсяцъ; морозъ такой держалъ, что и дыханіе на воздухѣ захватывало; а вѣтры такіе сильные, да холодные, что насквозь, черезъ полушубокъ, пронизываютъ.

И не везло же намъ, какъ только за Асхабадъ вышли; сперва пески сыпучіе были такіе, что и люди и лошади вязли такъ до самаго аула Анау, а тамъ и морозы ударили. Жутко приходилось нашему брату. Да только русскій солдатъ на все гораздъ, ко всему привыкнетъ, все перенесетъ. Ну, да и всякъ зналъ, что безъ того и нельзя, никто и не жаловался на судьбу свою.

Въ Анау станціи мы не устраивали, а дальше прошли. А около полотна желѣзной дороги, не больше какъ въ полуверстѣ, курганъ стоитъ, изъ этого кургана селитру добываютъ. А аулъ Анау небольшой, на горбѣ стоитъ. Тамъ, прежде, персидская крѣпость когда-то была, да какъ текинцы ее отняли, такъ и поселились въ ней и теперь живутъ себѣ не въ кибиткахъ, а въ глиняныхъ мазанкахъ. А посреди крѣпости развалины персидской мечети стоятъ, такой самой, какъ въ Дурунѣ.

Отъ Анау работа, куда какъ, медленнѣе пошла, потому что морозы настали. Къ Ляуру подошли, станцію открыли, Баба-Дурмазъ, Артыкъ тоже,—а морозы все стоятъ.

Наконецъ, какъ въ Каахка пришли, такъ оттепель наступила; было 6-е февраля, въ воздухѣ весной запахло. Весна тамъ рано начинается. Въ концѣ февраля жара уже бываетъ такая, что и въ мундирахъ жарко.

Вздохнули солдатики полною грудью, обрадовались, всѣ уже весны съ нетерпѣніемъ ждали. Зима, хотя и короткая, а всѣмъ надоѣсть успѣла. Отъ Каахка и до Мерва не Богъ вѣсть сколько оставалось, всего лишь 110 верстъ, а тамъ и двухмѣсячный отдыхъ насъ ждалъ.

Сегодня, напримѣръ, въ Каахка мы пришли, а на завтра и парадъ былъ назначенъ, молебенъ благодарственный; а наканунѣ мы другую пѣсенку сочинили. Вотъ она:

2-й Закаспійскій желѣзно-дорожный баталіонъ.

Въ Бѣлокаменной столицѣ
Баталіонъ составленъ нашъ.
Знать, по Царскому приказу,
Мы собрался тотчасъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была.
Мы, какъ соколы, слетались
Изъ различныхъ все частей,
Принести желая пользу
Спеціальностью своей.
Это правда и т. д.
Между нами есть такіе,
Что, куда ни поверни,
Могутъ сдѣлать что угодно,
Только толкомъ разъясни.
Это правда и т. д.
Кондукторы, кочегары,
Машинисты, слесаря,
Больше-жъ, все мастеровые,—
Путевые мастера.
Это правда и т. д.
Баталіонный командиръ нашъ
Не начальникъ, а отецъ:
Онъ по службѣ справедливый
И собою молодецъ.
Это правда и т. д.
Онъ въ «Крутицы» къ намъ пріѣхалъ,
Про походъ намъ разсказалъ,

Что Царь-Батюшка дорогу
Къ Мерву строить приказалъ.
Это правда и т. д.
Мы въ походѣ мѣсяцъ были,
Но намъ это ни почемъ,
Много горя мы хватили,—
На работу, вѣдь, идемъ.
Это правда и т. д.
Встрѣтилъ насъ въ Кизиль-Арватѣ
Самъ строитель-генералъ,
Угощалъ насъ чаемъ, водкой,
Слово ласково сказалъ.
Это правда и т. д.
«Постарайтеся, ребята,
«Вы дорогу провести
«И заслужите за это
«Много чести и хвалы».
Это правда и т. д.
Всякъ прочувствовалъ сердечно
Эти добрыя слова
И отвѣтомъ баталіона
Было дружное «ура».
Это правда и т. д.
Намъ погода не мѣшаетъ,
Подвигаемся впередъ,
Чарка водки, да «спасибо»,—
Дѣло-то быстрѣй пойдетъ.
Это правда и т. д.
Командиръ четвертой роты—
Онъ хорошій человѣкъ:

Управляетъ всей работой,—
Съ нимъ работать бы весь вѣкъ.
Это правда и т. д.

Чрезъ пять мѣсяцевъ укладки,
Къ Асхабаду мы пришли
И «спасибо» заслужили,
Угощеніе нашли.
Это правда и т. т.

Для насъ музыка играла,
Встрѣча славная была,
Артиллерія стрѣляла,
Всѣ кричали намъ «ура».
Это правда и т. д.

Ты, желѣзная дорога,
Много стоишь намъ труда,
Но за «Царское спасибо»
Мы готовы, хоть куда!
Это правда, это правда,
Это правда все была.

И эту пѣсенку потомъ отпечатали, а послѣ парада мы и пропѣли ее. Съ самаго начала молебенъ благодарственный отслужили, потомъ стрѣльба боевая была а ужъ послѣ и парадъ. А какъ кончился парадъ, такъ скачки начались, такія же самыя, какъ и въ Асхабадѣ. Только, тутъ пресмѣшная исторія вышла. Одному солдатику лошади не хватило; такъ онъ что сдѣлалъ?! Сѣлъ на осла, да и выѣхалъ прямо такъ на скачки. Вотъ, смѣху-то было! Всѣ, просто, животики со смѣху надорвали. Что же вы себѣ думаете? Мы

думали, что, вотъ-вотъ, подъ арестъ попадетъ. Такъ нѣтъ,—генералъ еще 5 рублей на водку подарилъ.

— На, вотъ, тебѣ,—говоритъ,—и ты, на своемъ ослѣ, призъ выскакалъ.

Вотъ, какъ отъ Каахка—погода получшала, теплѣть начало, а какъ добрались до Кары-бенда (аулъ такой) такъ тутъ уже совсѣмъ жарко стало. Отъ Кары-бенда все пески пошли сыпучіе, да безводные, на цѣлыхъ 85 верстъ,—тутъ-то мы муки набрались, да бѣды натерпѣлись. Да только все солдатъ превозмогъ, все перетерпѣлъ и себя не посрамилъ; въ маѣ мы къ Мерву добрались, а тутъ уже намъ отдыхъ до самаго августа дали. А что мы въ августѣ дѣлали, когда-нибудь въ другой разъ разскажу.

IX.

Заключеніе.

Вотъ, я разсказалъ вамъ, теперь, братцы мои, гдѣ мнѣ побывать пришлось и что увидѣть. Не разъ мать Россію—свою родную сторонушку вспомнить пришлось. Вотъ, видите-ли, какъ тамошнему народу, текинцамъ-то, жить солоно приходится, сколько трудовъ ему положить надо, чтобы съ голоду не пропасть. И ничего—живутъ себѣ, хлѣбъ добываютъ. У насъ, къ примѣру сказать, всего вдоволь—и воды и лѣсу, а у него ни того, ни другаго нѣтъ. У насъ, весною, землю вспахалъ, взборонилъ, хлѣбъ посѣялъ, да и жди, когда Богъ дождика пошлетъ. А тамъ не то: тамъ текинецъ напередъ знаетъ, что лѣтомъ дождя ему ждать не

откуда, а землю самому каждый день поливать приходится. А когда она размякнетъ, тогда ужъ и ори и сѣй, а потомъ опять поливай, пока всходы не начнутся. А созрѣлъ хлѣбъ и тогда не зѣвай, а то, чуть одинъ день лишній прозѣваешь—и все тогда пропало: весь хлѣбъ осыпется. И что же—ничего: управляются!

Есть у нихъ и рожь, и ячмень, и пшеница, и джугурма (сорчи). Джугурму они на мѣсто нашей гречихи сѣютъ, потому что гречиха тамъ не родится. Мало того, у нихъ и баштаны свои есть, да и какіе еще! Тамъ арбузы, да дыни почище астраханскихъ будутъ, а огурцы не хуже нашихъ, малороссійскихъ. А насчетъ сѣна у нихъ какъ! У насъ сѣна сѣять не нужно, оно и само по лугамъ родится, а тамъ не то! Тамъ луговъ нѣтъ, а дѣлаютъ такъ: возьмутъ, да огородятъ невысокимъ земляным валикомъ кусокъ земли, проведутъ къ нему отъ арыка воду и заливаютъ водою эту землю дня три-четыре, а потомъ вспашутъ и сѣютъ «юнжу».

Юнжа, это у нихъ сѣно такое, хорошее. Смотришь, недѣли черезъ двѣ юнжа и выросла; скосятъ ее, а потомъ она выростетъ и въ другой, и въ третій разъ, только теперь уже безъ посѣва. А то, еще у нихъ другое сѣно есть, «саманомъ» называется, такъ оно немного похуже юнжи будетъ. Саманъ—это горное сѣно, растетъ въ горахъ и сѣять его не нужно. Саманъ тоже раза три въ годъ косятъ. Какъ только скосятъ, сейчасъ же и вяжутъ его въ жгуты, да и сушатъ такъ. Половину на зиму прячутъ, а половина на кормъ лошадямъ, да коровамъ идетъ. Впрочемъ, коровъ у нихъ мало, а верблюдовъ они сѣномъ не кормятъ;

верблюды сами себѣ пищу въ степи отыскиваютъ; онъ все, больше, колючками питаться любитъ. Ну, а насчетъ лошади,—текинецъ уже больно заботливъ. И бережетъ же онъ ее и холитъ какъ! Зимою она у него подъ четырьмя попонами, изъ кошмы, стоитъ, чтобы не холодно ей было, и когда куда ѣдетъ, такъ сѣдло поверхъ попоны надѣваетъ, да и лѣтомъ она у него тоже подъ попоною стоитъ, чтобы солнце не пропекало. Да и красавицы же текинскія лошади! Куда, какъ красивѣе арабскихъ будутъ!

Вотъ, только тамъ овса нѣтъ, совсѣмъ его не родится, а потому, замѣсто овса, лошадей ячменемъ кормятъ. Землю пашутъ такими же плугами, съ виду какъ и у насъ, только похуже будутъ; серповъ у нихъ вовсе нѣтъ, а все косятъ косами. И сѣно, и ячмень, и рожь,—все косятъ. А пашутъ верблюдами, молотятъ цѣпами, такими же, какъ и у насъ. И ничего, справляются, даромъ, что имъ приходится бороться и съ природою, и съ солнцемъ, и съ землею, и со звѣрями. Помните, я разсказывалъ, какіе тамъ звѣри страшные водятся! И самому ихъ беречься надо, и стада свои охранять нужно! Ну, все это еще ничего: тигръ такой звѣрь, что издали и увидѣть и услышать можно, а то, и похуже водятся, такіе, что и не увидишь, какъ къ тебѣ подберется. Змѣи, напримѣръ, разныя ядовитыя, или фаланги, да скорпіоны.

Скорпіонъ—это насѣкомое такое, немного меньше вершка длиною, совсѣмъ на рака похожъ, и съ клещами также, какъ и у рака, только цвѣта онъ блѣдно-желтаго, и какъ укуситъ человѣка, такъ у него тѣло начинаетъ сейчасъ пухнуть и пухнуть, и онъ долго

болѣетъ, а подчасъ и умираетъ. А ежели фаланга укуситъ, такъ ужъ тутъ непремѣнно человѣкъ умретъ. Фаланга—это паукъ такой, грязно-желтаго цвѣта, въ вершокъ величиною,—круглый такой, съ наливнымъ брюхомъ! И ядовитая же это фаланга! Мало того, что человѣкъ отъ нея умираетъ, да еще вспухнетъ весь. Такъ что текинцы дѣлаютъ, какъ отъ этого лечатся! Возьмутъ, весною, фалангу, когда она ядовитѣе всего, бросятъ ее въ баночку, зальютъ деревяннымъ масломъ и держатъ ее такъ въ тепломъ мѣстѣ 21 день,—настойку изъ нея дѣлаютъ. Какъ настоится она хорошенько, такъ тогда масло процѣживаютъ и разливаютъ его по бутылкамъ. Такую бутылочку каждый текинецъ носитъ при себѣ, и если случится, что фаланга кого укуситъ, такъ на томъ самомъ мѣстѣ этимъ масломъ и смазываютъ. Ну, тогда и выздоравливаетъ человѣкъ, и не умираетъ!

Такъ-то, братцы мои, жить приходится текинцу. А народъ-то они честный, хорошій и работящій. Да и Русскому Царю слуги вѣрные, да преданные...

2327 **Петръ Степановъ.**

СТАТЬИ
УСТАВА ДИСЦИПЛИНАРНАГО,

ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

(Высочайше утвержденъ 28-го мая 1888 г.)

(Продолженіе *).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О степени власти воинскихъ начальниковъ по наложенію дисциплинарныхъ взысканій въ особыхъ случаяхъ.

49. Начальники гарнизоновъ, военные губернаторы, коменданты, начальники лагерныхъ сборовъ, или заступающіе ихъ мѣсто, имѣютъ право подвергать и не подвѣдомственныхъ имъ лицъ военнаго вѣдомства аресту, въ мѣрѣ той власти, которая предоставлена имъ закономъ въ отношеніи лицъ, въ ихъ подчиненіи состоящихъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда поступокъ касался общественной безопасности или порядка; 2) когда нарушены объявленныя имъ какія-либо военно-полицейскія мѣры, или ихъ собственное служебное достоинство; 3) когда проступокъ совершенъ во время нахожденія въ караулѣ или при исполненіи другихъ обязанностей службы во ввѣренной имъ мѣст-

---

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ «Чт. для Солд.» сего года.